

ISSN 2587-9510

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ
И ЖУРНАЛИСТИКИ**

Научный журнал

№ 3(26) 2017

- Лингвистика
- Методика преподавания языков
- Аспекты изучения художественного текста
- Лингвокультурология
- Межкультурная коммуникация
- Концептология
- Журналистика в историко-теоретическом аспекте
- Язык СМИ
- События, обзоры, рецензии

**ACTUAL ISSUES
OF MODERN PHILOLOGY
AND JOURNALISM**

Scientific journal

№ 3(26) 2017

- Linguistics
- Methods of teaching languages
- Literary text: aspects of study
- Language and culture studies
- Intercultural communication
- Concept studies
- Journalism in historical and theoretical aspect
- Language of mass media
- Events and reviews

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

Научный журнал

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-70532 от 25.07.2017.

Журнал выходит четыре раза в год.

Ранее журнал издавался под названием «Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация».

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения авторов материалов.

Редакционная коллегия:

Главный редактор – Л.В. Ковалева, доктор филологических наук

Заместитель главного редактора – Н.Н. Лапынина, кандидат филологических наук

Ответственный секретарь – С.А. Скуридина, кандидат филологических наук

Члены редакционной коллегии:

Л.М. Кольцова – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Л.П. Клобукова** – доктор педагогических наук – Москва, Россия; **В. Гладров** – доктор филологических наук – Берлин, Германия; **С. Менгель** – доктор филологических наук – Халле Виттенберг, Германия; **Раджешвар Раджу А.** – доктор PhD по русскому языку – Рева, Индия; **Д. Лесневска** – доктор кафедры иностранных языков и прикладной лингвистики – София, Болгария; **Томтогтох Гомбо** – доктор PhD – Улан-Батор, Монголия; **С.М. Белякова** – доктор филологических наук – Тюмень, Россия; **О.В. Загоровская** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Н.Н. Коростылева** – доктор социологических наук – Москва, Россия; **Г.Ф. Ковалев** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **В.В. Катермина** – доктор филологических наук – Кубань, Россия; **А.В. Полонский** – доктор филологических наук – Белгород, Россия; **Н.В. Цымбалистенко** – доктор филологических наук – Салехард, Россия; **Н.В. Борисова** – доктор филологических наук – Елец, Россия; **Н.Б. Бугакова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Т.А. Воронова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **О.В. Сулемина** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия.

Технический редактор – Т.Ю. Кудрявцева.

Дизайн обложки – М.В. Саратова.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный технический университет».

Юридический адрес издателя: 394026, г. Воронеж, Московский проспект, 14.

Фактический адрес издателя: 394006, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84.

Адрес редакции: 394006, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84, ауд. 5203; тел.: (473) 271-50-48.

© ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2017

ACTUAL ISSUES OF MODERN PHILOLOGY AND JOURNALISM

Scientific journal

The journal is registered by Federal service for supervision in the sphere of connection, information technologies and mass media (Roskomnadzor)

Certificate of registration: PI № FS77-70532 from 25.07.2017.

The journal is published four times a year.

The journal was published as “Scientific newsletter of Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Linguistics and cross-cultural communication”.

The authors are responsible for the content of the articles. The opinion of the editorial committee may not coincide with the authors’ point of view.

Editorial committee:

Chief editor – L.V. Kovaleva, doctor of philology

Deputy chief editor – N.N. Lapynina, PhD in philology

Executive secretary – S.A. Skuridina, PhD in philology

Members of the editorial committee:

L.M. Koltsova – doctor of philology – Voronezh, Russia; **L.P. Klobukova** – doctor of pedagogy – Moscow, Russia; **V. Gladrov** – doctor of philology – Berlin, Germany; **S. Mengel** – doctor of philology – Halle Witternberg, Germany; **Rajeshvar Paju A.** – PhD in Russian language – Rewa, India; **D. Lesnevska** – PhD – Sophia, Bulgaria; **Tomtogtogkh Gombo** – PhD – Ulaanbaatar, Mongol; **S.M. Belyakova** – doctor of philology – Tyumen, Russia; **O.V. Zagorovskaya** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **N.N. Korostyleva** – doctor of sociology – Moscow, Russia; **G.F. Kovalev** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **V.V. Katermina** – doctor of philology – Kuban, Russia; **A.V. Polonsky** – doctor of philology – Belgorod, Russia; **N.V. Tsymbalistenko** – doctor of philology – Salekhard, Russia; **N.V. Borisova** – doctor of philology – Elets, Russia; **N.B. Bugakova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **T.A. Voronova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **O.V. Sulemina** – PhD in philology – Voronezh, Russia.

Technical editor – T.J. Kudryavtseva.

Cover design - M.V. Saratova.

Founder and publisher: Federal state budget editorial institution of higher education «Voronezh State Technical University».

Legislative address of the publisher: 394026, Voronezh, Moskovsky avenue, 14.

Factual address of the publisher: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84.

The address of the editorial office: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84, room 5203; tel.: (473) 271-50-48.

© Voronezh State Technical University, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Ковалева Л.В. Вступительное слово главного редактора.....	8
---	---

Лингвистика

Ковалев Г.Ф. Хронотоп и автобиографизм, как они понимаются в литературной ономастике.....	10
---	----

Методика преподавания языков

Ярославская И.М. Из опыта обучения устному общению иностранных учащихся с помощью кино.....	22
---	----

Аспекты изучения художественного текста

Белова А.В. Тематико-событийный план и лингвистические особенности дневника Александра Павловича Чехова.....	30
--	----

Кушнир К.И. Языковое воплощение основных стихий в стихотворных текстах В. Солоухина (на примере стихии «огонь»).....	39
--	----

Лингвокультурология

Недоступова Л.В. Отражение жизни в лексике говора хутора Синие Липяги Воронежской области.....	46
--	----

Нгуен Фан Зуй, Новикова О.В. Идеал человека в русских и вьетнамских пословицах и поговорках.....	50
--	----

Межкультурная коммуникация

Кейта Мариама, Новикова О.В. Национально-культурная семантика строительной терминологии (на материале русского и французского языков).....	56
--	----

Безверхая И.В., Мифтахова О.В. Лингвокультурный шок в межкультурной коммуникации (на основе немецкого и русского языков).....	61
---	----

Концептология

Катермина В.В. Концепт “horror” и языковая личность Стивена Кинга.....	65
--	----

Журналистика в историко-теоретическом аспекте

- Скуридина С.А., Масленникова И.А. Периодическая печать как историко-культурологический источник (на примере газетных объявлений XIX века)..... 72

Язык СМИ

- Алексеев А.Б. Политический дискурс в «магическом», манипулятивном и мифологическом ракурсе рассмотрения..... 78
- Юрьева Е.В., Гринченко А.И. Этнопсихологический аспект общения..... 86

События, обзоры, рецензии

- Чуйков П.Л. О сборнике работ К.Г. Красухина по этимологии и теории культуры..... 91
- Правила оформления статей..... 94

CONTENTS

Kovaleva L.V. Opening remarks of the chief editor	8
---	---

Linguistics

Kovalyov G.F. The chronotope and autobiographism as they are understood in literary onomatology.....	10
--	----

Methods of teaching languages

Yaroslavskaya I.M. From the experience of teaching foreign students communication by means of cinema	22
--	----

Literary text: aspects of study

Belova A.V. Subject-event plan and linguistic features of diary of Alexander Pavlovich Chekhov.....	30
---	----

Kushnir K.I. Language embodiment of the main elements in poems by V. Soloukhin (on the example of fire).....	39
--	----

Language and culture studies

Nedostupova L.V. Reflection of life in the lexicon of the village Blue Liptiages of the Voronezh region dialect.....	46
--	----

Nguyen Fan Zuy, Novikova O.V. Human ideal in Russian and Vietnamese proverbs....	50
--	----

Intercultural communication

Keita Mariama, Novikova O.V. National cultural semantics of building terminology (based on Russian and French languages).....	56
---	----

Bezverkhaya I.V., Miftakhova O.V. Lingvocultural shock in cross-cultural communication (based on German and Russian languages).....	61
---	----

Concept studies

Katermina V.V. Comcept “horror” and language personality of Stephen King.....	65
---	----

Journalism in historical and theoretical aspect

Skuridina S.A., Maslennikova I.A. Periodical press as the source of historical and cultural studies (based on newspaper advertisements of the 19th century)..... 72

Language of mass media

Alexeyev A.B. The political discourse in the magical, manipulative and mythological angle of review..... 78

Yureva E.V., Grinchenko A.I. Ethnopsychological aspect of communication..... 86

Events and reviews

Chuykov P.L. About the collection of works K.Г. Krasukhina dealing with etymology and theory of culture..... 91

Layout of the articles..... 94

Вступительное слово главного редактора журнала «Актуальные вопросы современной филологии и журналистики»

Дорогие читатели и уважаемые авторы!

Рады представить Вам наш журнал обновленным и «усовершенствованным». Мы не только изменили название, но и расширили тематику издания, углубили проблематику освещаемых в нем вопросов, постарались сделать его более интересным и полезным для Вас.

Вашему вниманию предлагается двадцать шестой выпуск научного журнала «Актуальные вопросы современной филологии и журналистики», который представлен к изданию международной редакционной коллегией и является преемником серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация» Научного вестника Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Выпуск включает исследования, посвященные актуальным проблемам различных областей научного знания – лингвистическим, литературоведческим, методическим и др.

Научный журнал состоит из девяти разделов: I – «Лингвистика», II – «Методика преподавания языков», III – «Аспекты изучения художественного текста», IV – «Лингвокультурология», V – «Межкультурная коммуникация», VI – «Концептология», VII – «Журналистика в историко-теоретическом аспекте», VIII – «Язык СМИ», IX – «События, обзоры, рецензии».

Авторами научных статей данного выпуска являются доктора и кандидаты наук российских и зарубежных вузов. Публикуются также статьи молодых ученых (магистрантов, аспирантов, студентов). В выпуске содержится 13 научных работ.

Раздел «Лингвистика» включает исследование хронотопа и автобиографизма в литературной ономастике (Ковалев Г.Ф.).

Второй раздел – «Методика преподавания языков» – содержит методические рекомендации по обучению устному общению иностранных учащихся с помощью кино на уроках РКИ (Ярославская И.М.).

В разделе «Аспекты изучения художественного текста» представлены статьи, посвященные тематико-событийному плану и лингвистическим особенностям дневника Александра Павловича Чехова (Белова А.В.), а также языковому воплощению стихии «огонь» в стихотворных текстах В. Солоухина (Кушнир К.И.).

Четвертый раздел – «Лингвокультурология» – включает исследование способов отражения жизни в лексике говора хутора Синие Липяги Воронежской области

(Недоступова Л.В.) и воплощения идеала человека в русских и вьетнамских пословицах и поговорках (Нгуен Фан Зуй, Новикова О.В.).

Работы пятого раздела – «*Межкультурная коммуникация*» – раскрывают специфику национально-культурной семантики строительной терминологии (на материале русского и французского языков) (Кейта Мариама, Новикова О.В.), а также проблему лингвокультурного шока в межкультурной коммуникации (на основе немецкого и русского языков) (Безверхая И.В., Мифтахова О.В.).

В статье шестого раздела – «*Концептология*» – исследуется концепт “horror” и языковая личность Стивена Кинга (Катермина В.В.).

Седьмой и восьмой разделы – «*Журналистика в историко-теоретическом аспекте*» и «*Язык СМИ*» – представлены в журнале впервые и предлагают вниманию читателей статьи, посвященные актуальным вопросам истории, теории, методологии и практики журналистики. Авторы рассматривают периодическую печать как историко-культурологический источник на примере газетных объявлений XIX века (Скуридина С.А., Масленникова И.А.) и анализируют политический дискурс в «магическом», манипулятивном и мифологическом ракурсе (Алексеев А.Б.).

Заключительный раздел содержит рецензию на сборник работ К.Г. Красухина по этимологии и теории культуры (Чуйков П.Л.).

Содержащиеся в выпуске 3 (26) научные работы затрагивают проблемы современной лингвистики, журналистики, методики преподавания, межкультурной коммуникации, изучения языка художественных текстов и СМИ.

Полагаем, что данное издание будет интересно специалистам-филологам, журналистам, методистам, преподавателям русского языка как иностранного, учителям школ, гимназий и лицеев, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

Главный редактор научного журнала
доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой русского языка
и межкультурной коммуникации ВГТУ,
Почетный работник высшего
профессионального образования РФ

Ковалева Л.В.

ЛИНГВИСТИКА LINGUISTICS

УДК 811. 161. 1'282. 2 (470324)

*Воронежский государственный универси-
тет, филологический факультет
д. филол. н., профессор кафедры славян-
ской филологии
Ковалев Г.Ф.
Россия, Воронеж, (473)2208497
e-mail: kovalev@phil.vsu.ru*

*Voronezh State University
Department of Philology
The chair of Slavonic Philology
Doctor of Philology, full professor
Kovalyov G.F.
Russia, Voronezh, (473)2208497
e-mail: kovalev@phil.vsu.ru*

Г.Ф. Ковалев

ХРОНОТОП И АВТОБИОГРАФИЗМ, КАК ОНИ ПОНИМАЮТСЯ В ЛИТЕРАТУРНОЙ ОНОМАСТИКЕ

Статья посвящена проблеме статуса таких понятий в литературной ономастике, как *хронотоп* и *автобиографизм*. Эти понятия и термины по-разному понимаются и определяются в литературоведении и в литературной ономастике исследователями разных дисциплин филологии – литературоведами и лингвистами. Актуальность исследования обусловлена важной ролью имен персонажей в творческой жизни любого писателя. В работе обращено особое внимание на специфику исследования имени собственного как одного из важнейших составляющих художественного текста, выделены факторы, оказывающие влияние на выбор основных ономастических единиц: авторское сознание, значение онима, системность имен в литературном произведении, системность хронотопа, социальность системы имен. В исследовании рассматривается, в чем состоит отличие значения собственного существительного от нарицательного, и отмечается двуплановость значения имени собственного, которое имеет: 1) этимологическое значение; 2) коннотативное значение. Методика работы ученого-ономаста связана с поиском деталей, помогающих вскрыть ономастическую лабораторию того или иного автора, в его черновиках, в воспоминаниях его современников, а также в косвенных источниках. Выбор имени для персонажей или ономастического фона определяется не только вкусом или целеполаганием автора, но и его знакомством с именем или носителем имени. Писатель может сам создавать имена, но будет использовать в именах только известные ему элементы, составленные по известным ему правилам и законам.

Ключевые слова: ономастика, оним, ономастическая единица, антропоним, литературная ономастика, имя собственное, имя нарицательное, хронотоп, хронотопичность, автобиографизм.

G.F. Kovalyov

THE CHRONOTOPE AND AUTOBIOGRAPHYSM AS THEY ARE UNDERSTOOD IN LITERARY ONOMATOLOGY

The article concerns the status of such notions as the chronotope and autobiographysm in literary onomatology. These notions and terms are understood and defined differently in literature studies and in literary onomatology by representatives of different branches of philology, which is by researches of literature and linguists.

The actuality of our research is determined by the importance of heroes' names in the creative activity of any writer. Special attention is paid to the specifics of research of personal name as one of the main components of artistic text and to the factors which influence the choice of onomastic units: the author's mind, the meaning of the name, consistency of names in a literary work, consistency of the chronotope, social essence of the onomastic system. The research also sites the difference between personal and common names and marks the biplanning of meaning of personal names which possesses etymological and connotative meaning. The methods of onomastic research is connected with the search of details to reveal onomastic laboratory of this or that author in the drafts, memoirs of the contemporaries and indirect sources as well. The choice of the hero's name or the onomastic background is determined not only by the author's tastes or purposes but also by his knowledge of the name or its bearer. The writer can create names himself but will use in them only the elements which are well-known to him and compiled according to the familiar rules and laws.

Key words: onomatology, onym, onomastic unit, the anthroponym, literary onomatology, personal name, common name, the chronotope, chronotopical, autobiographysm.

Роль имен персонажей в творческой жизни писателя велика. С.Довлатов по своему вполне справедливо считал: «Персонажи неизменно выше своего творца. Хотя бы уже потому, что не он ими распоряжается. Наоборот, они им командуют» [10; с. 55].

В свое время (еще в 1840 г.) В.Ф. Одоевский размышлял: «Одна мысль, одно слово, как искра, может зародить в голове целый поэтический план, часто отдаленный от своего первого зародыша. Редко это происходит мгновенно; закинутая, в душе мысль лежит долго, зреет незаметно для вас самих и вдруг, совсем неожиданно, является во всей полноте пред вами; иногда, преследуя развитие сей мысли, вы дойдете до какой-либо мысли или даже слова, прочитанного или слышанного, и отдаленного от вашей мысли бесчисленными рядами, проходящими сквозь разные миры» [24; с. 394]. И таким словом зачастую может быть имя собственное и, значительно частотней, из онимов – антропоним. Видимо, отсюда и более тщательное отношение к именованию литературного произведения именно антропонимом и значительно реже другими разрядами имен собственных.

Можно с уверенностью говорить, что уже со времен А.С. Пушкина в отечественной литературе выбор имени персонажа был обусловлен:

1) *авторским сознанием*, авторским выбором, даже если автор не всегда осознает свой выбор и якобы полагается на случайность;

2) *значением онима*, поскольку литературный оним имеет только два типа значения: этимологическое и коннотативное. На их основе формируется стилистический потенциал имени собственного в художественном тексте.

3) *системностью имени* в самом произведении. Имена в любом произведении составляют систему. Они системны уже по условию самого авторского включения их в произведение. Например, фамилия *Онегин* для А.С.Пушкина была хороша тем, что она входила в цикл имен с амфибрахическим ритмом: *Татьяна, Владимир, Евгений, Пращковья, Полина, Акюлька, Селина*. Такой тип имен создает в тексте дополнительную *именную* (почти неощутимую) *рифму*. Имя *Дубровского – Владимир* – было выбрано Пушкиным также из-за его тяги к амфибрахическим именам, поэтично укладывающимся в систему русского словоизменения, ср., с одной стороны: *Владимир Дубровский, Кири́ла Петро́вич, Шабáшкин*; с другой, хоть в именительном падеже и *Андре́й, Дефо́рж, Архи́п, Анто́н* – это ямбическая структура, но в остальных-то падежах (а уж тут

употреблений их гораздо больше!) всё равно оказывается амфибрахий: *Андре́я, Де-фо́ржа, Архи́пу, Анто́ном* и т.п.

4) *системностью хронотопа*. Термин *хронотоп* (с греч. χρόνος – время, τόπος – место) – понятие, которое ввел в сферу гуманитарных наук, эстетики и поэтики, в литературоведение М.М. Бахтин, предложив называть так гармонию времени и пространства, художественно освоенных в литературе. М.М. Бахтин понимал хронотоп как формально-содержательную категорию литературы, называл хронотопом существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений. В литературно-художественном хронотопе имеет место «слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем. Этим пересечением рядов и слиянием примет характеризуется художественный хронотоп» [2; с. 234].

Некоторые ученые, особенно лингвисты, включают в понятие *хронотоп* практически любые упоминания о лексике, связанной с категориями времени и пространства. Полагаем, что в литературной ономастике в хронотоп будут входить только такие «приметы времени и пространства», которые работают или на развитие сюжета, или существенно отражают или фиксируют время и ситуацию, как она складывалась в сознании автора. Поэтому хронотопом может стать, казалось бы, обычный предмет, характерный для вполне определенной эпохи (например, папиросы «Ира» – «Все, что осталось от старого мира»), упоминание о хронологической ситуации и т.д.

Как видим, в литературоведении термин *хронотоп*, как и положено, рассматривается довольно расплывчато (множество слов о гармонии времени и места и т.д.). В литературной же ономастике хронотоп следует понимать (не отрицая, естественно, гармонии) более точно, как определенный и образный показатель времени и места, зачастую как бы случайно, а иногда и нарочито выраженный онимами, характерными для эпохи, отраженной в произведении. Системность имен обусловлена временем, отраженным в произведении, с одной стороны, и, с другой стороны, не так явно – временем, в котором автор писал данное произведение, даже если автор пишет о другой эпохе; хронотопность имени персонажа может быть выражена даже подтекстом имени, связанного с литературно-общественной полемикой определенного времени, например, имена персонажей ряда пьес Шаховского в отношении карамзинистов («Урок кокеткам» и др.).

Песня о погибшем танкисте появилась в годы войны, хотя это лишь переделка еще дореволюционной песни о гибели в шахте коногона. И все равно ее текст можно представить как хронотоп: «В танкистской форме при погонах и ей он больше не жених». Дело в том, что в начале войны наши военнослужащие не носили погон. 10 января 1943 года приказом НКО № 24 было объявлено о принятии Указа Президиума Верховного Совета СССР от 06.01.1943 года «О введении погон для личного состава Красной Армии». Перейти на погоны, согласно приказу, нужно было за полмесяца – с 1

по 15 февраля 1943 года, однако в сражении на Курской дуге в июле этого года некоторые лётчики и танкисты ещё носили не погоны, а старые петлицы.

Даже определенная социальная ситуация может быть квалифицирована как хронотоп: в рассказе Д.Хармса «Победа Дымова» главный персонаж почему-то лежит в коридоре, но не в одной из комнат коммунальной квартиры. Кто-то скажет: так не бывает, но так было. Ордер советские работники выписывали не на конкретные метры в комнате, а лишь на проживание в квартире. Как писал А.А.Кобринский, «человек имел право жить в квартире, а своей комнаты не имел» [16; с. 459].

5) *социальностью системы имен*. Имена в произведении отражают социумы или, точнее, их представителей, которые репрезентируют эти социумы и поэтому отражают или единство социальных слоев, или их различие. Сюда включаются и различия возрастного характера, так как лица различного возраста обладают разным социальным статусом и, соответственно, различными вариантами имен.

Поэтому можно определенно утверждать, что главные показатели литературной ономастики отражаются в *хронотопности* и *автобиографизме*. Да если уж говорить по большому счету, эти показатели являются и основными стимулами самой писательской деятельности.

Идеи многих авторов о том, что имена собственные не обладают собственным значением, на наш взгляд, являются ошибочными. Откуда же идет эта ошибка: дело в том, что большинство имен собственных построено на материале имен нарицательных, при этом приобретаю собственную мощную базу словопроизводства (масса уменьшительно-ласкательных, увеличительных и даже ругательных форм), причем эта база имеет свои возрастные и социальные срезы. Можно говорить, что имя собственное не имеет такого же значения, что у имен нарицательных, но оно (кстати, принадлежа к единственной категории частей речи – существительному) имеет целых два значения: 1) этимологическое, например, Владимир – владеющий миром, покоем, то есть миротворец; 2) коннотативное, например Владимир – князь Владимир Ясно Солнышко, Владимир – Ленин и т.д.

Причем коннотация в творчестве писателя может быть не узуальной, а индивидуальной. Вот как С.Я. Маршак объяснял кличку коня:

«Это был молодой норовистый конь, которого хозяин завода предоставил в распоряжение отца, так как жили мы далеко от города.

Ворончиком назвали его, вероятно, потому, что шерсть у него была черная и лоснистая, как вороново крыло, но для меня эта кличка была больше связана с именем города. Ворончик – воронежский конь» [19].

Методика нашей работы связана с поиском деталей в творчестве писателя, помогающих вскрыть ономастическую лабораторию того или иного автора, в его черновиках, в воспоминаниях его современников и даже в совершенно косвенных источниках. Удивительно, но методы наши совпали с тем, о чем писал П.А. Вяземский, когда он готовил свой труд о Д.И. Фонвизине: «Тут на опыте убедился я в пользе и правдивости учения, что всё во всем (tout est dans tout). Все в мире часто незаметно, но более или менее связывается и держится между собою. Ни в физическом, ни в нравственно-человеческом мироздании нет пустых мест. Все последовательно и соответственно за-

нято. Нередко одно слово, одно имя, одно малейшее событие может вас увлечь в разнообразные и далекие изыскания. Так было и со мною» [5; с. 308].

К сожалению, имена могут быть и средством псевдонаучной эквилибристики. Мы уже писали, как используют литературоведы (а иногда и некоторые лингвисты) термин, доставшийся нам от эпохи «неистового Виссариона» – мы имеем в виду пресловутые «речные фамилии» персонажей типа Онегин, Ленский и Печорин [15; с. 210-221].

Другой вариант измышлений с помощью литературных имен проиллюстрируем фрагментом очень дельной работы Елены Толстой о специфике творчества А.П. Чехова. Разбирая рассказ «Тина», Е.Толстая пишет о его героине: «Сусанна обманывает, увлекает и губит. Здесь характерно ее имя: библейское Сусанна – невольная соблазнительница. Библейская аллюзия скомкана и намеренно неточна, на самом деле героиня должна бы – по роли своей – быть Юдифью, увлекающей любовью врага своего народа, чтоб погубить его» [26; с. 31]. Налицо навязывание А.П. Чехову несуществующей библейской аллюзии, а затем ее опровержение: дескать, неправ Чехов. Вполне возможно, что Чехов, намеренно или даже не отдавая себе отчета, выбрал имя *Сусанна*, даже не обращаясь к библейской традиции, а имея перед собой аллюзию в виде народного героя *Сусанина*.

Г.Г. Амелин и Б.Я. Мордерер полагают, что к циклу О. Мандельштама «Стихи о русской поэзии» примыкает его же стихотворение «К немецкой речи» [1; с. 20]. Их аргументы: «Латинское *germano*» означает «родной» или «брат». Именно об этом напоминает поэт в разгар братоубийственной войны:

Всё перепуталось, и сладко повторять:

Россия, Лета, Лорелея. (I, 127). [1; с. 20-21].

О ком же говорит О.Мандельштам в русско-немецком («*germano*-вском») аспекте? Авторы полагают: «Родная немецкая речь говорит о Гумилеве судьбою и стихами поэта-офицера Клейста, «любезного Клейста, бессмертного певца Весны, героя и патриота», как назвал его Карамзин» [1; с. 21]. И разгадку диахронической и межэтнической связи авторы подают через сопоставление значений двух фамилий: «нем. *Kleister* – «клей», как и *Gummi* (Клейст/Гумилев)» [1; с. 22].

Это написано красиво и оригинально, но только для ...неподготовленных литературоведов. Дело в том, что здесь мы имеем то, что в народе называется «В огороде бузина, а в Киеве дядька». Во-первых, не *Kleist*, а *Kleister* по семантике равнозначно общеславянскому слову *клей*; во-вторых, нем. *Kleist* произносится как *Кляйст*, в-третьих, *Gummi* действительно первично обозначало нечто клейкое, гибкое, но все же это не клей, а *резина*, и это слово входит необходимым элементом в немецкие слова *Gummiboot* – резиновая лодка, *Gummischuh* – резиновая обувь, *Gummiüberzug* – презерватив.

Да, Иоганнес фон Гюнтер, прибалтийский немец, вращавшийся в кругу поэтов Серебряного века, писал: «Я познакомился с Николаем Степановичем Гумилевым, моим другом Гумми, – ибо таковым было в нашей среде его прозвище – в первый же день» [9; с. 266]. Прозвище воистину в западной традиции (ср. современное *Горби* от *Горбачев*).

А фамилия *Гумилев* никак ни с *клеем*, ни с *резиной* не связана. В принципе, это фамилия семинарская, происходит от латинск. *humilis* – 1) низкий, низкорослый, 2) простой, простонародный [28; с. 72]. И тем более эта несурзаца совершенно непонятна, поскольку сами же авторы в сноске приводят шуточную эпиграмму:

Наш Гумми – Лев –
Гуммиарабский
Иль африканский, непростой.
Ты засыпаешь? Ах, постой!
Он подражатель, но не рабский:
Букварь французский одолев,
Гумми – резиновый, но Лев. [18; с. 64-65].

Имя в художественном или публицистическом тексте является не только показателем или воплощением хронотопа, оно является и показателем автобиографизма.

Например, М. Шагинян выяснила при анализе текста романа О. де Бальзака «Утраченные иллюзии», что французский автор регулярно черпал именник и протоперсонажей из своей же действительности: «Дело в том, что я погрузилась во все французские газеты того времени, когда Бальзак писал этот роман. И, к восторгу своему (восторгу исследователя), открыла, что Бальзак, в сущности, писал эту парижскую эпопею как репортаж: все, все, ну буквально все – имена куртизанок, происшествия, названия ресторанов и увеселительных мест, имена снобов и ловеласов из аристократических семейств, титулованных лиц с их экипажами и гризеток в их нарядах – было в газетах» [29; с. 505].

Интересно высказался Е.И. Замятин: «Кстати сказать, как правило, фамилии, имена прирастают к действующим лицам так же крепко, как к живым людям. И это понятно: если имя почувствовано, выбрано верно – в нем непременно есть звуковая характеристика действующего лица» [12; с. 978].

Следует сказать, что не всегда мы имеем дело именно с выбором самим автором того или иного имени в своем произведении. Зачастую автор бывает поставлен в такие обстоятельства, что выбирать приходится между «нельзя» и «разрешено». Имеется в виду не только цензура, но и многие другие факторы. Например, пушкинская «Сказка о попе и о работнике его Балде», написанная в «Болдинскую осень» (1830 г.), не могла быть напечатана при жизни поэта. После смерти поэта, когда В.А. Жуковский все-таки решился ее опубликовать, то назвал ее «Сказка о купце Козьме Остолопе» (с соответственной переделкой текста). Роман Пушкина «Дубровский» получил свое название совсем не от автора, а после смерти от редакторов, готовивших роман к печати.

А вот замечательный драматург Л.Г. Зорин поведал о таком факте «выбора» имени с помощью цензуры в пьесе «Римская комедия»: «У меня Домициан жил на Гранатовой улице, что соответствует исторической истине. Заставили переделать улицу на Каштановую. Считалось, что Гранатовая вызовет аллюзию с улицей Грановского, где жили многие члены правительства...» [14; с. 10].

Изучать в писательском творчестве необходимо все основные единицы ономастического пространства: антропонимы, топонимы, астронимы, зоонимы и т.д. И тогда открывается еще один аспект изучения имени: имя как показатель истинной принадлеж-

ности автора к тому или иному произведению. Сколько копий сломано по поводу авторства В.Шекспира. Брался в электронную обработку текст (правда, с чем его сравнивать?), делались и другие попытки доказать его авторство или обратное. А вот лучше всего в этом процессе анализа текстов В.Шекспира все-таки сработала ономастика. В работах И.Гилилова вполне аргументированно доказывается, что одними из авторов «Шекспира» являются граф Роджер Мэннерс Рэтленд и его супруга Елизавета [6; с. 99-100]. В самом деле, В.Шекспир, как и А.С. Пушкин, никогда не выезжал за пределы своей родины. Кроме того, В.Шекспир напрочь не знал иностранных языков, да и писал по-английски не как граф. А вот граф Рэтленд учился в Падуе (Италия), и теперь уже документально известно, что его соучениками были датские студенты, знаменитые по «Гамлету», – да-да, те самые *Розенкранц* и *Гильденстерн*. Более того, известно, что граф Рэтленд специально в 1603 г. ездил в Данию (чтобы «довести» текст «Гамлета»?).

Точно так же исследования ономастики Карела Чапека, проведенные Иржи Опеликом (Їарек 1980), привели к тому, что было расшифровано и содержание, и биографическое наполнение романа К.Чапека «Крекатит» (1920 г.). Благодаря кропотливому изучению писем, название замка *Загур* было представлено как анаграмма фамилии: *Zagur < Hruř(ov)á*. Оказалось, что образ главной героини, княжны Вилли, был во многом списан автором с реальной женщины – Веры Грузовой, с которой автора связывало большое чувство [23; с. 246].

И даже такое произведение, как «Похождения бравого солдата Швейка» чешского писателя Ярослава Гашека, тоже глубоко автобиографично. Парадоксально, но именно сам будущий гениальный писатель регулярно «косил» под идиота в своем 91-м пехотном полку австро-венгерской армии. Сначала Гашек разыгрывал в полковой жизни «идиота Швейка», а потом описал свои похождения в бессмертном романе. Какие-то черты своих будущих героев автор подсмотрел именно в полку. Его знакомый Эрнест Кольман написал мемуары, где остановился и на истории 91-го полка. С.Нехамкин изложил этот материал: «Многие персонажи «Швейка» носят черты подлинных сослуживцев писателя. Кто из них действительно был идиотом и подлецом? У кого-то просто имелись человеческие слабости? Так или иначе, под пером Гашека женолюбие реального обер-лейтенанта *Лукаша* (вообще-то храброго и дельного офицера) или дизентерия действительно существовавшего кадета *Биглера* стали темой для феерически смешных баек» [22; с. 12]. Сам Э.Кольман, придя в полк, уже не застал Гашека, но часто слышал рассказы о нем старослужащих: «Мы жадно слушали передаваемые вполголоса солдатами-«старожилами» легенды, что служил такой парень, притворявшийся дурачком. Он изводил офицеров, доводя выполнение любого приказа до несуразности. И придраться к нему нельзя было! Сыпались историйки одна смешнее и перчёнее другой. А мы, уткнув головы в набитые соломой подушки, еле сдерживали взрывы хохота». Ведь «всех их – обер-лейтенанта Лукаша, кадета Биглера, фельдкурата *Каца* и других я застал» [22].

То, что биография, понимаемая как собственный жизненный опыт писателя, с необходимостью накладывает отпечаток на все его творчество, не вызывает никаких сомнений. Именно это и составляет суть автобиографизма писательской ономастики. Ча-

ственным случаем автобиографизма являются мемуары самих писателей и собственно автобиография. Писательских автобиографий в истории отечественной литературы было написано довольно много. Например, самой первой в Древней Руси оказалась автобиография, написанная князем-писателем Владимиром Мономахом.

Однако нужно еще и поставить вопрос: что же действительно составляет биографию писателя? Справедливо об этом писал А.И. Рейтблат: «Биография невозможна без биографа, т.е. человека, который, исходя из своих представлений о мире, о мотивах человеческой деятельности, должен придать смысл жизни своего персонажа, «собрать» его уникальную личность. В жизни человека происходит масса «микрособытий!», от нее остается много разнообразных «следов» – вещи, записи его самого и о нем, фотографии и т.д. Биограф лишь очень немногие из них принимает во внимание и считает биографическими фактами, остальное он не включит в биографию. Так что, как ни парадоксально это звучит, биография не в меньшей мере зависит от биографа, чем от персонажа» [25; с. 439-440].

Поэтому, конечно, если есть хоть какие-то документы (не важно, заметки ли это, черновики самого автора или воспоминания других людей, контактировавших с ним), касающиеся того, каковы были планы автора, как он сам понимал тот или иной образ, кто мог послужить прототипом или прототипом его персонажа, они обязательно прольют определенный свет и приоткроют завесу тайн творческой лаборатории автора.

По мнению А.А. Ахматовой, мемуаристика не может рассматриваться как документ: «Что же касается мемуаров вообще, я предупреждаю читателя: 20% мемуаров так или иначе фальшивки. Самовольное введение прямой речи следует признать деянием уголовно наказуемым, потому что оно из мемуаров с легкостью переключивается в [серьезные] почтенные литературоведческие работы и биографии. Непрерывность тоже обман. Человеческая память устроена так, что она, как прожектор, освещает отдельные моменты, оставляя вокруг неодолимый мрак. При великолепной памяти можно и должно что-то забывать» [13; с. 555].

Н. Гончарова попыталась объяснить такую позицию великой поэтессы: «Для Ахматовой личные записи – это разрыв в броне личности, через который досужему и часто недоброжелательному глазу легко проникнуть к самым глубинам творческого, да и просто человеческого сознания. Дневник в ее понимании – лазейка, по самой своей природе предающая своего создателя, обнажающая его тайны» [8; с. 328].

Марсель Пруст категорично полагал, что творчество писателя и его же биография – это абсолютно независимые сферы. Однако, анализируя роман М. Пруста «В поисках утраченного времени», Л.Я. Гинзбург отметила, что его создатель смело интерпретирует документально-биографическую основу и активно «деформирует реально-бытовой пласт». Больше того, она уточняет, что в романе «не только автопсихологичен рассказчик, но и для каждой черты и детали этого романа, для любых его элементов может быть найден источник в жизненном опыте автора» [7; с. 13].

Писатель С. Есин на возражения Пруста о биографизме его произведений писал: «А вот Марсель Пруст всю жизнь описывал своих родных, мать, теток» [11; с. 24]. Это ли не автобиографизм?

И наоборот, А. Колесников в рецензии на издание писем матери И.С. Тургенева («Твой друг и мать Варвара Тургенева»: Письма В.П. Тургеневой к И.С. Тургеневу (1838-1844), Тула, 2012, 584 с.), как нам кажется, верно подметил: «Именной указатель книги 30 страниц, в нём примерно 1800 имён. Вот Школа!

Бесконечное мелькание лиц – эпизодично или подробно потом встанут они на страницах романов, повестей и драм. Встаёт и уклад жизни, имеющий самостоятельное историко-культурное значение. Ясно, как страшный русский быт становился грандиозной прозой, какое образное значение приобретал он у творцов. Понимая, кто пишет и кому, даже к бытовым деталям писем – а они в основе таковы – возникает наше невероятное внимание. Бесчисленные подробности ткнут художественную реальность. На них вырастает словесность. «... из деревни что можно писать интересного?» – спрашивает она [Варвара Петровна. – Г.К.]. Оказывается, всё содержательно, или почти всё» [17; с. 14].

Бывший директор Яснополянского музея-заповедника В.И. Толстой хорошо и со знанием дела сказал о «мелочах», которые хоть в какой-то мере способствуют раскрытию мира писателя: «У каждого гения есть своё Место в мире. Но его собственный Мир не растворяется в других мирах, он с ними лишь соприкасается, пересекается, взаимодействует, ведёт неслышимый и непрестанный диалог из своего далека, из глубины своего времени. Дома писателей – это условные стены их поистине безграничных миров, они как сосуды, продолжающие хранить их дух; они оберегают их любимые предметы и безделушки, их карандаши и перья, фотографии и книги, привычки и увлечения... Они всегда чуть приоткрывают завесу их тайны. Но лишь чуть – ибо загадка гения не поддается разрешению смертных» [Цит. по: 5; с. 8].

Аналогично выразил свою мысль и критик В.Бондаренко, только относительно не ментальности и быта, а именно «героя своего времени»: «...почему же все и сегодня боятся сказать, что многое в своём герое Лермонтов брал из себя. В этом откровенно не раз признавался поначалу и сам Михаил Юрьевич. Это впечатление выразил тот же Виссарион Белинский: «Печорин – это он сам как есть». Как-то, даря свой роман княгине Одоевской, будучи у неё в гостях, Михаил Лермонтов на заглавном листе романа после печатных слов «Герой нашего времени» добавил запятую и дописал: «упадает к стопам её прелестного сиятельства, умоляя позволить ему не обедать».

Он как бы приравнял себя к «герою нашего времени». Конечно, это не слепок с автора, скорее, он высмеивает ту одержимость злом, красотой зла, которая присутствует в Печорине. Но ведь и сам Михаил Лермонтов всю жизнь боролся в себе самом с тем же любованием красотой зла. Печорин – это издевательская карикатура автора на самого себя» [3; с. 15].

В работах по литературной ономастике следует прислушаться и к словам Романа Jakobsona: «Нельзя, естественно, впадать ни в вульгарный биографизм, рассматривающий литературное произведение как воспроизведение ситуации, из которой оно возникло, и выводящий из текста произведения то или иное событие, ни в вульгарный автобиографизм, догматически отрицающий любую связь между литературным произве-

дением и жизненной ситуацией» [30; с. 146]. Правда, выдающийся славист, как нам кажется, дав точные дефиниции, все же подобрал неудачную пару терминов-антонимов.

Так что же составляет автобиографизм автора в его творчестве? Да практически всё: все тексты автора порождены его жизнью, его начитанностью, его наблюдательностью. Писатель не очень-то и задумывается над тем, поймет или не поймет его читатель. Выбор имени для персонажей или ономастического фона диктуется (ограничивается) не только вкусом или целеполаганием автора, но и его знакомством с именем или носителем имени. И с точки зрения происхождения имени можно сказать: писатель может и сам конструировать имена (особенно в фантастических произведениях, ср.: Аэлита у А.Н. Толстого, которое можно расшифровать как: *Аэ* = воздух + *элита*, или почти прозрачное имя Дар Ветер у И.А. Ефремова). Однако при этом он обязательно будет использовать в именах только известные ему элементы, составленные по известным ему правилам и законам.

С позиций ономастических исследований здесь открывается другая проблема – автобиографизма писателя, более того – ономастического автобиографизма. И задача исследователя творчества писателя – узнать, каким образом и когда писатель обрел знание того или иного онима. Крайне важна в литературной ономастике и работа с писательской перепиской. Здесь открываются возможности документировать ономастические факты [20; с. 241-245].

Кажется, можно найти общие направления у автобиографизма и хронотопичности. Прав был А.Ф. Одоевский, когда в своих «Психологических заметках» отмечал взаимозависимость эпохи и социума: «Напыщенный XVII век любил идиллическую поэзию, нежных пастушков и пастушек. Век грубого терроризма гонялся за придворным утонченным волокитством; наш коммерческий век – век расчета и сомнения – требует в литературе кровавых страстей и фанатизма. «Луcreция Боргиа» на сцене – и газеты, такие, которые наполняется известиями, например, о том, каким образом однажды поутру банкир Ротшильд, завертывая пакет, засунул куда-то сверток ассигнаций, – эти явления отвечают друг другу, они не могли случиться в разные века» [24; с. 398]. Однако не только явления и различные слова бывают показателями эпохи и даже более мелкого временного отрезка – гораздо чаще время и пространство передаются с помощью онимов. Поэтому имена собственные в творчестве писателей играют такую огромную роль, да и в разгадке лаборатории творчества писателя, именно благодаря хронотопичности и автобиографизму, именам собственным принадлежит немаловажная роль.

Библиографический список

1. Амелин Г.Г., Мордерер Б.Я. Миры и столкновенья Осипа Мандельштама. М., 2001.
2. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики: сб. М.: Худож. лит., 1975.
3. Бондаренко В. Звёздный мальчик // Лит. газ., 2013, № 8.
4. Вишневская К. Гении и Места // Лит. газ., 2010, № 23.
5. Вяземский П.А. Записные книжки. М., 1992.

6. Гилилов И.М. Игра об Уильяме Шекспире, или Тайна Великого Феникса. М., 2000.
7. Гинзбург Л.Я. О литературном герое. Л., 1979.
8. Гончарова Н. О так называемых «Дневниковых записях» Анны Ахматовой // Вопросы литературы. 2011. № 3.
9. Гюнтер И. фон. Жизнь на восточном ветру. Между Петербургом и Мюнхеном. М., 2010.
10. Довлатов С. Записные книжки. Л., 1992.
11. Есин С. Дневник. 1998 год. // Нижний Новгород, 2000, № 3.
12. Замятин Е.И. Закулисы // Замятин Е.И. Зеленый ветер. Воронеж, 2002, с. 978.
13. Записные книжки Анны Ахматовой (1958-1966). Москва – Torino, 1996.
14. Зорин Л. Процесс интереснее результата // Литературная газета, 2011, № 22.
15. Ковалев Г.Ф. Онегин, Ленский... Далее имя рек? // Европейские языки: историография, теория, история. Вып. 7. Глазов, 2009.
16. Кобринский А.А. Даниил Хармс. М., ЖЗЛ, 2008.
17. Колесников А. Любовь и деньги Варвары Петровны Тургеневой // Лит. газ., 2013, № 4.
18. Лукницкая Вера. Николай Гумилев. Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. Л., 1990.
19. Маршак С.Я. В начале жизни // Маршак С.Я. Собрание соч. в 8 т., т. 6, с. 14.
20. Михеичева Е.А. Письма как комментарий к роману И.Бунина «Жизнь Арсеньева» // Метафизика И.А. Бунина. Воронеж, 2008.
21. Набоков В.В. Комментарий к роману А.С.Пушкина «Евгений Онегин». СПб., 1998.
22. Нехамкин С. Однополчанин Швейка // Аргументы недели, 2014, № 39.
23. Никольский С.В. О поэтике скрытых мотивов и неявных значений в антиутопиях братьев Чапеков и М.Булгакова // Славянские литературы. Культура и фольклор славянских народов. М., 1988.
24. Одоевский В.Ф. Записки для моего праправнука. М., 2006.
25. Рейтблат А.И. Биография и литературоведение // Новое литературное обозрение, 2009, № 95.
26. Толстая Е.Д. Поэтика раздражения. М., 2002.
27. Тынянов Ю.М. Архаисты и новаторы. М., 1929.
28. Федосюк Ю. Русские фамилии. М., 1996.
29. Шагинян М.С. Человек и время. М., 1982.
30. Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987.

References

1. Amelin G.G., Morderer B.J. Osip Mandelstam's worlds and collisions. M., 2001.
2. Bakhtin M.M. Forms of the time and the chronotope in the novel. Sketches oh historical poetics. // Issues of literature and esthetics: collection of works. M., 1975.
3. Bondarenko V. The star child // Literary newspaper, 2013, iss. 8.
4. Vishnevskaya K. Geniuses and Places // Literary newspaper, 2010, iss. 23.

5. Vjazemsky P.A. Notebooks. M., 1992.
6. Gililov I.M. The game of William Shakespeare, or the Great Phoenix Mystery. M., 2000.
7. Ginzburg L.J. About the literary hero. Leningrad, 1979.
8. Goncharova N. About the so-called "Diaries" by Anna Akhmatova // Issues of literature. 2011. Vol. 3.
9. Gunter I. fon. Life in the eastern wind. Between St.-Petersburg and Munich. M., 2010.
10. Dovlatov S. Notebooks. Leningrad, 1992.
11. Esin S. Diary. 1998 // Nizhny Novgorod, 2000, iss. 3.
12. Zamjatin E.I. Behind the scenes // Zamjatin E.I. Green wind. Voronezh, 2002, p. 978.
13. Anna Akhmatova's notebooks (1958-1966). M.; Torino, 1996.
14. Zorin L. The process is more interesting than the result // Literary newspaper, 2011, iss. 22.
15. Kovalyov G.F. Onegin, Lensky... the next river name? // European languages: historiography, theory, history. Iss. 7. Glazov, 2009.
16. Kobrinsky A.A. Daniil Kharms. M., 2008.
17. Kolesnikov A. Varvara Petrovna Turgeneva: love and money // Literary newspaper, 2013, iss. 4.
18. Luknitskaya Vera. Nikolay Gumilyov. The poet's life according to the materials of the home archive of the Luknitsky family. Leningrad, 1990.
19. Marshak S.J. At the beginning of life // Marshak S.J. Collection of works in 8 vol., vol. 6, p. 14.
20. Mikhiecheva E.A. Letters as comments to the novel "Arseniev's Life" by I.A. Bunin // Metaphysics of I.A. Bounin. Voronezh, 2008.
21. Nabokov V.V. Comments to the novel "Eugeny Onegin" by A.S. Pushkin St.-Petersburg, 1998.
22. Nekhamkin S. Svejck's brother-soldier // Weekly arguments, 2014, iss. 39.
23. Nikolsky S.V. About poetics of hidden motives and implicit meanings in anti-utopias by the Chapek brothers and M. Bulgakov // Slavonic literatures. Culture and folklore of Slavonic nations. M., 1988.
24. Odoevsky V.F. Sketches for my great-grandson. M., 2006.
25. Reitblat A.I. Biography and literature studies // New literature review, 2009, iss. 95.
26. Tolstaya E.D. Poetics of irritation. M., 2002.
27. Tynyanov J.M. Archaists and innovators. M., 1929.
28. Fedosyuk J. Russian surnames. M., 1996.
29. Shaginyan M. The human being and the time. M., 1982.
30. Jakobson R. Works on poetics. M., 1987.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ METHODS OF TEACHING LANGUAGES

УДК 378.147

*Ростовский государственный медицинский университет
подготовительный факультет
по обучению иностранных граждан
ст. преп. кафедры русского языка № 2
Ярославская И.М.
Россия, г. Ростов-на-Дону, 89185278575
e-mail: yaroirina@yandex.ru*

*Rostov State Medical University
Preparatory faculty for training foreign citizens,
the Department of Russian as a foreign Language № 2
Senior Lecturer
Yaroslavskaya I.M.
Russia, Rostov-on-Don, 89185278575
e-mail: yaroirina@yandex.ru*

И.М. Ярославская

ИЗ ОПЫТА ОБУЧЕНИЯ УСТНОМУ ОБЩЕНИЮ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ С ПОМОЩЬЮ КИНО

Цель данной статьи – рассмотреть некоторые вопросы обучения общению на русском языке иностранных учащихся этапа предвузовской подготовки с помощью кино. Практика показывает, что это актуально: обучение иноязычному общению является необходимым условием для жизни и продуктивной учёбы иностранных учащихся – будущих студентов – в новом социуме.

Автор описывает формы работы, способствующие эффективному формированию коммуникативных компетенций иностранных учащихся этапа предвузовской подготовки. Научить общаться на иностранном языке значит взаимодействовать с людьми, обмениваться с ними информацией, понимать представителей другой культуры, их менталитет, поведение.

В статье рассказывается, что объектом исследования явились содержание и методическая организация обучения общению иностранных учащихся предвузовского этапа с помощью кино, предметом исследования – способы оптимизации процесса формирования коммуникативной компетенции иностранных учащихся, необходимых для корректной речевой деятельности.

В процессе работы использовались следующие методы исследования: а) наблюдение за речевой деятельностью иностранных учащихся предвузовского этапа обучения; б) анализ научно-методической и учебной литературы по проблемам преподавания иностранных языков в том числе русского как иностранного; в) педагогический эксперимент; г) моделирование процесса обучения общению с помощью кино; д) собственный опыт преподавания иностранного языка в средних учебных заведениях.

Проводимая работа по обучению общению с помощью кино даёт свои результаты. Кино на занятиях по русскому языку в иноязычной аудитории предоставляет преподавателю возможность использовать его как средство развития продуктивной речи иностранных учащихся, способствует развитию у них навыков аудирования, говорения, понимания не только вербальных, но и невербальных средств общения.

В процессе такой работы создаётся модель речевого поведения иностранного учащегося в новой языковой среде. Учащийся учится говорить на неродном языке.

Кино, являясь «перспективным средством обучения языку благодаря большой информативности зрительно-слухового ряда», создаёт условия для подготовки иностранных учащихся к реальному общению, активизируя коммуникативные навыки, приобретаемые в процессе изучения русского языка, от-

крывает перед ними новые интеллектуальные перспективы, знакомит их с традициями, а также сведениями из истории страны изучаемого языка.

Способы и методы, описанные в данной статье, проверены опытом работы и могут оказать помощь преподавателям иностранного языка, начинающим педагогическую работу.

Ключевые слова: иностранные учащиеся, этап предвузовской подготовки, аутентичные художественные фильмы, развитие умений речевого общения, средство продуктивной речи иностранных учащихся.

I.M. Yaroslavskaya

FROM THE EXPERIENCE OF TEACHING FOREIGN STUDENTS COMMUNICATION BY MEANS OF CINEMA

The aim of the article is to consider some questions of teaching foreign students of pre-University training stage communication in Russian with the help of a cinema. Practice shows that it is actually: teaching foreign communication is a necessary condition for international learners – future students – to the life and productive studying in a new society.

The author describes forms of teaching, which promote effective formation of communicative competence of foreign students of pre-University training stage by means of a cinema. To teach communicating in foreign language means to interrelate with people, to exchange the information with them, to understand the representatives of another culture, their mentality, behavior.

The article says that content and methodical organization of teaching communication of foreign students by means of a cinema were the object of the study, and the ways of optimization of the process of forming of communicative competence of foreign students, necessary for correct speech activity were the subject of the study.

In the process of teaching there used the following research methods: a) monitoring of speech activity of foreign students of pre-University training stage; b) analysis of scientific, methodical and educational literature on the problems of teaching foreign languages including Russian; c) pedagogical experiment; d) modeling of the process of teaching communication by means of a cinema; e) own author's experience of teaching foreign language in schools and colleges.

Ongoing work on teaching communication by means of a cinema gives its results. Cinema at the Russian language classes with foreign audience provides the teacher with a possibility to use it as a mean of development of productive speech of foreign students, helps to develop their skills in oral comprehension, in talking, helps to understand not only verbal but also non-verbal means of communication.

In the process of such work it is created the model of speech behavior of foreign student in a new language environment. The student is taught to speak non-native language.

Cinema being “a perspective mean of teaching language thanks to great informativity of visual-auditory line”, creates conditions of real communication for foreign students, activates communicative skills, which are being obtained in the process of learning Russian, opens in front of them new intellectual perspectives, gets acquainted them with traditions and with some facts from the history of the country the language of which they learn.

Methods described in the article are checked by experimental work and can be helpful to the teachers of foreign language who start pedagogical work.

Key words: foreign students, pre-University training stage, authentic fiction films, development of skills of oral communication, a mean of productive speech of foreign students.

Развитие компьютерных технологий современного общества предоставляет большие возможности для школьников, студентов средних и высших учебных заведений, специалистов в разных областях науки. В настоящее время компьютер стал неотъемлемой частью нашей жизни: поисковые системы Yandex, Google и др. помогают найти необходимую справочную, учебную, культурологическую и любую другую информацию, обмениваться ей. Скайп-система «сокращает расстояния», предоставляя воз-

возможность хоть каждый день поддерживать связь с родными и близкими, которые находятся далеко. Через интернет-сайты можно оплачивать услуги, покупать и продавать товары, не выходя из дома, вебинары – проводить конференции и др.

Иностранные учащиеся, используя возможности Интернета, проводят за экраном монитора достаточно много времени: ищут учебную информацию, читают объяснения на родном языке по тем или иным вопросам, которые вызывают трудности, непонимание на занятиях по предметам во время своей учебной деятельности, а в свободное время смотрят любимые фильмы в основном на английском языке. Идти в ногу со временем, несомненно, большой плюс, но IT-технологии не могут заменить живое человеческое общение для тех, кто изучает языки.

Чтобы знать язык, надо говорить на нём, иметь представление о речевом поведении, которое связано с конкретной ситуацией. Зачастую иностранные учащиеся неправильно оформляют свою речь от незнания того, что и как сказать в соответствующей ситуации. И сегодня, когда они живут и учатся в России, умение общаться на русском языке стало необходимостью.

Под словом «общаться» мы подразумеваем следующее: «взаимодействовать с участвующими в разговоре личностями, слушать их и отвечать, понимая», т.е. общение – это 2 вида речевой деятельности, неразрывно связанных между собой: слушание и говорение. Таким образом, «общение» нами понимается как полилог – расспрос, полилог – рассуждение, полилог – дискуссия, т.е. это разговор, в котором участвуют люди и который включает в себя как диалогическую, так и монологическую речь.

Учебный процесс, как понимают и преподаватели, и иностранные учащиеся, не даёт полного представления об общении, особенно на начальном этапе изучения языка. Общение иностранных учащихся ограничено рамками учебной деятельности. В основном они ведут беседу на русском языке с преподавателями. Им необходимо время, чтобы адаптироваться к жизни в новом социуме.

Жизнь в России для иностранного учащегося включает в себя не только учебную деятельность, но и приобретение друзей, различные поездки: сначала на учебные экскурсии, затем на студенческие конференции, участие в конкурсах, в органах самоуправления в общежитии, а также во время учебной практики, например, беседу с русскими людьми и др.

Разговор (расспрос, рассуждение, дискуссия) имеет свою специфику. Он содержит неполные предложения. Реплики могут быть выражены различной интонацией. Кроме того, «носитель языка в процессе разговора использует разные экспрессивные оттенки – шутки, сравнения, сопоставления, иногда говорит нестандартно, образно, иногда иронично, а иногда использует готовые словосочетания – фразеологизмы, которые необходимо запоминать, знать в том виде, в каком они установились в языке, и с тем значением, которое закрепилось за ними» [6; с. 380–383].

Поэтому изучающего иностранный язык, в том числе и русский как иностранный (РКИ), необходимо обучать понимать манеру внешнего выражения информации, эмоции и оформлять собственное высказывание, соответствующее конкретной ситуации, чтобы донести свои мысли до слушателя.

Ощущая трудность вхождения в академическую среду высшего учебного заведения, многие иностранные учащиеся уже на этапе подготовительного факультета желают как можно скорее овладеть правильной речью, выразить на изучаемом языке то, что им хочется сказать.

Это побуждает и заставляет преподавателя-практика, работающего с иностранной аудиторией, изучать и анализировать теоретические исследования и практические разработки учёных по проблеме обучения РКИ, чтобы найти и применить на практике оптимальные методы и средства преподавания, которые бы облегчили свободное общение иностранцев на изучаемом языке.

Учёные – классики методической науки (Е.И. Пассов, И.А. Зимняя, В.Л. Скалкин) – рекомендуют ставить обучающихся в личностно значимые ситуации, которые стимулируют общение.

Руководствуясь одной из основных целей обучения РКИ, а именно: обучение иностранных учащихся коммуникативной компетенции для последующего общения с носителями языка, необходимо использовать те средства преподавания, которые позволили бы им за ту же единицу времени получить больше информации, знаний, практического опыта.

Нам представляется, что эту задачу можно решить, используя кино – аутентичные художественные фильмы, которые будут способствовать понять языковую среду, естественную речь носителей языка и в то же время придадут учебному процессу коммуникативную направленность

Кино является «перспективным средством обучения языку благодаря большой информативности зрительно-слухового ряда, а также динамизму изображения. Ситуативность и динамизм изображения делают этот вид наглядности особенно эффективным средством обучения речевому общению» [5; с. 241].

Во время просмотра происходит идентификация учащихся-зрителей с героями фильма, учащийся проникает во внутренний мир героев: радуется вместе с ними, сочувствует им, негодует, возмущается, т.е. «кино способствует достижению «эффекта присутствия» [1; с. 75–77].

Преподаватель же, используя фильмы, решает методические задачи. Ему необходимо определить и создать проблемные ситуации, которые бы вызывали у учащихся естественное желание говорить и которые бы требовали соответствующей реакции.

Е.Б. Фрайфельд также отмечает, что «художественный фильм <...> может быть использован для обучения пониманию иноязычной речи на слух; для развития навыков говорения, спонтанной устной и письменной, монологической и диалогической речи; для лексического обогащения речи; расширения профессионального иноязычного тезауруса; развития коммуникативных и культурологических способностей студентов» [4; с. 18].

Заметим, однако, что ранее просмотр фильмов на русском языке для иностранных учащихся не вызывал интереса. Им было сложно воспринимать звучащую с экранов живую русскую речь, которая предъявлялась однократно, её быстрого темпа, нечёткой артикуляции героев фильма.

Сегодня же мультимедийные средства, DVD-диски с художественными фильмами «гибки» и удобны для использования в учебном процессе. Их преимущества очевидны. Просмотр происходит не в огромном зрительном зале, где шум, опоздания зрителей на сеанс, попкорн и пр. мешают иностранцам сконцентрироваться, а в привычной для учащихся обстановке – в аудитории – вместе с преподавателем. Внимание учащихся приковано к монитору, на котором разворачиваются события и который является как бы «окном в жизнь». Преподаватель имеет возможность в нужный момент остановить фильм на том или ином фрагменте, вернуть некоторые, трудные для понимания эпизоды фильма назад, объяснить то, что было им не понятно.

Кино даёт положительное педагогическое воздействие, когда оно используется в учебном процессе оправданно, когда фильм связан с темой урока, является его составной частью, материалом для изучения языка.

В 2016–2017 учебном году автор данной статьи работала с группой португалоговорящих учащихся, прибывших на учёбу в Россию из Анголы. Группа отличалась организованностью, любознательностью, стремлением узнать как можно больше о России, её культуре, истории, людях. Была огромная заинтересованность в изучении русского языка, в приобретении умений и навыков устной разговорной речи.

Вторая новелла «Наваждение» из фильма «Операция «ы» и другие приключения Шурика» явилась отправной точкой обучения общению иностранных учащихся с использованием кино. Лёгкий, понятный им по содержанию фильм смотрелся с большим интересом, потому что рассказывал о жизни и учёбе студентов и был «привязан» к изучению одноимённой темы.

Несмотря на то что фильм в лексическом плане не трудный для иностранцев, первому просмотру видеоматериала предшествовала подготовительная работа. Чтобы лучше понять содержание новеллы, преподаватель вкратце рассказала сюжет фильма. Затем преподаватель знакомила учащихся с разговорными фразами, отобранными из диалогов той или иной сцены в соответствии с планируемой в дальнейшем работой. Эти фразы записывались учащимися с доски в тетрадь.

На дом они получали задание запомнить их и знать, кто, кому и при каких обстоятельствах их произносит. На следующем этапе тренировалось умение учащихся воспринимать выученный дома материал без опоры на записи. Преподаватель произносил реплику, учащиеся должны были сказать, какая реплика вызывала данную и какая являлась реакцией на неё.

На занятии учащимся предлагалось посмотреть сам фильм с заданием отметить реплики, прозвучавшие в том или ином эпизоде.

Далее работа была посвящена развитию умений речевого общения. По заданию преподавателя каждый учащийся готовил реплику, а другой должен был быстро отреагировать и дать ответ, подходящий данной ситуации, тем самым отработывалась быстрота реакции, темп речи, а также естественное внешнее невербальное оформление высказывания. Тренировка в речевом общении продолжалась разыгрыванием двух эпизодов фильма: разговор на экзамене с профессором и разговор Шурика со своим другом о Лиде, которая спускалась по ступенькам университета после сдачи экзамена.

Одним из приёмов работы, который требует самостоятельного высказывания, было обсуждение. Учащимся было предложено ответить на вопросы. Вот некоторые из них: Какие поведенческие ошибки совершили студенты в аудитории на экзамене? Какие проблемы существуют у студентов при подготовке к сдаче экзаменов? Шпаргалки помогают или мешают студентам? В чём сходство и отличие в сдаче экзаменов в университете в России и на родине? и др.

Учащиеся группы с увлечением читали сюжетные тексты по произведениям русских писателей, которые знакомили их со страной изучаемого языка, её историей и культурой.

Чтение рассказа М.А. Шолохова «Судьба человека», представленного в Пособии по обучению чтению для подготовительных факультетов [2; с. 150–163], глубоко взволновало их. Знакомство с этим произведением происходит весной и органично вписывается в контекст подготовки нашей страны к празднованию Дня Победы. Узнав, что

существует фильм, снятый по этому рассказу, учащиеся читали его с особым интересом.

Адаптированный вариант рассказа включает в себя 8 глав. Первая глава повествует о встрече автора с героем рассказа и его сынишкой на переправе. Во второй главе Андрей Соколов рассказывает о себе, своей семье. Третья – это проводы Андрея на фронт. Четвёртая глава говорит о ранении главного героя и взятии его в плен. Пятая глава – разговор с комендантом лагеря Мюллером. Шестая – побег Андрея Соколова из плена. Седьмая – вести о гибели семьи. В восьмой заключительной главе Андрей Соколов рассказывает о его встрече с Ванюшкой.

Чтение с последующим просмотром фильма требовало педагогическую помощь в постижении иностранными учащимися проблематики и смысла фильма. Сюжет содержит историческую информацию, не совсем знакомую молодым иностранцам. Учащимся необходимо было дополнительно комментировать произведение, потому что, как отмечает С.Г. Тер-Минасова, «комментарий помогает увидеть событие или действующее лицо через призму описываемого времени» [3; с. 101]. К просмотру фильма, была разработана система занятий. Тема каждого урока имела своё название, она записывалась на доске. Это концентрировало внимание иностранных учащихся, заставляло их думать, расставлять акценты.

Систему уроков можно представить следующим образом: 1-е занятие называлось «Знакомство», на котором учащиеся читали о встрече автора с героем рассказа и его сынишкой на переправе. «Глаза – зеркало души» - это была тема 2-ого занятия. Преподаватель, прочитав портретную зарисовку Андрея Соколова и его сынишки, объясняет, что писатель употребляет для характеристики главного героя простые слова «*высокий мужчина*», «*большие тёмные руки*». Перед учащимися предстаёт обыкновенный человек, но особое внимание иностранных учащихся преподаватель обращает на зарисовку глаз: «*Но вот глаза... Видали вы когда-нибудь глаза, наполненные такой смертной тоски, что в них трудно смотреть?*» Так, студенты понимают, что в жизни Андрея Соколова произошло что-то серьёзное, потому что об этом говорят его глаза, в которых отражается внутреннее состояние его души: боль, тоска.

Третье занятие под названием «Самое дорогое у человека – это семья» было посвящено личной жизни Андрея Соколова, его семье, семейным отношениям. «Ах, война, что ты сделала, подлая» - эти слова стали темой четвёртого и пятого занятий. Учащиеся узнали, о чём и как разговаривал комендант лагеря Мюллер с А. Соколовым, о том, как совершил побег Андрей Соколов из плена, о гибели семьи. Заключительный урок назывался «Радоваться жизни с тобой, малыш!». Андрей Соколов рассказывает о его встрече с Ванюшкой.

Принцип работы по подготовке иностранных учащихся к просмотру фильмов, описанный выше, был взят за основу и для «Судьбы человека», но имел и свои особенности.

Учащимся было предложено найти в тексте и прочитать описание времени года, природы, а затем, используя языковые средства писателя, письменно составить рассказ «Первая послевоенная весна на Дону» по первой главе и выучить его. Вот что написали учащиеся: «*Была первая послевоенная весна. В конце марта подули тёплые ветры, побежали быстрые речки. Это был первый после зимы по-настоящему тёплый день. Был полдень. Солнце светило горячо, как в мае. На синем небе проплывали белые облака*».

При просмотре начала фильма, фрагмента встречи А. Соколова и автора рассказа на переправе, тренировалось умение учащихся использовать выученный дома материал и описать время года синхронно показываемым кадрам при выключенном звуке и без опоры на свои записи. При необходимости для закрепления зрительного образа и собственной речи фрагмент демонстрировался повторно.

В качестве домашнего задания иностранные учащиеся выписывали из текста информацию о семье, его жене и др., чтобы понимать закадровый текст, внутренние монологи (размышления) А. Соколова, когда его провожает на фронт жена, когда он ранен, когда рассуждает сам с собой о том, где ему жить.

Интерес к фильму не пропал из-за того, что им был известен сюжет. Важно было сравнить прочитанное и увиденное. До просмотра фильма учащиеся рассказывали, как они представляют главного героя рассказа, его жену, Ванюшку, описывали их внешность, а при просмотре фильма им было интересно увидеть, совпало ли их собственное представление с представлением авторов о героях фильма. Они следили за поступками героев, их жестами, мимикой.

Финал «Судьбы человека» никого не оставляет равнодушным. Он побуждает всех и иностранных учащихся также к дискуссии и, следовательно, обсуждение событий фильма, поступков его героев создают реальные ситуации общения на русском языке.

Иностранные учащиеся думают, размышляют, отвечая на самые разные вопросы, например: а) Ранее вы прочитали, а сейчас посмотрели фильм «Судьба человека». Что вас взволновало, что оставило равнодушным? б) Андрей Соколов сказал неправду Ване о том, что он его отец. Почему он сказал неправду? Как вы считаете, всегда ли надо говорить правду? Всегда ли ложь плоха? в) Оптимистичен или пессимистичен финал рассказа. Как вы думаете?

Использование фильмов активизирует процесс преподавания русского языка иностранцам.

Кино помогает слушать и слышать язык, который они изучают, вникнуть в значение русского слова. Зрительный ряд усиливает внимание, учит речевому поведению в определённых ситуациях, стимулирует развитие речевых навыков, является эффективным средством обучения аудированию.

Кино помогает прикоснуться к великой русской литературе, понять произведение, рассказать о характере русских людей, манере общаться, их жизни, традициях.

Каждая студенческая группа, состоящая из российских или иностранных учащихся, – это живой организм. Как человек, она индивидуальна, имеет свой характер, свое лицо. Бывает так, что приёмы, используемые при обучении иностранного языка и РКИ, хорошо работают в одной группе и совсем не работают в другой.

Использование кино в учебном процессе в группе португалоговорящих учащихся начального этапа обучения было продуктивно, потому что ситуации общения были интересными для данного контингента учащихся, на занятиях складывались отношения партнёрства, увлечённость коммуникативно-познавательной деятельностью без страха сделать языковую ошибку.

Кино, предлагая много тем и бесед для речевого общения, оказывает реальную помощь преподавателю в обучении учащихся говорению и слушанию (аудированию).

Иностранцам же учащимся знакомство с живым русским языком, звучащим с экрана, помогает в их учебной деятельности по формированию умений и навыков в устном общении, показывает и учит некоторым моментам речевого поведения.

Библиографический список

1. Бегийович О.С. Кино в обучении иностранным языкам // Вестник Южно-уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2009. № 2 (135). С. 75–77. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11740693>.
2. Пособие по обучению чтению для подготовительных факультетов. Приложение к «Старту 1-2» и «Старту -3». М.: Рус. яз., 1988. 232 с.
3. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 146 с.
4. Фрайфельд Е.Б. Художественный фильм как средство профессионально-личностного развития студентов при изучении иностранного языка в высшей школе // автореф. дис. ... канд. пед. наук. Нижний Новгород, 2006. 24 с. URL: <https://refdb.ru/look/1782153.html>.
5. Щукин А.Н. Обучение иностранным языкам: теория и практика. Учебное пособие для преподавателей и студентов. М.: Филоматис, 2006. 480 с.
6. Ярославская И.М. Знакомство с фразеологизмами как одно из условий формирования вторичной языковой личности иностранных учащихся // Проблемы модернизации современного высшего образования: лингвистические аспекты. Материалы III Международной научно-практической конференции: в 2-х томах. Омский автобронетанковый инженерный институт. М.: Изд-во «Издательство Ипполитова», 2017. С. 380–383.

References

1. Begiyovich O.S. Movie in teaching foreign languages // Bulletin of Southern-Urals State University. Part: Linguistics. 2009. № 2 (135). P. 75–77. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11740693>
2. Textbook on teaching reading for preparatory faculties. Appendix to «Start 1-2» and «Start-3». 2-nd ed., reworked. M.: Russian Lang., 1988. 232 p.
3. Ter-Minasova S.G. Language and cross-cultural communication. M.: Slovo, 2000. 146 p.
4. Frayfeld E.B. Fiction film as a method of professional and personal students` development while learning foreign language at higher school // Abstract of dissertation ... of can. of pedagog. sciences. Nizhniy Novgorod, 2006. 24 p. URL: <https://refdb.ru/look/1782153.html>.
5. Schukin A.N. Teaching foreign languages: theory and practice. Textbook for teachers and students. 2-nd ed., corrected and added. M.: Filomatis, 2006. 480 p.
6. Yaroslavskaya I.M. Familiarity with phraseological units as one of the conditiones of formation of the secondary linguistic personality of international students // In the collected articles book: Problems of modernization of present-day higher education: linguistics aspects. Materials of the 3-rd International scientific conference in 2 volumes. Omsk Auto and Armoured Engineering Institute. M.: Ippolitov Publishing House, 2017. P. 380–383.

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА LITERARY TEXT: ASPECTS OF STUDY

УДК 82

*Санкт-Петербургский государственный
медицинский университет им. И.И. Меч-
никова*

*к. филол. н., доцент кафедры русского
языка*

Белова А.В.

*Россия, Санкт-Петербург, +79119447714
e-mail: ioanna.ventina@gmail.com*

*St. Petersburg State Medical University
named after I.I.Mechnikov*

The Department of Russian language

PhD, assistant professor

Belova A.V.

*Russia, Saint-Petersburg, +79119447714
e-mail: ioanna.ventina@gmail.com*

А.В. Белова

ТЕМАТИКО-СОБЫТИЙНЫЙ ПЛАН И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДНЕВНИКА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА ЧЕХОВА

В данной статье исследуется жанр дневника. Исследование дневников того или иного периода позволяет составить адекватное представление о характере эпохи, постичь мироощущение носителей сознания определенного культурно-исторического социума, выявить художественную ценность и специфические особенности дневника как документа своего времени. Наиболее интересным и ценным материалом для подобного исследования представляются дневники тех лиц, которые являлись не только свидетелями и участниками преобразований жизни, но и которые оказывали непосредственное влияние на ход событий. К разряду подобных документов, безусловно, относятся дневники профессиональных писателей. В статье описываются тематико-событийная канва и лингвистические особенности дневника старшего брата Антона Чехова – писателя, беллетриста, репортёра газеты «Новое время» Александра Павловича Чехова. Начат дневник в июле 1898 года, заключительные страницы его относятся к январю 1913 года. В статье выделяются ведущие языковые особенности дневниковых записей, присущих в том числе и дневнику Александра Чехова. Сделана попытка сравнительного лингвистического анализа дневниковых записей Ал.П. Чехова и его писем, адресованных Антону Павловичу Чехову. При сравнении языковых особенностей дневниковых записей и писем Александра Павловича Чехова прослеживаются общие тенденции, также определяются автор, герой и адресат дневника, даются их характеристики. Описываются способы интенсификации, индивидуализации, экспрессии речи автора дневника; рассматривается языковая личность автора дневниковых записей. Определены некоторые способы формирования интимной тональности эпистолярного диалога и дневниковых записей, при которых автором дневника используется целая гамма языковых средств.

Ключевые слова: Антон Чехов, Александр Чехов, жанр, дневник, мемуары, лингвистика, языковые особенности, письмо.

A.V. Belova

SUBJECT-EVENT PLAN AND LINGUISTIC FEATURES OF DIARY OF ALEXANDER PAVLOVICH CHEKHOV

In this article the diary genre is investigated. The research of diaries of this or that period allows to make adequate idea of character of an era, to comprehend attitude of carriers of consciousness of a certain cultural and

historical society, to reveal the art value and specific features of the diary as document of the time. The most interesting and valuable material for a similar research submits diaries of those persons which were not only witnesses and participants of transformations of life, but also who exerted direct impact on the course of events. Diaries of professional writers, certainly, belong to the category of similar documents. In article a tematiko-event outline and linguistic features of the diary of the elder brother Anton Chekhov – the writer, the fiction writer, the reporter of the *NovoyeVremya* newspaper Alexander Pavlovich Chekhov are described. The diary in July, 1898 is begun, his final pages belong to January, 1913. In article the leading language features of the diary entries inherent including are distinguished to Alexander Chekhov's diary. The attempt of the comparative linguistic analysis of diary entries of P. Chekhov Ave and his letters directed to Anton Pavlovich Chekhov is made. When comparing language features of diary entries and Alexander Pavlovich Chekhov's letters it was succeeded to track the general tendencies. Also the author, the hero and the addressee of the diary are defined, their characteristics are given. Ways of an intensification, individualization, an expression of the speech of the author of the diary are described. The language identity of the author of diary entries is considered. Some ways of formation of intimate tonality of epistolary dialogue and diary entries at which the author of the diary uses the whole scale of language means are defined.

Key words: Anton Chekhov, Alexander Chekhov, genre, diary, memoirs, linguistics, language features, letter.

Исследователи дневников в большинстве своем приходят к выводу, что, несмотря на некоторую промежуточность, жанр дневниковых записей вполне можно считать самостоятельным жанром, который, несомненно, обладает жанрообразующими признаками. «Константными, основополагающими признаками в этом случае являются синхронность, т.е. одновременность восприятия события и его фиксации; автокоммуникативность, являющая тождество автора и адресата; «первообразность», т.е. литературная необработанность записей; датировка. Реализация константных и факультативных признаков зависит от авторской установки, которая, в свою очередь, определяется временем и личностью создателя дневника» [7].

Исследование дневников того или иного периода позволяет составить адекватное представление о характере эпохи, постичь мироощущение носителей сознания определенного культурно-исторического социума, выявить художественную ценность и специфические особенности дневника как документа своего времени.

Особую ценность представляют дневники тех лиц, которые являлись не только свидетелями и участниками преобразований жизни, но «вдохновителями» и «подстрекателями», оказывающими непосредственное влияние на ход событий. К разряду подобных документов, безусловно, относятся дневники профессиональных писателей [7]. Таким документом является дневник Александра Павловича Чехова, писателя, беллетриста, репортёра газеты «Новое время».

В Московском архиве литературы и искусства (РГАЛИ) в рукописном отделе в архивном личном фонде М.А. Чехова [актёр МХАТ, сын Ал.П. Чехова. – А.Б.] сохранился дневник его отца, Александра Павловича Чехова, старшего брата А.П. Чехова. Дневник состоит из 77 страниц и переснят на плёнку. Начат он в июле 1898 года, заключительные страницы его относятся к январю 1913 года. Записи сделаны в тетради, собственноручно переплетённой автором [в цитатах авторская орфография и пунктуация сохранены. – А.Б.].

Начиная свой дневник, Ал.П. Чехов объясняет цель его написания: «Июля 29. 1898 год. Мне, как литератору и газетному сотруднику приходится писать очень много, Писанье – это мой хлеб. Но редко-редко приходится писать искренне и именно то, чего просит душа и о чём думаешь в ту минуту, когда пишешь. Рассказ ли это, газетная ли статья или заметка – всё это работа такая, в которой всегда нужно помнить для кого и куда пишешь, а стало быть и писать в известном духе и тоне. Это одно уже исключает искренность и делает акт писания не делом и работою любви, а ремеслом. А всякое ремесло, как известно, требует отдыха. Когда мысль моя отдыхает от творчества и вообще от работы, она всегда вертится около каких-нибудь пустяков или воспоминаний. С

литературной точки зрения мысли эти гроша медного не стоят и никому, кроме меня, не интересны. Но почему мне не записать их, если это составляет отдых и в то же время доставляет своего рода... ну, хоть удовольствие, что ли... Разгадка этой заманчивости заключается в непринужденности, в отсутствии необходимости подделываться под чужие требования и вкусы и в верности самому себе» [10, 1].

Сам автор дневника называет его так: «Свалка нечистот, мыслей, идей, фактов и всякого мусора. В назидание детям, Коле, Тосе и Мише, после моей смерти».

«Пишу я в ней [тетради. – А.Б.] ализариновыми чернилами, которые сделал сам из чернильных орехов, талька, хлорнаго железа, индигатина, анилиновой зелени и воды. Пишут эти чернила приятным зеленовато-синим цветом, имеют среднюю реакцию и скоро чернеют. Удача эта меня, как старого химика... интересует. Мало этого, я делаю пробу и с другими чернилами, тоже мною изобретаемыми...» [10, 1]. Действительно, записи в тетради часто написаны разным оттенком чернил, демонстрируют тем самым процесс становления качества изобретаемого продукта. Встречается в дневнике и упоминание о другом химическом опыте – «берёзовых чернилах» [10, 5].

Темы, которые затрагиваются в дневнике Ал.П. Чеховым, многообразны: литературное творчество, его изобретения и опыты, семья, дети, отец, здоровье, события личной жизни.

Событийная канва жизни в дневнике отражена лишь отчасти: «30 августа, воскресенье. Мои именины» [10, 30], «Сентября 3-го четверг. Сильное наводнение» [10, 32], «1-го сентября понедельник. Здоровье моё почему-то великолепно. Хожу, ощущаю себя здоровым и радуюсь. Бросил алкоголь и точно переродился» [10, 34], «1 августа, суббота. Ни черта полезного и дельного я сегодня не сделал. Пропал день ни за понюх табаку. Даже ни одной порядочной мысли в голову не пришло, а о творчестве и говорить нечего. С тех пор как абсолютно бросил пить – фантазия исчезла совершенно и в мозгу бродят одни только отрывочные мысли» [10, 8], «27 вск. Тепло. Гулял, Хворал» [10, 77], «28 янв. Пон-к. Ясно, тепло» [10, 77]; в записях от 31 октября 1898 года дано описание смерти и похорон отца, Павла Егоровича Чехова, в Москве. В тот же год создана запись о посещении колонии для алкоголиков и встреча с Ольдерогге [доктор Ольдерогге – известный профессор, лечивший алкоголиков гипнозом. – А.Б.]

Встречаются и размышления о жизни: «1 августа, суббота. Не люблю я этого времени года [об осени. – А.Б.]. Оно напоминает мне о предстоящем уже скоро-скоро закате дней моих <...> Не хотелось бы умирать рано, но ничего не поделаешь: раз врачи сказали, что сердце не в порядке – на долголетие рассчитывать нечего» [10, 7].

Тема семейной жизни, отношений с женой, детьми – одна из главных тем дневника Ал.П. Чехова.

«Хорошая мы с Наташей пара: подошли друг к другу, как пара сапог... Если брак – лотерея, то оба мы вытащили по счастливому номеру...» [10, 3]. Так автор с теплотой и благодарностью отзывается о супружестве с второй женой, Натальей Александровной Гольден, которая смогла стать матерью двух сыновьям Ал.П. Чехова от первого брака.

Дневниковые записи раскрывают образ нежного, любящего, но строгого отца троих сыновей. Он не может не волноваться за их будущее.

«Растут к несчастью Митрофанушки! Годы уходят. Тоське [Антону. – А.Б.] уже почти 13 лет, а он и читать порядочно не умеет <...> А сколько я денег просадил на репетиторов, да на плату в разные учебные заведения. Трудно и сосчитать <...> Одно только утешение и есть – сознание, что я сделал для воспитания и обучения детей всё, что мог, не щадя живота и просиживая напролёт ночи за работой и что моя совесть чиста перед ними. Но ведь из этого сознания шубы не сошьёшь. Если не дай Бог, я умру

прежде времени, то – трудно и представить себе, что будет с моими сорванцами-неучами <...>.

Малому [Антону. – *А.Б.*] 13 лет, а он ещё ни одной книжки не прочёл. Я же помню, в его годы уже бойко болтал по-французски, по-немецки и по-гречески, давно прочёл Гоголя и Тургенева. В 13 лет я уже сочинения писал < Видно вырождение берёт своё благодаря крови душевнобольной матери Анны Ивановны [первой жены Ал.П. Чехова, матери Николая и Антона. – *А.Б.*]. Жалко мне ребят, ох, как жалко!» [10, 6].

В дневнике отражены и сельскохозяйственные «мечты» Александра Павловича, в том числе и инкубация. Куриное предприятие характеризует Ал.П. Чехова как человека пытливого, страстного и обладающего волей, способного довести до конца начатое дело, хлопотное и сложное. Желание добиться результата столь велико, что он принимается за него со свойственной ему страстностью. Неудачи он встречает с недоумением, порою с долей юмора, но дело доводится до успешного конца.

«Инкубация 1906 [10, 58]. Сделан Александром и Мишей [сын Ал.П. Чехова. – *А.Б.*] и Флаконом [сын Ал.П. Чехова – Антон. – *А.Б.*] простейший инкубатор на 10 яиц...».

«12 января по моему плану сделан... цинковый котёл цилиндрический в 10 вершков диаметром, высоту в 3 вершка, вместимость 1 1/3 ведра с трубками: а) для вливания воды, б) для выхода воздуха и в) водомерной трубочки... Расстояние между котлом и яйцами рассчитано по руководству, 2 1/2 вершка...».

«Пробы показали, что новое сооружение превосходно при лампе держит сутками 40 градусов Цельсия. Остаётся, значит, только пустить в ход. Но нет яиц...» [10, 59].

«Февраля 4. Заложено 54 яйца с рынка из Киевской губернии (Ц. 1р 72 3/5 к.

Инкубация началась с 6 1/2 ч. вечера. 6-го утром яйца были перевёрнуты в 1-й раз. Вечером 7-го. Влита вода в увлажнитель.

8-го февраля ночью t упала до 35 и утром, несмотря на прилив кипятку дошло до 38 градусов только к 2 часам дня. Т в комнате была обычная. Считаю этот казус большим дефектом. Утром и вечером перевёрнуты. Зародышей незаметно.

9. По осмотре – выброшенные. Ни одного зародыша.

Зимняя инкубация.

9 ноября 1906 г. Заложены 11 яиц, снесённых в теплице жёлтенькой и серенькой хохлушечкой от итальянского петуха <...> каналья, не топчет. Всё к чёрту» [10, 59].

«Апр. 25. Заложено 50 яиц. С 15 мая началось вылупление <...>.

Мая 18. Цыплят вылупившихся и здоровых – 21. большой, бедный – 1, погибло по моей милости (рано вскрыл скорлупу) – 4.

Мая 20. Всех живых цыплят – 31» [10, 67].

А вот описание опыта по получению фотобумаги и проявителя: «19 сентября, суббота. Сегодня и вчера работал над изготовлением желатинно-соленой бумаги. Выходит дельно, на манер матовой аристотипной <...> Выходит хорошая, гладкая матовая бумага»; «составил свой собственный сложный проявитель. Действует поразительно: недодержанные снимки выходят вполне безукоризненно» [10, 3]. О себе Александр Павлович пишет: «Сильна химическая жилка» [10, 12]. Следует упомянуть, что в 1892 году им был написан и опубликован «Химический словарь фотографа». Далее читаем об опыте в зубоврачебном деле: «Утром запломбировал себе зуб, положив в дупло кристаллической карболки заткнув ватой, обмоченной в растворе мастики в хлороформе. Прекрасное средство. Советую всякому» [10, 4].

Но основной темой дневника всё-таки является тема творчества, писательства. Здесь мы находим упоминания многих его рассказов и повестей и личные оценки своего труда:

«Вечером написал очень посредственный святочный рассказ «Белая дама» и положил его в папку до поры до времени. Авось пригодится. Стал писать в половине девятого и окончив в половине двенадцатого. Вышло строк приблизительно 250» [10, 9];

«Вчера вечером начал рассказ и дошёл до того момента, что не знаю, что писать далее: запутался в дебрях вымысла. Продолжать однако надо и примусь я за это сейчас же: авось кривая вывезет» [10, 11];

«Сегодня вечером я совершил своего рода подвиг: я сжёг всё, чему поклонялся и поклонился тому, что сжигал <...> Разобрал хранившиеся много лет папки и сжёг свои старые сочинения, большие частью начатые ещё в молодости и неоконченные <...> Сколько в сожжённом было юношеского жара, сколько идей, сколько упований и сколько честного... детски-наивного! Сжёг – и точно легче стало. Всё равно я никогда не докончил бы начатого <...> Как-никак, а фунтов тридцать исписанной бумаги будет» [10, 12];

«Закончил рассказ «Американский дядюшка» (положил в папку до востребования). Не нравится мне конец его развязка очень шаблонна <>до сих пор, как ни напрягаю мозг – ничего не выходит, кроме того, что вышло» [10, 12];

«8 августа, суббота. Окончил полухохлацкий рассказ «Горпина». Хватит на фельетон. Глупенький вышел. Наивный» [10, 17] и т.п.

Александр Павлович упоминает и о желании написать роман, «да что-то не удаётся приняться за дело» [10, 5].

В дневнике встречаются материалы для романа «На высотах Кавказа» [9; с. 48], также описаны поездки в Крым и на Кавказ [10, 49–52].

Дневниковые записи демонстрируют богатую эрудицию, юмор, самокритичность и порядочность (например, автор дневника упоминает о просьбе занять денег на поездку в Киев на X съезд естествоиспытателей и врачей от редакции в счёт будущего гонорара, на что получает удививший его упрёк в «избытке бескорыстия», «все сотрудники так ездят [на счёт редакции. – А.Б.], один ты бессеребреника изображаешь» [10, 6].

Со страниц дневника с нами ведёт неспешную беседу немного чудаковатый, ироничный, одарённый человек. Обширность увлечений Александра Павловича поразительна, он жаждет до всех явлений жизни, в какой бы области они ни происходили. Это свойство своей неуёмной и любознательной натуры он проявляет и в литературном мире, печатая свои заметки в журналах и газетах на разные темы, будь то телефонное устройство Паульсона или новые исследования в области биологии, колония для алкоголиков или фотододело, биографии современников или история Азовского побережья, благотворительность или судебная хроника.

Записи последних лет написаны более мелким почерком – видимо, сказывался возраст и развивалась дальновзоркость. Некоторые страницы практически нечитаемы невооружённым глазом.

Последние две записи в дневнике сделаны 27 и 28 января 1913 года.

На этой же странице ниже написано рукой Михаила Павловича Чехова (младшего сына Ал.П. Чехова – актёра МХАТ):

«17 мая 1913 года в 9 час. утра. Отец скончался. Миша.

Царствие тебе, Небесное, милый, милый старик. Я сам положил тебя в гроб, в твой маленький домик. Был у тебя на могиле, один только разок, когда я сидел на холмике насыпанном над тобой, хотелось окликнуть тебя, чтобы ты отозвался мне <...> Должно быть больше никогда не приду на твою могилу» [10, 77]. М.А. Чехов впоследствии эмигрирует в 1939 году в США, где станет создателем своей актёрской школы.

В языковом плане особенностью дневниковых записей является «сочетание монолога авторского повествования с внутренним диалогом как формой реализации внутренней речи. Повествование от 1-го лица в классическом дневнике характеризуется

крайней степенью субъективности, так как автор отображает окружающую действительность, передает свои мысли, чувства, оценки, эмоции, впечатления сквозь призму собственного сознания» [6] (в дневнике Ал.П. Чехова: *пропал день ни за понюх табаку; написал очень посредственный святочный рассказ; плоховат я что-то стал на выдумки; я никогда не докончил бы начатого* и пр.). Дневник – документ, фиксирующий «события и факты повседневной жизни человека в их динамике, отражающего процесс развития индивидуальности, становления самосознания личности, который обладает совокупностью языковых особенностей, общих для всех образов дневниковой прозы» [8].

Главным героем дневника выступает сам автор, его адресантами обозначены дети Александра Павловича (*В назидание детям, Коле, Тосе и Мише, после моей смерти*). Таким образом, адресация в дневнике множественная – адресат – это и сам автор дневника, и его сыновья, и возможные потенциальные читатели из близкого окружения с общим уровнем знаний с автором, т.е. адресат дневниковых записей создаёт мотивацию имплицитности речи. Это подтверждают упоминания имен и прозвищ близких Александра Павловича: *Мы с Наташей* [жена Н.А. Гольден. – А.Б.]; *Малому 13 лет* [сыну Антону. – А.Б.]; *Сделан Александром и Мишей* [сын Ал.П. Чехова. – А.Б.] и *Флаконом* [сын Ал.П. Чехова – Антон. – А.Б.], топонимы (Крым, Кавказ) и пр.

Автором дневника создается особый стиль записей, определяемый Т.Б. Трошевой как «литературно-разговорный тип речи», т.е. такой тип речи, при котором «функциональная разновидность литературного языка, употребляемая в условиях неофициального, непринужденного общения и противопоставлена в пределах литературного языка как дихотомической системы стилю книжному. Литературно-разговорный тип речи функционирует в записках, частных письмах, дневниковых записях» [11]. Как и в устной речи, пишущий дневник «отдает предпочтение предикативным конструкциям, простым, неполным предложениям, его речь – нелинейна, спонтанна, эллиптическая, эмоциональна» [6]. Например: *Годы уходят. Сжѐг – и точно легче стало. Прекрасное средство. Советую всякому. Всѐ к чѐрту!* и т.п. Одна из главных языковых особенностей дневника – обилие номинативных, безличных предложений («30 августа, воскресенье. Мои именины»; «Сентября 3-го четверг. Сильное наводнение»; «28 янв. Пон-к. Ясно, тепло» и т.д.). Таким образом, автор реферативно обозначает события, так отражается его внутренняя речь.

В тексте дневника можно найти структурно-семантические модели, речевые клише, с помощью которых каждый может строить свою речь в зависимости от цели высказывания. Усложнение этих базовых моделей, их индивидуализация зависит от различных причин. Это и особенности языковой личности, создающей речевой продукт, и обстоятельства коммуникативной ситуации (болезнь, радостное событие и пр.). При этом используются различные языковые средства, формирующие семантическое усложнение структурно-семантической модели.

Интенсификация, индивидуализация, экспрессия речи автора дневника достигается за счет употребления фразеологизмов (*не щадя живота; из этого сознания шубы не сошьѐшь; пропал день ни за понюх табаку; авось кривая вывезет*), сравнений (*подошли друг к другу как пара сапог*), ругательств (*каналья, всѐ к чѐрту*), образных выражений (*просиживая ночи напролѐт за работой*), языковой игры (*фертикуляпистый*) и др. Содержание осложненной части модели высказывания, таким образом, зависит от личности автора высказывания, его лексического багажа, опыта жизни.

Можно выделить ведущие языковые особенности дневниковых записей, присутствующие в том числе и в дневнике Александра Чехова: наличие внутреннего диалога, который сочетается с монологом автора (скрытые вопросно-ответные комплексы (*не знаю, что писать далее: запутался в дебрях вымысла... продолжать однако надо*); глаголы в форме 2 лица (*и во сне не выдумаешь; ничего не поделаешь* и т.п.), субъективность (*не*

люблю я этого времени года; совершил своего рода подвиг и т.п.), неполнота повествования, письменная контаминация разговорного дискурса (*выходит дельно, на манер матовой аристотипной; всех живых цыплят – 31 и пр.*).

При исследовании дневниковых записей Александра Павловича невольно вспоминаются его письма. «Из трех видов литературной работы – дневник, переписка, собственно творчество – Александр ярче всего раскрывался в эпистолярии, да и то, когда беседовал с Антоном. В письмах к Антону он абсолютно свободен, потому что уверен в собеседнике больше, чем в самом себе», – пишет Е.М. Гушанская в книге «Александр и Антон Чеховы. Воспоминания. Переписка» [1; с. 26]. Обладая литературным слухом и наблюдательностью, Ал.П. Чехов черпал из окружающей жизни богатый материал и блестяще воспроизводил его в публицистике и в своих письмах, но, к сожалению, менее щедро употреблял его в своих литературных произведениях.

Действительно, по сравнению с письмами, дневник Ал.П. Чехова демонстрирует лишь толику его талантливой в языковом плане личности (например: «Июля 30. На железных дорогах я люблю ездить в вагонах 3-го класса. Неудобства искупаются тем, что там публика ведёт иногда очень интересные разговоры. Тут и народный язык во всей его исковерканности, тут и бесхитростно рассказанные факты из жизни, тут и фертикулярные словечки, которые и во сне не выдумаешь, и всё такое прочее» [10, 3]).

Та же языковая игра, смелость в выборе слова, экспрессия, шутка в письмах Александра Чехова выражены наиболее ярко и талантливо. И в этом прослеживается определённая логика: дневник не может функционально быть тождественен письму, адресаты тут и там разные, в первом случае подразумевается внутренний диалог, во втором – реальный, хоть и отсроченный, с конкретным адресатом. Так, например, жанр шутки в переписке используется очень активно, чего не скажешь о тексте дневника. Шутка должна быть оценена, автором ожидается ответ на неё, реакция. Шутка несёт в письме конкретную нагрузку, она заряжена определённой целью. Так, жанр шутки в эпистолярном наследии братьев Ал.П. Чехова и А.П. Чехова выполняет одну из ведущих ролей. Будучи остроумными и ироничными людьми, оба брата постоянно используют в своих письмах юмор, а порою и сарказм. Звучание той иной информации, сообщаемой коммуникантами в процессе общения, меняется за счет использования жанра шутки. Например, в письме А.П. Чехова к старшему брату, где он сообщает о своей болезни, автор для разрядки грустной и тягостной темы приводит шутливую (нелепую с точки зрения здравого смысла и логики) причину возникновения заболевания, которая является ироничным выпадом в адрес брата. Юмор необходим в данной ситуации для сглаживания эффекта от печального сообщения. Цель такой шутки правильно расценить может только близкий человек, который не обидится на нелепые обвинения, увидит за ними истинную причину подобного речевого поведения (прагматический заряд данной шутки, ее интенция) – успокоить и развеселить адресата, отвлечь его от грустных мыслей (*Дело вот в чем... В этом году, когда ты попрекнул меня благословением святейшего синода, меня огорчило твое неверие – и вследствие этого, в присутствии г. Суворина, у меня пошла кровь* (2 апреля 1897 г.)). Можно перечислить некоторые интенции жанра шутки:

- 1) шутка-предсказание (*попадешь в Таганрог – сам объешься этого добра и почувствуешь только тогда, когда на столе лежать будешь*);
- 2) шутка-признание (*я – как мущина (в этом я убеждаюсь с каждым днем)*);
- 3) шутка-благодарность (*я в твоей любезности вижу не одолжение, а подвиг*);
- 4) шутка-оправдание (*мой характер ты знаешь: лучше пускай дети без штанов ходят, а брата я всегда благодетельствую и никогда об этом не помяну*) и т.п.

Речевой жанр шутки, будучи ориентированным на межличностные отношения, выполняет фатическую роль, что возможно, например, в переписке, но не в монологическом высказывании.

Внутренний мир Александра Чехова богат и оригинален («Я и не знаю, что его больше интересует: литература, философия, наука или куроводство», – замечал Антон Павлович Чехов о старшем брате [2]), он искренен, самовыражение языковой личности подобно фейерверку, владение словом поражает, об этом ему неоднократно писал в ответных письмах Антон Павлович (напр.: «Если бы ты так писал рассказы, как пишешь письма, то давно бы уже был великим, большим человеком» (письмо от 3 февраля 1886 г.) [1]).

Вообще, при сравнении языковых особенностей дневниковых записей и писем Александра Павловича Чехова прослеживаются общие тенденции:

1) особые (интимные) формы обращений и подписей (с использованием притяжательных местоимений), демонстрирующие существование обоюдного кода, который образовался в процессе взаимоотношений в переписке (*Алтоша, Голубчик, Саша-Тарракаша, Гусиади, Самаркандский гейним, Душенька, Владыко; Твой Цынцынатус, Твой 33 моментально, А. Достойнов-Благороднов* и др.) и названия, имена в дневнике (*Наташа, Флаконт, Тося, Тоська, Малой, Митрофанушки, Миша, Ольдерогге* и др.);

2) элементы языковой игры и стилизации (в переписке: *гейним, завселды, сейчас, мущина, ходють, почто, цастливый, зацем* и др.; в дневнике: *фертикуляпистый* и др.);

3) фразеологизмы, образные и устойчивые выражения, частично перефразированные для придания индивидуальности высказыванию (в переписке: *все канет в Лету; откушаешь хлеба-соли; не пишешь, как будто подержал пари; твоя благодарность мне не по рылу* и др.; в дневнике: *не щадя живота; из этого сознания шубы не сошьёшь; пропал день ни за понюх табаку; авось кривая вывезет* и пр.);

4) ругательства и стилистически сниженная лексика (в переписке: *медицинская ты скотина, черт тебя знает; не такая тля, как ты; твое поганое письмо; брешут сучи бабы* и др.; в дневнике: *каналья, всё к чёрту* и пр.);

5) модальные (оценочные) слова и выражения (в переписке: *ты лентяй; что за безобразие; ты нюнишь; я рад; я очарован* и др.; в дневнике (*растут к несчастью, не нравится мне, жалко мне ребят, сорванцы-неучи, радуюсь* и пр.).

Таким образом, можно сделать следующее заключение: для формирования интимной тональности эпистолярного диалога и дневниковых записей используется целая гамма языковых средств, тем самым автор демонстрирует характер своих взаимоотношений с адресатами. Как нам кажется, каждое из перечисленных средств несет в себе кроме интенции и прагматического эффекта еще и эмоциональный заряд. В текстах много кодовых слов, понятных только братьям Чеховым и семье Александра Павловича, что свидетельствует о существовании общего для них языка, сложившегося на протяжении совместной жизни и общения. Свободная форма дружеского письма, не ограниченная никакими рамками, использование ругательств и низкой лексики, языковая игра – все это возможно только в письмах к очень близким людям, какими и являлись друг для друга Ал.П. Чехов и А.П. Чехов. Дневник же является ещё более интимным документом, чем дружеское письмо, и отражает многие перечисленные приёмы.

Думается, что исследования автодокументальной литературы – это перспективное направление, которое позволит проанализировать жанровую структуру дневника, особенности речевого поведения автора дневникового текста, композиционные особенности и характеристики дневника, определить спектр грамматических и стилистических средств и приемов, показать связь дневника с эпистолярием и художественной прозой.

Библиографический список

1. Александр и Антон Чеховы. Воспоминания. Переписка // Сост., подг. текста и коммент. Е.М. Гушанской, И.С. Кузьмичева. М.: «Захаров», 2012. 960 с.
2. Бунин И.А. О Чехове // Собр. соч. в 9 тт. М., 1967. Т. 9. С. 213.
3. Вознесенская И.М. Дневниковый текст: индивидуальное на фоне «канона жанра» // Русская литература в формировании современной языковой личности. Т. 2. СПб., 2007. С. 224–232.
4. Вознесенская И.М. Дневник: особенности семантической структуры и речевой организации // Мир русского слова. 2006. № 3. С. 41–48.
5. Вознесенская И.М. Из дневников И А Бунина. Анализ текста // Художественная речь русского зарубежья: 20-30-е годы XX века: Анализ текста: Учебное пособие / Под ред. К.А. Роговой. СПб.: Изд-во С.-Петербург.ун-та, 2002. С. 221–261.
6. Зализняк А. Дневник: к определению жанра // НЛО. 2010. № 106. С. 162.
7. Криволапова Е.М. Жанр дневника в наследии писателей круга В.В. Розанова на рубеже XIX–XX веков: автореф. дисс... докт. филол. наук. М., 2013. 533 с.
8. Новикова Е.Г. Языковые особенности организации текстов классического и сетевого дневников: автореф. дисс... канд. филол. наук. Ставрополь, 2005. 255 с.
9. Художественная речь русского зарубежья: 20–30-е годы XX века: Анализ текста: Учеб.пособие / Под ред. К.А. Роговой. СПб.: Изд-во С.-Петербург. Ун-та, 2002. 328 с.
10. Чехов М.А. Дневник Ал.П. Чехова. Ф 2316 оп.2, ед.хр. 35. РГАЛИ, Москва.
11. [Электронный ресурс <http://stylistics.academic.ru>]

References

1. Alexander and Anton Chekhov. Memories. Correspondence // Comp., Podg. teksta and comments. EAT. Gushanskoj, I.S. Kuzmicheva. M.: Zakharov, 2012. 960 p.
2. Bunin I.A. About Chekhov // Sobr.soch. in 9 vols. M., 1967. T. 9. P. 213.
3. Voznesenskaya I.M. The diary text: individual on the background of the "canon of the genre" // Russian literature in the formation of a modern linguistic personality. T. 2. SPb., 2007. P. 224–232.
4. Voznesenskaya I.M. Diary: features of the semantic structure and speech organization // The world of the Russian word. 2006. № 3. P. 41–48.
5. Voznesenskaya I.M. From the diaries of A Bunin. Analysis of the text // Artistic speech of the n foreign: 20-30-ies of the twentieth century: Text analysis: Textbook / Ed. K.A. Horny. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg, 2002. P. 221–261.
6. Zaliznyak A. Diary: to the definition of the genre // UFO. 2010. № 106. P. 162.
7. Krivolapova E. M. The genre of the diary in the heritage of writers of the circle V.V. Rozanova at the turn of the XIX - XX centuries // Author's abstract... dokt. filol. nauk. M., 2013. 533 p.
8. Novikova E.G. Language features of the organization of texts of classical and net diaries // Avtoref. diss ... cand. philol. nauk. Stavropol, 2005. 255 p.
9. Artistic speech of the n foreign: 20-30-ies of the twentieth century: Text analysis: Ucheb.posobie / Ed. K.A. Horny. St. Petersburg: Publishing house S.-Petersburg. Un-ta, 2002. 328 p.
10. Chekhov M.A. Diary of Al. Chekhov. F 2316 op.2, ed.kh. 35. RGALI, M.
11. [The electronic resource <http://stylistics.academic.ru>]

УДК 81.42

*Воронежский государственный универси-
тет
Магистрант 3-го курса
филологического факультета
Кушнир К.И.
Россия, Воронеж, 89507784224
e-mail: ksyu.kushnir.93@mail.ru*

*Voronezh State University
Philological department
third-year master student*

*Kushnir K.I.
Russia, Voronezh, 89507784224
e-mail: ksyu.kushnir.93@mail.ru*

К.И. Кушнир

ЯЗЫКОВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ОСНОВНЫХ СТИХИЙ В СТИХОТВОРНЫХ ТЕКСТАХ В. СОЛОУХИНА (НА ПРИМЕРЕ СТИХИИ «ОГОНЬ»)

В статье анализируются языковые особенности стихотворений В. Солоухина. Исследуется структурно-семантическая организация «огненной» лексики и ее функциональные особенности. Дается комплексное описание языкового воплощения стихии «ОГОНЬ» в художественной картине мира автора.

Воплощение лексемы «ОГОНЬ» рассматривается с двух позиций. С одной стороны, стихия ОГНЯ определяется как олицетворение христианского начала; с другой стороны, ОГОНЬ характеризуется как символ разрушительной силы. Основным мотивом написания статьи послужило желание наиболее полно осветить использование Владимиром Солоухиным в стихотворных произведениях наименований стихий природы, а именно – ОГНЯ.

Стихия развернуто рассматривается как блок коллективного знания в его тесной связи с особенностями русского менталитета, культуры, истории и в его национальной специфике. Особое внимание уделяется описанию содержательной стороны языкового знака ОГОНЬ и связанных с данной лексемой философских, исторических и культурных смыслов, реализация и употребление данной единицы в конкретных текстах и в сознании носителей языка.

В данной работе приведено теоретическое описание и экспериментальное исследование природы на примере стихии ОГНЯ, структуры и функций значений данного слова. Теоретической базой описания послужили методологические подходы в описании стихий отечественных и зарубежных исследователей.

Исследование может иметь практическую направленность в рамках преподавания русского языка, в том числе русского языка как иностранного; при изучении творчества В. Солоухина в литературоведческом курсе и при составлении авторских словарей.

Ключевые слова: текст, лингвистический анализ, В. Солоухин, лексема, стихия, концепт.

K.I. Kushnir

LANGUAGE EMBODIMENT OF THE MAIN ELEMENTS IN POEMS BY V. SOLOUKHIN (ON THE EXAMPLE OF FIRE)

The article concerns language features of poems by V. Soloukhin. Structural and semantic organization of "FIRE" vocabulary and its functional features are studied. Complete description of language embodiment of the FIRE element in the author's artistic picture of the world is given.

The embodiment of the lexeme "FIRE" is sited from the two points of view. On one hand, the element of FIRE is defined as the symbol of Christianity; on the other hand, FIRE is characterized as the symbol of devas-

tating power. The main purpose of the article is to demonstrate completely how the names of the elements, especially FIRE, are used in the poems by V.Soloukhin.

The element is cited as the part of collective knowledge deeply connected with Russian mentality, culture, history and national features. Special attention is paid to the description of the substantive aspect of the lexeme FIRE and philosophical, historical and cultural meanings connected with it as well as realization and usage of the lexeme in certain texts and in the mind of native speakers.

In the article we present theoretical description and experimental research of nature on the example of the element of FIRE as well the structure and the functions of this word. Our description is theoretically based on methodological approaches in the description of elements suggested by Russian and foreign researches.

Our research has practical importance for teaching Russian as native or foreign language, for literary studies of V. Soloukhin's works and for compilation of authorial vocabularies.

Key words: text, linguistic analysis, V.Soloukhin, lexeme, element, concept.

Природа служит неиссякаемым источником вдохновения творцов слова, одним из вечных и прекрасных мотивов мирового искусства. Нет такого значительного поэта или художника, душа которого не отозвалась бы на ее красоту. Русская лирика рисует удивительные образцы родных пейзажей. Владимир Солоухин по праву занимает место одного из ключевых авторов, которые обращаются к пейзажной лирике.

Читая художественное произведение мастера, человек узнает мировоззрение автора, особенности его сознания. Через призму этого сознания читатель расширяет свой кругозор, ведь «способность посмотреть на явление через призму чужого сознания равноценна возможности заглянуть в параллельные миры» [2; с. 3].

Изучение особенностей индивидуально-авторского мировоззрения в рамках семантического пространства текста служит актуальным направлением современной лингвистики, получившим распространение в работах таких выдающихся ученых, как А.Г. Баранов, Ю.М. Валиева, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, В.П. Григорьев, Ю.Н. Караулов, В.В. Красных, Н.А. Кожевник, Б.А. Ларин, В.А. Лукин, З.Ю. Петрова, Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин, Д.М. Поцепня, Н.А. Туранина, В.К. Харченко и др.

Художественные тексты определенного литературного периода представляют картину соответствующего языкового образного слоя, выявляют особенности сочетания традиционных семантических возможностей слова при авторской смысловой переориентации.

Одно из направлений исследования этого явления – это описание отдельных фрагментов мира, играющих важную роль как для обыденного, так и для художественного сознания. Такими составляющими картины мира являются архетипические образы ВОДЫ, ОГОНЯ, ВОЗДУХА и ЗЕМЛИ, которые имеют особый историко-культурный контекст, занимают важное место в жизни этноса и находят отражение в художественном дискурсе.

Стихия – это одно из первовеществ, основных элементов природы. Само это слово и обозначаемое им понятие пришло в русский язык в результате заимствования из греческого и обозначает оно следующее: «буква, элемент алфавита», «тень от стрелки часов; шаг, сдвиг», «основное положение, теорема, первичная материя, физический элемент, небесные частицы, природные духи» [4; с. 62]. Позднее это понятие было переосмыслено в традициях русской культуры и истории, христианского мировоззрения, что придало ему определенный культурный и национальный колорит.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявления репрезентантов огненной стихии в рамках художественной картины мира. Возросший интерес общества к стихиям, их культурологическим и мифопоэтическим аспектам, требует

постановки вопроса о комплексном описании лингвистической специфики исследуемого явления.

Предметом нашего внимания является структурно-семантическая организация «огненной» лексики и ее функциональные особенности в стихотворном сборнике В. Солоухина.

Феномен огненной стихии подвергается комплексному лингвистическому описанию с позиций лексико-семантического, формального и функционального своеобразия на материале стихотворных текстов В. Солоухина. Исследование материала стихотворений с ориентацией на понятие тематической группы как объективной основы анализа авторского способа освоения некоторых фрагментов действительности в сопоставлении с данными обыденного сознания, что проводится впервые на материале произведений В. Солоухина. Исследуется авторская специфика контаминации и конвергенции тропов, отражающих огненную стихию в произведениях писателей второй половины XX века.

Наша задача состоит в комплексном описании номинаций стихии ОГОНЬ в стихотворном сборнике В. Солоухина как феномена отражения художественной картины мира.

По своей природе большой интерес вызывает образ ОГНЯ. Он часто используется писателями, но по настоящее время остается мало изученным.

Материалом для данной статьи послужили стихотворения Владимира Солоухина, а также материалы, собранные в процессе изучения соответствующей литературы.

В фольклоре ОГОНЬ воспринимался как стихия, которая наделена двойственной символикой. С одной стороны, со стихией ОГНЯ связывались свет и тепло, важные для жизни человека. Древние славяне считали ОГОНЬ и солнце родственно связанными – через отцовско-сыновние отношения Сварога и Дажьбога, божеств огня и солнца. С другой стороны, стихия ОГНЯ всегда осознавалась как опасная сила, которая несла разрушение и смерть.

Подобно воде, ОГОНЬ воспринимался как очистительная стихия. С принятием христианства представления об очищающей силе ОГНЯ продолжали существовать: сожжению подвергались люди, которых подозревали в колдовстве и ереси различного толка, как те люди, которым требовалось нравственное очищение. Эта же идея, как нам кажется, лежит в основе представления об аде, где души грешников, которые совершили смертный грех, вечно горят в ОГНЕ.

В исследуемом сборнике лексема ОГОНЬ и ее производные, такие, как ОГОНЕК, ОГНЕННЫЙ, ОГНЕВИНКА, ОГНЕПЕРЫЙ, ОГНЕННО и т.п., встречаются 72 раза.

Как известно, отправной точкой формирования характера каждого человека становится его детство. Этические и эстетические взгляды ребенка закладываются под влиянием тех людей, предметов и явлений, которые составляют его окружение. Сам Владимир Алексеевич говорил о детстве следующим образом: «На Западе ученые люди считают, что первые семь лет жизни человека закладывают фундамент личности и определяют ее дальнейший ход развития. Я должен сказать, что мои первые семь лет были счастливейшими годами жизни» [6].

Нельзя сказать, что лексема ОГОНЬ занимает ведущее положение в исследуемом сборнике, но, тем не менее, мы не могли обойти ее вниманием.

Как известно, Владимир Алексеевич родился в крестьянской семье в селе Алепино Владимирской губернии. В своих воспоминаниях он пишет о том, что вокруг него была российская доколхозная деревня. С особой любовью автор говорит о дорогах

сердцу местах «с яблонями и псеками, с частными лошадыми, со скрипом телег, с колокольным звоном, с праздниками и сенокосами, со светлой речкой Борщей, с грибными переселками, с васильками во ржи» [6].

Люди всегда вели себя осторожно со стихией ОГНЯ, столь необходимой человеку, так как одна незамеченная искра могла привести к пожару, а в деревнях, где деревянные строения находились очень близко, можно сказать, стояли бок о бок, возгорание одной постройки грозило исчезновением в пламени всего селения. Этот факт, несомненно, волновал Владимира Солоухина, как и любого сельского жителя, заботившегося об отчем доме. Разбушевавшаяся стихия являла собой страшное зрелище и воспринималась как самое большое бедствие.

Например:

И почти до самого рассвета,
Сил избыток, буйство и огонь [3; с. 44].

За черные ели родной стороны
Врывались огонь и железо... [3; с. 105]

Но дремлет страсть в тебе, спокойной,
Как дремлет в дереве огонь. [3; с. 119]

Все превращается в пепел.
Бессмертен только огонь! [3; с. 138]

«Глаз не могла поднять,
Когда к костру подвели.
Красная от огня,
Стройная Дочь Земли» [3; с. 36].

В приведенных выше примерах стихия ОГНЯ оценена автором как отрицательное явление, несущее разрушение и крах.

Но во многих стихотворных текстах исследуемый автор прибегает к употреблению данной лексемы с положительной коннотацией. Как каждый христианин в горе и радости обращается к Богу, так и лирическому герою в стихотворениях В. Солоухина близки христианские мотивы. При обращении к последним автор употребляет лексему ОГОНЬ. Стремление ОГНЯ вверх и неподвластность земному притяжению сближает эту стихию с человеческой душой, что можно проследить в некоторых произведениях.

Например:

Огоньками чистого рубина
На цепочках золотых лампы [3; с. 185].

– Как зачем? Я утром рано встану,
Маслицем протру ее легонько,

Огонек затеплю перед ликом,
И она поговорит со мною [3; с. 192].

Огонек тихонечко засветит.
Разговор с заступницей заводит... [3; с. 193]

Надо лишь вовремя вспыхнуть,
Не боясь, что окажется мало
Вселенского в сердце огня [3; с. 138].

Он жив, огонь поэзии святой,
И тьма его, как прежде, не объяла [3; с. 261].

Со стихией ОГНЯ обычно связываются небесные светила и явления, к которым относятся солнце, молния и т.д.

То молнию, то трудное терпенье
Я вижу в танце огненном потом [3; с. 268].

А волосы мои пусть треплет ветер,
А молнии, насквозь пронзая небо,
Пускай в моих беснуются глазах,
Их огненными делая из синих [3; с. 164].

Отчего же на капельку солнца прибавилось в мире? [3; с. 166]

За то, во-первых, что вполне подобен солнцу.
Как будто солнце четко отразилось
В бесчисленных осколочках зеркальных,
Разбросанных по ласковой траве [3; с. 187].

Кроме того, особое внимание следует уделить употребляемым колоритам: красному, желтому и золотому:

Быть может, оно загорится
(хоть ты не увидишь этого,
Поскольку отдашь свою капельку,
Золотую свою огневинку) [3; с. 260].

Золотое солнышко светилось,
Золотая плавала луна [3; с. 291].

Иль золотистый свет лампадки
Икону древнего письма [3; с.296].

«Взошло солнце красное,
Осветило белый Дунай» [3; с. 365].

Желтоватый под солнцем,
Голубоватый под яркой луной [3; с. 212].

Можно заключить, что в творчестве Владимира Солоухина ОГОНЬ имеет двойственную природу: во-первых, ОГОНЬ олицетворяет собой спокойствие, благоговение, христианское начало, выступает как символ любви, души и веры. В отдельных произведениях автор использует это слово как синоним к лексемам *свет, сердце, истина, вера*. Во-вторых, ОГОНЬ символизирует губительное, разрушительное начало, которое уносит в небытие любое проявление жизни, в том числе как отдельные крестьянские дома, так и целые деревни, приобретает демонический, сакральный и космический характер.

При написании лирических произведений В. Солоухин старается отобразить свое понимание мира, донести до адресата то, как сам автор воспринимает явления, образы, пробудить в читателе соавтора, чтобы тот переживал вместе с самим Солоухиным.

Одним из значимых художественных средств, с помощью которых автору удается достичь поставленной цели, является олицетворение. В результате исследования этого тропа в текстах В. Солоухина мы получили яркое представление о духовно-биографическом опыте автора, о его взглядах на жизнь и об образах, играющих важную роль в его творчестве. Выбор лексических единиц при использовании этого приема обусловлен ценностными ориентирами и пристрастиями художника слова.

В подтверждение приведем несколько примеров:

Добрый, теплый огонь.
Он в гнезде из камней
Прожил тысячи лет – огнеперая птица [3; с. 227].

Какая власть настойчиво течет к нам?
Какую тайну знают огоньки? [3; с. 235]

За черные ели родной стороны
Врывались огонь и железо... [3; с. 108]

У глаз у твоих чистоты родниковой,
Над ними, где бьется огонь золотой [3; с. 117]

Но дремлет страсть в тебе, спокойной,
Как дремлет в дереве огонь [3; с. 119].

Таким образом, можно говорить о том, что использование писателем такого тропа, как олицетворение, является достаточно продуктивным семантическим процессом в данном стихотворном сборнике. Этот прием используется автором для создания экспрессии в тех случаях, когда рисуется разрушительный характер стихии или же, наоборот, с его помощью В. Солоухин изображает тепло и уют, которые дарит анализируемая стихия.

Исследование показало, что широкая представленность анализируемых номинаций в текстах писателя свидетельствует о важности концепта ОГОНЬ для ментальных представлений русского человека и художественной картины мира второй половины XX века. В сборнике ОГОНЬ символизирует душу, гнев и любовь к родной земле. Помимо этого, ОГОНЬ представлен В. Солоухиным как средство обновления окружающего мира.

Из проведенного анализа можно усмотреть, что у исследуемого автора данная стихия представляется соединением созидательного и разрушительного начал.

Библиографический список

1. Валевская М.С. Наименования стихий в русском и французском языках в семантическом и словообразовательном аспектах. Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2015. 80 с.
2. Кольцова Л.М. Художественный текст через призму авторской пунктуации. Воронеж: изд-во ВГУ, 2007. 48 с.
3. Солоухин В.А. Стихотворения. М.: Сов. Россия, 1990. 384 с.
4. Скляр М.С. Концепт слова «стихия» в русском языке. М., 2005. С. 260.
5. Туралина Н.А. Именная метафора в русской поэзии начала XX века. Орел, 2000.
6. Солоухин Владимир Алексеевич: советский писатель и общественный деятель из села Алепино Собинского района // <http://cleverforever.ru/news/view/solouhin-vladimir-alekseevich-sovetskiy-pisatel-i-obschestvennyy-deyatel-iz-sela-alepino-sobinskogo-rayona>

References

1. Valevskaya M.S. Naming of the elements in Russian and French languages: semantic and word-building aspects. Novosibirsk National Research State University, 2015. 80 p.
2. Koltsova L.M. Artistic text through the prism of the individual punctuation. Voronezh State University, 2007. 48 p.
3. Soloukhin V.A. Poems. M., 1990. 384 p.
4. Sklyar M.S. The concept of the word “element” in Russian language. M., 2005. P. 260.
5. Turanina N.A. Nominative metaphor in Russian poetry in the beginning of the 20th century. Orel, 2000.
6. Soloukhin Vladimir Alexeevich: Soviet writer and public activist from the village of Alepino, Sobinsky region // <http://cleverforever.ru/news/view/solouhin-vladimir-alekseevich-sovetskiy-pisatel-i-obschestvennyy-deyatel-iz-sela-alepino-sobinskogo-rayona>

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ LANGUAGE AND CULTURE STUDIES

УДК 81'282.2

*Воронежский государственный
технический университет
канд. филол. н., доцент кафедры русского
языка и межкультурной коммуникации
Недоступова Л.В.
Россия, Воронеж, 89204697860
e-mail: nedostupowa2009@yandex.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language and Intercul-
tural communication
PhD, associate professor
Nedostupova L.V.
Russia, Voronezh, 89204697860
e-mail: nedostupowa2009@yandex.ru*

Л.В. Недоступова

ОТРАЖЕНИЕ ЖИЗНИ В ЛЕКСИКЕ ГОВОРА ХУТОРА СИНИЕ ЛИПЯГИ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье представлена диалектная лексика говора одного хутора Воронежской области. В качестве языкового материала автором использована речь представителей старшей возрастной группы – коренных жителей этого населенного пункта. Целью работы стало описание лексических единиц, активно функционирующих в языке диалектоносителей. Послевоенное время, трудности сельской жизни, необустроенность быта – эти темы для хуторян являются наиболее важными.

В результате описания лексики становится очевидным факт того, что синелипяговский говор в современном его состоянии отражает реальную действительность, все стороны и особенности деревенской жизни, представляет собой достаточно важное самостоятельное явление со своими специфическими чертами, потому и привлекает внимание. Он служит средством общения жителей хутора между собой и с жителями соседних населенных пунктов.

Богатство народной речи несомненно и неоспоримо: в ней наблюдается такое многообразие лексических единиц, какого нет в литературном языке. Некоторые слова функционируют только в речи проживающих на этой территории людей и могут быть непонятны другим. Однако многие лексемы используются жителями соседних сел, в них проявляются черты южновеликорусского наречия.

Ценность представленной лексики говора в том, что она до сих пор сохраняет древнерусские языковые черты и может быть полезна в качестве лингвокраеведческого материала в обучении родному языку. Знакомая с разными по содержанию единицами речи, мы получаем представление о современном состоянии одного воронежского говора, а также о функционировании и развитии национального языка.

Ключевые слова: народная речь, территориальные разновидности русского языка, лексика, языковой материал, диалектоносители, село, хутор, локализмы, жизнь и быт людей, самобытный народ, респонденты, мировоззрение и история.

L.V. Nedostupova

REFLECTION OF LIFE IN THE LEXICON OF THE VILLAGE BLUE LIPTIAGES OF THE VORONEZH REGION DIALECT

The article presents the lexicon of the dialect of one village in the Voronezh Region. The author used speech of representatives of the older age group - the indigenous inhabitants of this locality - as a language material. The purpose of the work was to describe lexical units which are actively functioning in the speech of locals.

Post-war time, the difficulties of rural life, the unsettledness of life - these topics for villagers are the most important.

As a result of the description of the vocabulary it becomes obvious that these dialect in its present state reflects the reality, all aspects and features of village life and it is an important independent phenomenon with its own specific features because of which it attracts attention. It serves as a means of communication between the inhabitants of the village with each other and with the inhabitants of neighboring settlements.

The richness of the people's speech is undoubtedly undeniable: it contains such a variety of lexical units that we cannot find in the literary language. Some words function only in the speech of people living on this territory and may be incomprehensible to others. However a lot of lexemes are used by residents of neighboring villages, they exhibit features of the South-Russian dialect.

The value of the spoken vocabulary is that it still retains the ancient Russian language features and can be useful as a linguistic-territorial material in teaching the native language. Getting acquainted with the different units of speech we get an idea of the current state of one Voronezh dialect as well as the functioning and development of the national language.

Key words: folk speech, territorial varieties of the Russian language, lexicon, language material, dialectics, village, farm, localisms, life of people, original people, respondents, world view and history.

Народная речь в разные годы привлекала внимание учёных-лингвистов. В настоящее время сбор материала и запись территориальных разновидностей русского языка становятся особо актуальными, поскольку настоящих диалектоносителей с каждым годом все меньше и меньше. Очевидны результаты урбанизации. Рост городов привел к исчезновению небольших населенных пунктов, а вместе с ними и прекрасной народной речи.

Предметом данной работы стала диалектная лексика представителей старшей возрастной группы хутора Синие Липяги.

Целью исследования является описание лексики, активно функционирующей у хуторян.

Языковым материалом данной статьи являются записи, произведенные со слов Постниковой Ксении Федоровны (1931 г.р.) и Гусевой Марии Егоровны (1936 г.р.) в 2017 году.

Хутор Синие Липяги расположен в Нижнедевицком районе Воронежской области. Он был основан жителем Коротоякского уезда Акимом Жидковым, который в конце XVII века (1670 год) прибыл в эти места. Затем пришельцы из сел Терехово, Шаталовка, Дубовое Задонского уезда и Швыревка Курской области поселились здесь. Первые жители являлись потомками мелких служилых людей, которых в XVIII веке именовали однодворцами, а в XIX веке – государственными крестьянами.

Хотя официально этот населенный пункт считается селом, все-таки жители старшего поколения именуют по-прежнему хутором. Название его объясняется просто: «*липяг*» или «*липяк*» – небольшой лесок в степи [1; с. 290]. В.И. Даль трактует «липяк» как возвышенность, покрытую каким бы то ни было лесом [2; т. 2, с. 253]. Такие островки леса издали кажутся синеватыми. Отсюда и название местности – Синие Липяги.

В настоящее время здесь проживает примерно 1600 человек, 95 % из них – русские.

В современной речи представителей старшей возрастной группы используется диалектная лексика, отражающая жизнь и быт синелипяговцев.

О большой семье, например, вспоминают так: [*усё́ бы́ла па-калхо́знаму, па-прасто́му. Де́вять ду́ш нас бы́ло. Тада́ наско́лька у ха́ти жи́ли. Усе́ лажа́тца и сна́*] [В статье используется упрощенная транскрипция. Звук «г» в говоре фрикативный. – Л.Н.].

Люди жили очень бедно. Особый отпечаток наложила война: *[на нас кухвайкя на читвярых была́ адна́, а у каго́ не́ была́ ничё. Папражы́ли мы, го́лат, хо́лат навида́ли. И разу́та и разде́та хаді́ли. Када́й-та паі́шлі сапагі́], [в вайну́ го́ладна бы́ла. Не́мцы, ма́дзяры круці́ли го́лавы ку́рyam. А мы сядэ́ли на пяче́].*

В начале 60-х годов жизнь улучшилась: *[када́ я за́муш вы́шла, бы́ла чаго́ йісць. По́сли вайны́ паакре́пли. Мы спра́вили две ко́мнаты и се́нцы. Ишо́ бы́ла врямя́нка-сама́нка].*

Многочисленную семью необходимо было накормить, женщина использовала большие емкости для приготовления пищи, готовила много пищи: *[тада́ бы́ли пятна́цатилітро́выи чигуны́], [тады́ па́лучыш пи́аніцу, намéлиш муку́. Хочь па́ тро́шчкі, ну дава́ли. Па ча́тырна́цать ка́врэх хлё́ба сажа́ли у печь. Хлё́ба пана́пи-ке́ш. Шей панаво́рыш. Халаде́ц ишо́ гато́вили].*

Однако алкогольными напитками не злоупотребляли: *[че́твирть па́ста́вюць на стол, ну выпыва́ли па напе́рстку], [тада́ пі́ли вот па́ то́личкі], [э́т ца́с па лаха́нки пью́ць].*

Жили натуральным хозяйством: *[У нас каро́ва бы́ла у ха́ти. Сва́я мя́са бы́ла. Па-рася́т вади́ли, утёй, ку́ре́й. Парася́та па́т пе́чкую спа́ли].*

Трудности полевых работ нашли особое отражение в говоре: *[ра́ни паха́ли у по́ли и гарот на сваёй каро́ви в вайну́. Тады́ ни а́дин чілаве́к ни сиде́л. Мы ка́жны́й де́нь ви́дзіліся у по́ли. У по́лю выха́дзілі памно́га. Тады́ бы́ла стро́га, тада́ все рабо́тали ат вотэ́ткага да вотэ́ткага. Уме́сти мы хаді́ли на убо́рку се́на и ва́ всюду. Усе́ даво́льны бы́ли. Мужу́кі ко́сюць. Пако́сюць, а мы выха́дзілі пирва́ра́чвали йіе. Се́ну суши́ли, а па́то́м грама́тили. Мы згряба́ли се́ну. А мужу́кі у ко́пны хаді́ли скла́дали. На калхо́зі у скірды́ кла́ли. Ба́пки прясы́ кла́ли].*

Огородническая лексика репрезентируется таким образом: *[па́д зі́му на зялё́нку лук сажа́ли, вясна́ вскро́я и памидо́р насажа́йшы на гаро́ди, и карто́х пасо́дишы].*

Интересен рассказ респондентов о работе в зимний период. Когда заканчивались сельскохозяйственные хлопоты, женщинам отдыхать не приходилось. Одежда всем членам семьи шилась дома, из ткани, которую пряли из конопли. Это был целый процесс, который состоял из нескольких этапов: *[тада́ закла́дуць у ё́мку кана́пли, йіх мя́ли да талклі́ у сту́пи. Сама́е э́ту кана́плю би́ли. Уся́ те́ла замерзња, пака́ са́ткуць. Са-ло́му паната́скаю́ць, панасте́люць], [э́ти халсты́ па́пряду́ць. Тада́ та́х-та то́начкя́ пря́ли. Йіх бя́лілі, и кала́тилі, и талклі́. Ба́бы ю́пки длі́нныи халсти́ннаи на́сілі. Из ба́нки, из жа́лескі́ свёрну́ць у тру́бачкю. Э́т карту́шкі бы́ли. А картушо́к а́дин гарі́ць. Ко́мнатя́ адна́. Жі́знь а́на́ разбі́тая бы́ла. Тут сиді́ць пріде́. И ути́рки расши́таи. Мужу́кам па́рткі́ шілі].*

Послевоенное время, трудности сельской жизни, необустроенность быта – эти темы для хуторян, на наш взгляд, являются наиболее важными.

Синелипяговцы дружно жили с жителями соседних населенных пунктов, поэтому молодежь по вечерам встречалась: *[три́ ся́ла са́бıráліся. Па́рни ни дра́ліся].*

О хуторянах, проживавших недалеко, можно услышать: *[наш па́рyда́к, иде́ тут Ми́шка ку́кушка́ жи́л, ста́л бы́ть Ми́шку ку́кушка́й дра́жні́ли], [Ча́рных тут во́та жи́ли, че́риз два́ двара́, сусе́ди, ну а́ні па́паме́рлі], [Ню́рка Сма́ро́дина то́же жи́ла].*

Заканчивая общение с жителями хутора, чувствуешь ностальгию по прошлому. Подтверждением этому являются разные по содержанию отрывки речи: *[сяс́тра́ умя́р-ла́, де́т мой Ко́лька́ он по́мир ра́на], [в калхо́зах все́ па́прада́ли. Бу́лгахти́р калхо́зную*

дабро́ прадава́л. Тимо́шчкя бу́лгáхтирам был. А куды́ он дéньги дява́л?...Идишь ти-перь, на пять дваро́в пустых стая́ть. Вакруг то́ка щас там нет ни аднаго́, ни аста́лася. Па со́рак-на пийся́т дваро́в бы́ла. Ни Маскля'вина, ни Стяпа́нава, ни Васто́ка, ни Вярхо́вьев, ни До́лгага хутаро́в нéту. Ни аднаго́ дами́шка нéту. Маладéш вся вы́шла, а ста́раи папамéрли]. Такая безрадостная картина, к сожалению, становится частью естественного процесса исчезновения целых деревень. С ним уходит из употребления красивая живая речь самобытного народа, которая отражает его жизнь, интересы и идеалы, мировоззрение и историю.

Можно с уверенностью утверждать, что исследуемый говор отражает реальную действительность, все стороны жизни и представляет собой достаточно важное самостоятельное явление со своими специфическими чертами. Несомненно, он сохраняет древнерусские языковые черты, в этом его большая ценность, разнообразие и яркость оттенков. Некоторые представленные лексические единицы, функционирующие в речи синелипяговцев, являются локализмами, т.к. употребление их ограничено определенной территорией. Другие имеют широкое распространение в южнорусских говорах.

На сегодняшний момент лексика диалекта является неисчерпаемым источником для изучения лингвокраеведческого материала в обучении родному языку. Она позволяет получить представление о функционировании и развитии национального языка, об использовании языковых единиц в разных сферах жизни.

Библиографический список

1. Прохоров В.А. Вся Воронежская земля: Краткий историко-топонимический словарь. Воронеж: Центрально-Чернозёмное книжное издательство, 1973. С. 290.
2. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 тт. / Даль В.И. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008.
3. Словарь русских народных говоров / Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. СПб.: «Наука», Вып. 1–48, 2002–2015.

References

1. Prokhorov V.A. Entire Voronezh land: Brief historical-toponymic dictionary. Voronezh: Central-Chernozemny Book Publishing House, 1973. P. 290.
2. Explanatory dictionary of the living Great Russian language. In 4 vols. / Dal V.I. Moscow: OLMA Media Group, 2008.
3. Dictionary of Russian folk dialects / F.P. Filin, F.P. Sorokoletov. SPb.: «Science», Issue. 1–48, 2002–2015.

УДК 81'25

Миенчунгский строительный университет

к. тех. н., зав. кафедрой строительных конструкций

Нгуен Фан Зуй

Вьетнам, г. Туйхоа, (+84)917688903

e-mail: nguyenchanduy@muce.edu.vn

Mien University of Civil Engineering

PhD, senior lecturer

Head of the Department of Building Structures

Nguyen Phan Duy

Viet Nam, city Tuy Hoa, (+84)917688903

e-mail: nguyenchanduy@muce.edu.vn

Воронежский государственный технический университет

к. филол. н., доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Новикова О.В.

Россия, г. Воронеж, +7(473)271-50-48

e-mail: oljanovik@mail.ru

Voronezh Technical State University

The chair of Russian language and intercultural communication

PhD, associate professor

Novikova O.V.

Russia, Voronezh, +7(473)271-50-48

e-mail: oljanovik@mail.ru

Нгуен Фан Зуй, О.В. Новикова

ИДЕАЛ ЧЕЛОВЕКА В РУССКИХ И ВЬЕТНАМСКИХ ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ

Носители разных языков видят мир через призму своего языка и, следовательно, по-разному воспринимают его. Каждое слово в языке является носителем информации двух уровней: понятийной (самые существенные сведения о предмете) и фоновой (совокупность сведений культурного, материально-исторического, географического характера и т.п.). Постижение фонового значения слова – важное условие взаимопонимания разных народов, важное условие диалога культур. Наиболее богатым фоновым значением обладают пословицы и поговорки, являющиеся знаками ситуаций. Подобные выражения, как и слова, усваиваются народом с детства, одновременно с овладением языком и воспроизводятся без малейших перемен.

В статье дается сравнительный анализ пословиц и поговорок о человеке, бытующих в русском и вьетнамском языках. Несмотря на множество различий между русскими и вьетнамцами, связанными с образом их жизни, нравами и традициями, когда дело касается человека, его нравственных ценностей, его восприятия мира через призму добра и зла, то возникает единая народная мудрость. Так, и русские, и вьетнамцы прежде всего ценят в человеке такие качества, как трудолюбие, взаимовыручку, гостеприимство, доброту и щедрость, скромность, уважение и чувство благодарности другим людям. Оба народа дорожат общественным мнением; осуждают зло, тщеславие, лень и недобросовестность, высокомерие, лукавство и обман, жадность и скупость, болтливость. Одинаково относятся к любви и браку, дружбе, учению, семейным ценностям; ценят человека не по внешности, а по внутреннему содержанию. Таким образом, как бы ни отличались русские и вьетнамцы по своим традициям, культуре, религии, главное у них общее – одинаковое представление о нравственности, о хороших и плохих качествах и поступках человека, а это много значит для взаимопонимания.

Ключевые слова: пословица, человек, нравственные ценности, аккумулятивная функция языка, фоновая информация.

Nguen Fan Zuy, O.V. Novikova

HUMAN IDEAL IN RUSSIAN AND VIETNAMESE PROVERBS

Speakers of different languages see the world through the prism of their language and, therefore, perceive it differently. Each word in the language is the carrier of information of two levels: the conceptual level (most essential information about the subject) and the background (a collection of cultural, material, historical, geographical information, etc.). Comprehension of the background meaning of the word is an important condition for mutual understanding of different peoples, and for the dialogue of cultures. The richest background value is possessed by proverbs and sayings that mark situations. Such kind of expressions as well as words are acquired by the people from childhood, while mastering the language and reproduced without the slightest change.

The article gives a comparative analysis of proverbs and sayings about a person that exist in Russian and Vietnamese languages. Despite many differences between Russians and Vietnamese connected to the way of their life, customs and traditions there is a common folk wisdom when it comes to man, his moral values and his perception of the world through the prism of good and evil. Thus both Russian and Vietnamese people primarily value in a person such qualities as diligence, mutual assistance, hospitality, kindness and generosity, modesty, respect and a sense of gratitude to other people. Both nations cherish public opinion, condemn evil, vanity, laziness and remissness, arrogance, slyness and deceit, greed and stinginess, garrulity. They equally relate to love and marriage, friendship, study, family values; appreciate man not by appearance, but by inner content. Thus no matter how different Russians and Vietnamese are in their traditions, culture, religion the main thing they have in common is the same idea of morality, good and bad qualities and actions of man, and it means a lot for mutual understanding.

Key words: proverb, person, moral values, accumulative function of language, background information.

Основная функция языка – быть средством общения между людьми. Однако есть и другая не менее важная – аккумулятивная, которая проявляется в том, что язык способен отражать, фиксировать и сохранять информацию об окружающем мире. Язык – это зеркало национальной культуры, истории народа, его традиций и обычаев, материальных и духовных ценностей, накапливаемых определенной общностью людей.

Носители разных языков видят мир через призму своего языка, следовательно, немного по-разному. По словам философов, границы моего языка определяют границы моего мира. Люди, пользуясь разными языками, по-разному воспринимают мир, другими словами, каждый язык создаёт свою картину мира. Как говорят вьетнамцы: *«Каждый цветок со своим запахом»*.

Каждое слово в языке является носителем информации. Эта информация может быть двух уровней: **понятийная** – самые существенные сведения о предмете, и **фоновая** – совокупность сведений культурного, материально-исторического, географического характера и т.п. Например: слово **«береза»** обозначает лиственное дерево с белой корой и листьями в виде сердца. Это значение у слова есть во всех языках. Но для русских береза еще и символ их страны. С ней связано очень многое: березовый сок очень полезен для здоровья, березовую кору используют в медицине, до появления бумаги писали на берестяных дощечках, березовыми дровами раньше топили печь, в баню ходили и сейчас ходят с березовым веником. Березу сравнивают с девушкой: у нее ветки – косы, а семена – сережки [1]. Это фоновое значение слова, которое не всегда известно иностранцу. Точно так же для русского человека вьетнамский символ – **бамбук** – не будет до конца понятен, не будет вызывать никакого ассоциативного ряда. Для вьетнамцев же это символ учёности, знаний (так как из него изготавливались перья для письма), символ долголетия, счастья (вечнозелёное растение). Кроме того, бамбук наделялся способностью отгонять злых духов [4].

Таким образом, постижение фонового значения слова – важное условие взаимопонимания разных народов, важное условие диалога культур.

Наиболее богатым фоновым значением обладают пословицы и поговорки. Они сопутствуют человеку на протяжении всей его жизни. *Пословица – всем делам помощница; Без угла дом не строится, без пословицы речь не молвится* – говорят русские.

Пословицы и поговорки – это краткие устные изречения, восходящие к фольклору. Пословица – это своеобразный учебник жизни, она учит, каким должен быть человек в труде, в дружбе, в любви, в отношениях с другими людьми. Если пословицы содержат прежде всего обобщение, мудрость народа, накопленную веками, то поговорки больше пригодны для выражения чувства или просто для оживления речи [3].

Подобные выражения, как и слова, усваиваются народом с детства, одновременно с овладением языком и воспроизводятся без малейших перемен. Пословицы и поговорки – это знаки ситуаций. Вместо того, чтобы долго и скучно говорить, что у нас нет нужной вещи и мы взяли другую, которая не обладает всеми необходимыми свойствами первой, русские и вьетнамские скажут одинаково: **«На безрыбье и рак рыба»** – **«Không có cá bắt tôm làm trọng»** (Все русские и вьетнамские пословицы и поговорки взяты из [3, 2]).

Конечно, между русскими и вьетнамцами множество различий. Однако когда дело касается человека, его нравственных ценностей, его восприятия мира через призму добра и зла, то здесь мы находим точки соприкосновения – единую народную мудрость независимо от национальности. Эта мудрость выражена прежде всего в пословицах и поговорках о человеке. Одни из них характеризуют его с какой-либо стороны, другие поучают, наставляют, третьи критикуют.

Так, сравнение русских и вьетнамских пословиц показывает, что идеал человека у обоих народов одинаков. И русские, и вьетнамцы прежде всего ценят в человеке такие качества, как:

– **трудолюбие**: *Человек познается в труде; Без труда не вынешь и рыбку из пруда* (рус.). *Có công mài sắt, có ngày nên kim* – Затратишь силу, обтачивая железо, – получишь иглу (вьетн.).

– **взаимовыручку**: *Одной рукой узла не завяжешь; Одной рукой в ладони не хлопнешь; Одна ласточка весны не делает* (рус.). *Một cây làm chẳng nên non, ba cây chụm lại nên hòn núi cao* – Одно дерево леса не делает, три дерева вместе делают высокую гору (вьетн.).

Русские говорят: *«Один за всех – все за одного»*, и точно также скажут вьетнамцы: *«Một người vì mọi người, mọi người vì một người»*.

И русские, и вьетнамцы всегда дорожили общественным мнением, мечтали о хорошей славе и боялись дурной. Это и отражено в пословицах:

Добрая слава лучше богатства; Добрая слава рубля дороже (у русских).

Lời nói quý hơn vàng – Добрая слава лучше золота (у вьетнамцев).

И русские и вьетнамцы гостеприимны и хлебосольны. Гостей русские встречают хлебом-солью, а вьетнамцы – вином: *Khách đến nhà không trà cũng rượu*.

У русских выражение «хлеб-соль» употребляется в буквальном смысле: большой каравай и поставленная сверху солонка с солью. Гость в соответствии с ритуалом должен отломить кусочек хлеба, посыпать его солью и съесть, тем самым он отвечает на гостеприимство хозяев доброжелательностью. Сочетание «хлеб-соль» образовано из

двух слов, обозначающих необходимые продукты питания. Хлеб – это не только основной продукт, но и символ затраченного труда. В народе к хлебу сохраняется самое почтительное отношение. Соль также высоко почиталась наряду с хлебом, особенно в Древней Руси. Для вьетнамского народа чай и спирт (водка, вино) – это знак уважения гостей, это то, что не может отсутствовать, когда принимаешь гостей, хотя пить вино вовсе необязательно.

Необходимо сказать и о том, как пословицы характеризуют человека **доброго и щедрого**, как в старину говорили, тороватого. Такой человек *«последнюю рубашку с себя снимает и отдаст»*, говорят русские. *«Nhường cơm xẻ áo»* (Уступает рис, разделяет рубашку), – говорят вьетнамцы.

Для вьетнамского менталитета очень характерно **уважение и чувство благодарности к другим людям**. *«Ăn quả nhớ kẻ trồng cây»* (Кушаешь ягоды – помни людей, их вырастивших), – говорят вьетнамцы.

Однако и у русского, и у вьетнамского народа встречаются люди недобросовестные, ленивые, недобрые. О них говорят с горечью: *«Одна паршивая овца все стадо портит»* (рус.); *«Con sâu làm rầu nồi canh»* – Букашка делает кастрюлю супа плохой (вьетн.).

Прямой противоположностью доброму и смирному является злой человек. Злых людей много везде. Про них русская пословица говорит: *«Злой как чёрт»*, а вьетнамская: *«Ác như quỷ»* – недобрый как бес.

Пословицы призывают быть скромным, потому что **скромность** украшает человека. Однако есть люди, которых никак не назовешь скромными: такие в любом деле на первый план выставляют свое «Я». Такому человеку говорят с упреком: *«Не будь ты к каждой бочке затычкой»* (рус.); *«Thùng trống kêu to»* – Пустой барабан кричит громко (вьетн.).

Тему **тщеславия** продолжают и другие пословицы. Тщеславный человек, разбогатев или поднявшись по ступенькам карьеры, быстро зазнается и перестает замечать своих друзей и даже родственников. Таким иронически советуют: *«Не смотри высоко: глаза запорошишь»* (рус.); *«Trèo cao té ngã»* – Влезешь высоко, упадешь больно (вьетн.).

Близко к зазнайке стоит гордый человек, гордый в значении «горделивый, гордец», считающий себя выше, лучше других и с пренебрежением относящийся к другим; заносчивый, высокомерный. Такого народ осуждает: *«Гордый и спесивый глуп, как мерин сивый»* (рус.); *«Ngu như bò»* – Дурной как бык (вьетн.).

Самое, пожалуй, осуждаемое качество человека у обоих народов – это **лукавство, обман, мошенничество**. Одинаково говорится о человеке, полном приворства и обмана, и у русских, и у вьетнамцев: *«Язык без костей»*; *«Lưỡi không có xương»* – У языка нет костей. Или грубовато: *«Врёт, как сивый мерин»* (рус.); *«Nói dối như sư tử»* – Обманывает, как чародей (вьетн.).

И русскими, и вьетнамцами осуждается также **жадность и скупость** в людях: *«Он за копейку отца родного продаст»* (рус.); *«Vắt cổ chày ra nước»* – Выжимает шейку песта, чтобы получить воду (шейка песта делалась из древесины, но жадный человек старается выжимать её, чтобы получить воду) или *«Hà tiện ăn cháo hoa»* – Жадный ест чистую кашу (пустую, только из риса, без масла, без овощей и т.п.) (вьетн.).

Богатый человек редко бывает щедрым, тороватым. Пословицы предупреждают об этом: *«Богатый не бывает тороватый»* (рус.); *«Giàu điển sang điếc»* – Богатый – глухой, обильный – слепой (вьетн.).

Осуждается обоими народами и излишняя **болтливость**. *«Язык мой – враг мой»*; *«По секрету всему миру»*; *«Вертит языком, как корова хвостом»*, – скажут русские о

болтливом человеке, не умеющим держать секреты. По-другому, с ещё большим осуждением скажут вьетнамцы: «*Như không ai nói, mà nó nói*».

Человек бывает плохим по разным причинам, например, переняв от родителей какие-то наследственные качества, в результате плохого воспитания и т.д. В пословицах подчёркивается, что в детях могут повторяться недостатки, пороки их родителей: *Ta kìm ego мать родила; От крапивы крапива и родится; От худой курицы – худые яйца* (рус.); *Mẹ nào con nấy* – Какая мать – такой сын; *Hổ phụ sinh hổ tử* – От тигра-отца тигр-сын и родится (вьетн.).

Многие пословицы говорят о внешнем виде человека, о его соответствии или несоответствии с внутренним содержанием. На первое место и русские, и вьетнамцы ставят внутреннее содержание, говоря, что внешность часто может быть обманчива. Например: *По одежде встречают, по уму провожают; Не гляди на лицо, гляди на обычай* (рус.); *Cái nết đánh chết cái đẹp* – Норов убивает красоту (вьетн.).

Резкое противоречие между внешним видом и внутренним содержанием подчёркивают следующие пословицы: *И красивые цветы ядовиты бывают* (рус.); *Hoa hồng nào mà không có gai* – Нет розы без колючки (вьетн.).

В жизни бывает так, что человек и роста большого, и сила есть, а толку от него мало. Про таких говорят: *Велик телом, да мал делом* (рус.); *To con rẻ tiền* – Тело велико, но стоит дешево (вьетн.).

Многие пословицы рассказывают, как относится русский и вьетнамский народ к любви, дружбе, товариществу, рассказывают об отношениях между супругами, соседями и т.п.

Не без иронии замечают, что любить можно по-разному: *Любит и мать дитя, любит и волк овцу* (рус.); *Yêu như bò thương cỏ, thỏ thương trăng* – Любит, как корова любит траву, кролик любит луну (вьетн.).

Пословицы много говорят о настоящей любви, без которой не обходится ни один человек: *Без любви как без солнца* (рус.); *Siêu sống thiếu tình yêu, như điều thiếu gió* – Жизнь без любви, как бумажный змей без ветра (вьетн.).

Любовь изменчива, она может превратиться даже в свою противоположность. «*От любви до ненависти – один шаг*», – говорят и русские, и вьетнамцы (*Từ tình yêu đến hận thù một bước*).

В пословицах говорится о том, что человек не может самому себе приказывать любить или разлюбить кого-либо. Но в то же время пословицы говорят: *Был бы милый по душе, проживем и в шалаши* (рус.); *Một mái nhà tranh hai quả tim vàng* – В одной мазанке два золотых сердца (вьетн.).

Чтобы подчеркнуть, что каждому жениху найдётся своя невеста, говорят: *На каждого Ивана своя Марья найдётся* (рус.); *Ai cũng tìm thấy một nửa của mình* – Всякий найдёт свою остальную половину (вьетн.).

Однако: «*Долго выбирать, женатому не бывать*», – говорят русские. Соглашались с этим и вьетнамцы: «*Lắm mới tối năm không*» – Много романов – ночью спишь один.

Пословицы советуют: если у человека нет друга, то его надо искать. Дружбе придается большое значение в жизни человека. Русская и вьетнамская пословицы одинаково говорят: *Нет друга – ищи, нашёл – береги.* – *Không có bạn thì tìm, tìm rồi giữ.*

Но как узнать, кто твой друг, а кто просто приятель? Русские и вьетнамцы в этом вопросе солидарны: *Друзья познаются в беде – Только в трудную минуту узнаешь, кто тебе настоящий друг.*

Настоящая дружба высоко ценится у обоих народов: *Старый друг лучше новых двух* (рус.); *Bạn cũ bạn tốt* – Старый друг – хороший друг (вьетн.).

Все люди учатся, приобретают различные навыки, усваивают знания. Одни учатся легко, другим это дается трудно. Учатся в разном возрасте – в детстве, и в зрелости, и в старости. Умный человек учится всю жизнь. Недаром и русская, и вьетнамская пословицы говорят: *Ученье – свет, а не ученье – тьма – Học thì sáng, không học thì tối.*

Подчеркивая пользу учения, пословицы наставляют: *Учение – путь к умению* (рус.); *Có học mới biết* – Учи, узнаешь (вьетн.).

В жизни всегда есть чему учиться, и человек, который много знает, многое и может. Об этом вьетнамская и русская пословицы говорят: *Век живи – век учись – Sống một đời học một đời.*

Учиться можно в любом возрасте, считают и русские, и вьетнамцы: *Учиться никогда не поздно – Học không bao giờ muộn.*

При этом: *Уменье и труд все перетрут* (рус.); *Cần cù bù thông minh* – Старательность восполняет сметливость (вьетн.).

Ученье приносит пользу, радость, удовлетворение, путь к благосостоянию, наконец: *Корень учения горек, да плод сладок* (рус.); *Khổ luyện thành tài* – Школишь – будешь талантом (вьетн.).

Итак, можно сделать вывод: как бы ни отличались русские и вьетнамцы по своим традициям, культуре, религии, главное у них общее – одинаковое представление о нравственности, о хороших и плохих качествах и поступках человека. А это много значит для взаимопонимания!

Библиографический список

1. Верещагин Е.М. Язык и культура / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. М.: Индрик, 2005. 1038 с.
2. Вьетнамские пословицы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.e-cadao.com> (дата обращения 13.10.2017).
3. Русские пословицы и поговорки: Учебный словарь / В.И. Зимин, С.Д. Ашурова, В.Н. Шанский, З.И. Шаталова. М.: «Школа-пресс», 1994. 320 с.
4. Словарь символов и знаков / Авт.-сост. Н.Н. Рогалевич. Мн.: Харвест, 2004. 512 с.

References

1. Vereshchagin E.M. Language and Culture / E.M. Vereshchagin, V.G. Kostomarov. M.:Indrik, 2005. 1038 p.
2. Vietnamese proverbs [Electronic resource]. URL: <http://www.e-cadao.com> (date of application 13.10.2017).
3. Russian proverbs and sayings: An educational dictionary / V.I. Zimin, S.D. Ashurova, V.N. Shanskiy, Z.I. Shatalova. M.: «School-press», 1994. 320 p.
4. Dictionary of symbols and signs / Author-Originator N.N. Rogalevich. Mn.: Harvest, 2004. 512 p.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ INTERCULTURAL COMMUNICATION

УДК 81'23

*Воронежский государственный техниче-
ский университет
студентка 4 курса строительного фа-
культета
Кейта Мариама
Гвинея, +79515631258
e-mail: mariamakeita4@gmail.com*

*Voronezh Technical State University
4th year student of the faculty of civil engi-
neering
Keita Mariama
Guinea, +79515631258
e-mail: mariamakeita4@gmail.com*

*к. филол. н., доцент кафедры русского
языка и межкультурной коммуникации*

*The chair of Russian language and intercul-
tural communication*

*Новикова О.В.
Россия, г. Воронеж, +7(473)271-50-48
e-mail: oljanovik@mail.ru*

PhD, associate professor

*Novikova O.V.
Russia, Voronezh, +7(473)271-50-48
e-mail: oljanovik@mail.ru*

Кейта Мариама, О.В. Новикова

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СЕМАНТИКА СТРОИТЕЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ)

В статье рассматривается строительная терминологическая лексика, относящаяся к лексико-семантическому единству «Сооружения, постройки», подмножеству «Сами сооружения, постройки и их части» (классификация, данная в Русском семантическом словаре), используемая в строительной практике в русско- и франкоговорящем обществе. Цель подобного сравнения – помочь франкоговорящим студентам адаптироваться в своей профессиональной деятельности на родине после окончания обучения в России. Авторы сравнивают объем понятия и особенности функционирования слов данной семантической группы в русском и французском языках. Исследование показало, что русское слово «дом» имеет обобщающее значение, аналогичного слова во французском языке нет. Параллели появляются, когда рассматриваются более частные значения данного понятия, связанные со строительным материалом, высотой дома, количеством квартир, местом расположения, предназначением, отделкой и т. п. Большая часть слов, входящих в данное семантическое множество, в русском языке заимствована из французского, однако их значения в языках не совпадают полностью. У терминов во французском языке присутствует больший объем понятия, а в русском языке заимствованный термин часто употребляется в несколько ином значении. Существующие во французском языке заимствования из русского языка представляют собой термины-экзотизмы. Кроме того, в русском языке, по сравнению с французским, представлена большая стилистическая дифференциация слов (разговорные слова-термины для обозначения бедного или богатого жилища). Выявленные различия отражают исторические, социальные, материальные и этнокультурологические аспекты жизни народа, создавая особую национальную языковую картину мира.

Ключевые слова: национальная языковая картина мира, дом, maison, immeuble, habitation.

Keita Mariama, O.V. Novikova

NATIONAL CULTURAL SEMANTICS OF BUILDING TERMINOLOGY

In the article authors consider the construction terminology that relates to the lexico-semantic unity «Buildings, Constructions» of the subset «Constructions themselves and their parts» (the classification given in the Russian Semantic Dictionary) and is used in construction practice in Russian and French-speaking society. The purpose of this comparison is to help French-speaking students adapt in their professional activities at home after graduation in Russia. The authors compare the scope of the concept and the characteristics of the functioning of the words in the given semantic group in Russian and French. The study showed that the Russian word «house» has a general meaning but there is no analogous word in French. Parallels appear when we consider more particular meanings of this concept related to the building material, the height of the house, the number of apartments, the location, destination, decoration, etc. Most of words in this semantic set are borrowed from French language into Russian but their meanings in languages do not coincide completely. The terms in French language have a larger scope of the concept, and in Russian borrowed term is often used in a slightly different meaning. The language borrowings from Russian language that exist in French are exotic terms. In addition in the Russian language in comparison with the French there is a great stylistic differentiation of words (spoken words for the designation of a poor or rich dwelling). Revealed differences reflect the historical, social, material and ethno-cultural aspects of the people's life creating a special national language picture of the world.

Key words: national language picture of the world, house, maison, immeuble, habitation.

Иностранные студенты, получая образование в России, хорошо знакомы со строительной терминологией на русском языке. Однако, когда они возвращаются на родину и начинают работать по специальности, возникает затруднение в использовании строительных терминов на их родном языке. Представляется интересным и важным провести сопоставительный анализ строительной терминологии, в которой в полной мере отражаются национально-культурные традиции и обычаи народа.

В Русском семантическом словаре [2] раздел «Сооружения и постройки» занимает 47 страниц. Слова данного лексического множества объединены в 8 подмножеств, которые, в свою очередь, делятся на более мелкие подмножества по функциональному признаку. Рассмотрим одну из таких групп слов, входящую в подмножество «Сами сооружения, постройки и их части», сопоставив русскую терминологию с французской, принятой в строительной практике Марокко.

Понятие «сооружение, постройка» существует в любом языке и отражает исторические, социальные, материальные, этнокультурологические аспекты жизни народа, участвуя в создании национальной языковой картины мира. Нельзя сказать, что у русских и марокканцев оно существенно отличается, однако сравнительный анализ значений некоторых архитектурно-строительных терминов, употребляемых для его обозначения, позволяет сделать выводы об определённых различиях в представлениях русских и марокканцев.

В русском языке обобщённое представление понятия «сооружение, постройка» представлено словом «дом». Это, во-первых, «жилое (или предназначенное для учреждения) здание» [2; с. 51, 1; с. 176]. Дома могут различаться по материалу (деревянный, каменный, кирпичный, блочный, панельный), по высоте (одноэтажный, многоэтажный, высотный), по количеству квартир (одноквартирный, многоквартирный, дом на одну семью), по месту расположения (городской, деревенский, загородный). Кроме того, слово «дом» может входить в устойчивые сочетания: *Белый дом* – резиденция американского президента и здание Правительства Российской Федерации; *Доходный дом* – многоквартирный дом, построенный для сдачи квартир в наём; *Жёлтый дом* (устар.) –

для сумасшедших; *Дом отдыха, Дом творчества, Дом детей* и т.п. – заведение, обслуживающее какие-либо общественные нужды.

Аналогичного слова во французском языке нет. Параллели появляются, когда мы рассматриваем более частные значения данного понятия.

Так, французское слово «*maison*» обозначает кирпичное строение с комнатами на первом и втором этажах, предназначенное для проживания одной семьи – *une maison c'ert (une constrution) un batiment a deux etages construit pour une scule famille*. Франкоговорящие никогда не скажут «*maison*» о многоквартирном доме, так как всегда отличают квартиру от дома и не только потому, что дом больше, а главное, потому, что квартира – обычное явление для центра города, где не принято жить. Многоэтажный, высотный дом-башня по-французски «*immeuble*». *Квартира* в таком доме – «*appartement*». В русском языке мы также встречаем слово «*апартамент*» (чаще во множественном числе «*апартаменты*») в значении «большое парадное жилое помещение». Во французском языке есть ещё два термина, соответствующие русскому «*квартира*» – «*garconniere*» (холостяцкая квартира) и «*studio*» (однокомнатная квартира) [3]. Обрусевшее французское слово «*студия*» в русском языке подобного значения не имеет, хотя другие значения французского слова заимствованы. Это 1) мастерская живописца; 2) школа, готовящая художников или актёров; 3) киностудия; 4) специальное помещение, откуда производятся радио- или телепередачи; 5) название некоторых театральных молодёжных коллективов [1; с. 804, 3; с. 803].

В русском языке синонимами слова «дом» в рассматриваемом значении могут быть слова: «*здание*» (архитектурное сооружение, постройка), «*сооружение*» (всякая значительная постройка различного вида и назначения), «*строение*» (дом, здание), «*домостроение*» (дом, отдельное строение), «*постройка*» (небольшое здание, строение).

Аналогами русского термина «*здание*» во французском языке будут 4 слова: «*bâtiment*», «*édifice*», «*immeuble*», «*construction*», которые обозначают здания, различающиеся конструктивными элементами [4]. Так, термин «*bâtiment*» используется для наименования зданий без лифта (по-другому: «*sans ascenceurs*»); без окон (по-другому: «*sans fenêtres*»); зданий, возводимых в разрыве между другими строениями (*или* «*construit dans*»); из сборного железобетона (или «*en beton armé prefabriqu *»); из сборных конструкций (или «*pr fabrique*»); зданий, построенных «под ключ» («*clesur*», «*porte*», «*maison*»); зданий рамного типа («*  ossature*»). Для зданий без отделки во французском языке используются термины «*carcasse*», «*cage*», «*coque*», «*enveloppe*», «*voile*» (в зависимости от конструктивных особенностей здания); для зданий со стеклянным фасадом – «* difice*», «*  fa ade*», «*entierement*», «*vitr e*» (в зависимости от остекленной части); для зданий с системой солнечного отопления – «*maison [immeuble]*», «*  chauffage solaire [par soleil]*».

Русским терминам «*сооружение*», «*строение*», «*постройка*» может соответствовать французский термин «*ouvrage*», «*structure*», «*construction*».

Термин «*домостроение*» – чисто русский.

Семантическими синонимами слова «дом» являются слова «*корпус*» (отдельное здание в ряду нескольких или обособленная большая часть здания) – по-французски «*corps*» – и «*особняк*» (благоустроенный дом городского типа, предназначенный для одной семьи или отдельного учреждения). Последнему соответствуют два французских слова «*h tel*», или «*particulier hotel*» (частный дом), и «*villa*» (частный дом с участком

земли). Оба слова употребляются и в русском языке как экзотизмы: «*отель*» – гостиница, «*вилла*» – загородный дом.

Ещё одно заимствование из французского языка – слово «*навильон*» (лёгкая крытая постройка или здание; помещение для экспонатов на выставке, для производства киносъёмки). Интересно, что в языке-источнике слово «*pavillon*» имеет гораздо больше значений: это и маленький домик, и флигель, палатка, ларёк, и полог, балдахин [3; с. 617].

Во втором значении «своё жильё, собственное жилище» [2; с. 69] слово «*дом*» функционирует в русском языке наряду со словом «*жилище*» (место, приспособленное для жилья). Слово «*жилище*» стилистически нейтрально, однако у него есть стилистические варианты: слова книжные, высокие – «*кров*», «*обитель*» (устар.), и слова разговорные – «*жильё*», «*крыша*».

Во французском языке слову «*жилище*» соответствует три слова: «*habitation*» (жилище, квартира; в сочетании *à loyer modéré* – муниципальный дом с умеренной квартирной платой), «*demeure*» (жилище, местопребывание), «*logis*» (жилище, жильё, квартира; в сочетании *au logis* – главный корпус). Сравните с русским словом «*лodge-жизня*» – более узкое значение. Слово «*обитель*» – по-французски «*hôte*» также со стилистической окраской «поэтическое». Разговорный вариант жилища во французском языке – слово «*loyer*» (прямое значение – «квартирная плата»).

К этой же семантической группе принадлежит слово «*коттедж*» (небольшой жилой благоустроенный дом, как правило, на одну семью с прилегающим земельным участком). Во французском языке оно имеет ещё одно значение – «*дача*». Со значением «дачка», «домик» в русском языке употребляется и французское слово «*шалле*» (*sale*), которое в языке-источнике значит «зал», «комната», «помещение», «палата».

В русском языке встречается и заимствованное из французского слово «*резиденция*», используемое в официально-деловом стиле со значением «местопребывание правительства, высокопоставленного лица». Во французском языке это слово «*residence*» также употребляется в официально-деловом стиле, но в более широком значении: кроме вышеназванного, это ещё постоянное местожительства, местопребывания; обязательное пребывание на службе.

Небольшой скромный дом в сельской местности во французском языке называется «*case*», что соответствует русскому слову «*хижина*» (в России хижины встречаются не только в деревне, но и в городе). Во французском языке есть ещё одно слово с подобным значением: «*hutte*» (хижина). Однако оно может обозначать и самое бедное, неблагоустроенное жилище – русские соответствия: «*лачуга*», «*хибара*», «*берлога*», «*конура*» и т.п.

Самый большой, роскошный дом, выделяющийся своей архитектурой, – это в русском языке «*дворец*». В старину на Руси говорили «*палата*», «*терем*», «*чертог*», «*хоромы*». Французское соответствие – слово «*palais*». Оба слова могут употребляться в переносном значении для названия здания суда (*Дворец правосудия*), а также в русском языке – для названия зданий общественного назначения (*Дворец бракосочетаний*, *Дворец спорта*, *Дворец машиностроителей*). Звучит торжественно.

Особенности русского национального жилища отражают слова «*изба*» (бревенчатый крестьянский дом в деревне); «*хата*», «*мазанка*» (крестьянский деревянный дом, обмазанный глиной, на юге России), которые употребляются во французском языке без перевода как экзотизмы. Точно так же, без перевода, в русском языке употребляется экзотизм «*касба*» (глиняный дом в пустыне).

Таким образом, сравнение русских и французских слов семантического множества «сооружения, постройки» показывает, что в русском языке слово «дом» употребляется в обобщающем значении: русский дом – это всё, что построено для проживания людей: и крошечная квартира в многоэтажном доме, и сам многоэтажный дом, и шикарный особняк на нескольких гектарах земли, и летний загородный домик, и вагон-бытовка, предназначенный только для ночлега, и офис, и заведение, обслуживающее какие-либо общественные нужды и просто домашний очаг, интимный уголок, место, где они родились и выросли. Во французском языке наблюдается большая семантическая дифференциация понятия «сооружение», чем в русском языке (однако в последние десятилетия в связи с изменениями в жизни русский язык пополняется новыми терминами, происходит также градация значений). Хотя большая часть слов, входящих в данное семантическое множество, в русском языке заимствована из французского, их значения в языках не совпадают полностью: как правило, больший объём понятия во французском языке, или же заимствованный из французского термин употребляется в несколько ином значении. Однако в русском языке, по сравнению с французским, представлена большая стилистическая дифференциация слов.

Библиографический список

1. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. М.: Русский язык, 2005. 944 с.
2. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН Ин-т рус. яз.; Под общей ред. Н.Ю. Щедовой: в 3 т. Т. 2. М., 2002. 768 с.
3. Сахаров Г.В. Русско-французский строительный словарь / Г. В. Сахаров, В. Н. Соколов, О.С. Поляков. М.: Русский язык, 1976. 424 с.
4. Строительный словарь (англо-немецко-французско-нидерландско-русский) / С.Н. Корчемкин, С.В. Курбатов, Н.Б. Шейхон, Г.Б. Вильковская. М.: Букинист, 1985. 936 с.

References

1. Ozhegov S.I. Explanatory dictionary of the Russian language / S.I. Ozhegov, N.U. Shvedova. M.: Russian language, 2005. 944 p.
2. Russian semantic dictionary. Explanatory dictionary, systematized by classes of words and meanings / RAN Institute of Russian language; Under the general editorship N.U. Shvedova: in 3 volum. V. 2. M., 2002. 768 p.
3. Sacharov G.V. Russian-French building dictionary / G.V. Sacharov, V.N. Sokolov, O.S. Polakov. M.: Russian language, 1976. 424 p.
4. Building dictionary (English-German-French-Dutch-Russian) / S.N. Korchemkin, S.V. Kurbatov, N.B. Sheikhon, G.B. Vilkovska. M.: Bukinist, 1985. 936 p.

УДК 811.112.2'271

*Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко в г. Луганске
преподаватель кафедры романо-
германской филологии
Безверхая И.В.
Украина, г. Луганск, +38(066)615-0-615
e-mail: inna9410@mail.ru*

*Taras Shevchenko National University of Lu-
hansk (branch in Luhansk)
Department of Romano-Germanic philology
lecturer
Bezverkhaya I.V.
Ukraine, Luhansk, +38(066)615-0-615
e-mail: inna9410@mail.ru*

*преподаватель кафедры романо-
германской филологии
Мифтахова О.В.
Украина, г. Луганск, +38(099)795-00-01
e-mail: olga_miftakhova@mail.ru*

*Department of Romano-Germanic philology
lecturer
Miftakhova O.V.
Ukraine, Luhansk, +38(099)795-00-01
e-mail: olga_miftakhova@mail.ru*

И.В. Безверхая, О.В. Мифтахова

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ШОК В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА ОСНОВЕ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

В данной статье были рассмотрены роль культурного и лингвистического шока в межкультурной коммуникации, а также сложности, с которыми сталкивается человек в условиях новой культуры, когда ему приходится привыкать к новому укладу жизни, новому окружению, уяснять для себя новые правила поведения и общения. Также в данной статье раскрыто понятие «межкультурная коммуникация», «культурный шок», «лингвистический шок», представлены основные подходы к пониманию понятий, раскрыта актуальность проблемы лингвистического шока как аспекта культурного шока в межкультурной коммуникации. В межкультурной коммуникации при общении представителей разных лингво- и этнокультур имеют место ситуации непонимания и даже неприятия чужой культуры, что может быть вызвано недостаточным владением фоновыми знаниями, незнанием традиций и обычаев иной этнокультуры. Межкультурные проблемы и конфликты такого плана, оказывающие стрессогенное воздействие на человека, определяются в психологии межкультурного общения как культурный шок. В то же время в межкультурном общении наблюдается явление, которое по аналогии с культурным шоком можно назвать лингвистическим, а точнее лингвокультурным шоком. Лингвокультурный шок связан с состоянием неловкости, смущения, дискомфорта, а также удивления или смеха, которое возникает у человека, когда он слышит в иноязычной речи фрагменты, которые на родном языке звучат неприлично, нелепо или смешно. Таким образом, лингвокультурный шок возникает в курьезной или комичной ситуации, когда вполне нейтральное слово или выражение на одном (иностранном) языке, созвучно или омонимично неприличному, нецензурному выражению на другом (родном) языке и носитель этого языка не знает, как ему адекватно отреагировать на услышанное или увиденное выражение. В статье приведены многочисленные примеры.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, лингвистический шок, культурный шок, культура, адаптация.

I.V. Bezverkhaya, O.V. Miftakhova

LINGVOCULTURAL SHOCK IN CROSS-CULTURAL COMMUNICATION (BASED ON GERMAN AND RUSSIAN LANGUAGES)

The role of cultural and linguistic shock in cross-cultural communication is considered in the article. In addition the present article deals with the difficulties which a person faces in a new culture, when he has to get

used to a new way of life, a new environment, and to understand new rules of behavior and communication. Also the concepts of “cross-cultural communication”, “cultural shock”, “linguistic shock” are articulated in this article, the main approaches of understanding of concepts are presented, the urgency of the problem of linguistic shock as an aspect of cultural shock in cross-cultural communication is disclosed. It is common knowledge that when people of different lingual and ethnic cultures converse, there arise situations when the partners in conversation do not understand or fail to understand each other because they lack background knowledge or cultural literacy and they do not know customs and traditions of a foreign country. The participants in communication may suffer the so-called cultural shock. In a similar way, they may experience a linguistic shock when they hear or think that they hear foreign words and fragments of speech which accidentally coincide in sound form (and /or spelling) with indecent, dirty or taboo words in their native tongue or with the words of humorous and funny content. People who find themselves in such a comic or awkward situation are often at a loss how to adequately react to what they hear. The article contains numerous examples.

Key words: cross-cultural communication, linguistic shock, cultural shock, culture, adaptation.

Желание постичь чужие культуры, их представителей, найти общее и различное между ними существует со времен возникновения культурного и этнического разнообразия человечества. Так, большинство исследователей придерживаются мнения, что говорить о межкультурной коммуникации можно лишь в том случае, если люди представляют разные культуры и осознают все не принадлежащее к их культуре как чужое. Следует отметить, что отношения можно назвать межкультурными лишь тогда, когда участники коммуникации не используют в процессе общения присущие им обычаи, традиции, представления и манеру поведения, а знакомятся с правилами и нормами повседневного общения, которые свойственны представителям других культур.

Считается, что понятие межкультурной коммуникации было введено в 1950-х годах американским антропологом Э.Т. Холлом. В его работе «Культура и коммуникация. Модель анализа» данное понятие он рассматривал как цель, к которой должен стремиться человек в своем желании как можно лучше и быстрее адаптироваться к окружающему миру [3; с. 7]. В результате многочисленных исследований были выявлены наиболее характерные признаки межкультурной коммуникации. Так, необходимо отметить, что неотъемлемым компонентом межкультурной коммуникации является принадлежность отправителя и получателя сообщения к разным культурам. Стоит сказать, что для нее также крайне важно осознание участниками коммуникации культурных отличий друг друга. По своей природе межкультурная коммуникация – это межличностная коммуникация в специальном контексте, когда один участник обнаруживает культурное отличие другого [1; с. 25]. Таким образом, не вызывает сомнений, что коммуникация будет межкультурной в том случае, если она осуществляется между представителями разных культур, а различия между этими культурами приводят к определенным трудностям в общении.

Необходимо учесть, что родственными понятиями в межкультурной коммуникации являются культурный и лингвистический шок. Многие ученые, исследуя понятие культурного шока, приходят к выводу, что большинство людей испытывает переживания и ощущения при переходе от привычных условий жизни к новым. Степень влияния культурного шока на человека может иметь различные последствия. Так, большинство людей, живя в определенной стране, могут быть апологетами иных стран и культур. Знакомство с культурой чужой страны для многих людей всегда интересно и во многом полезно. Ведь у человека, который много путешествует, создается образ картины мира. Следует подчеркнуть, что понятие культурный шок – эмоциональный или физический дискомфорт, дезориентация индивида, вызванная попаданием в иную культурную среду, столкновением с другой культурой, незнакомым местом [4; с. 11]. Данный термин был впервые применен американским антропологом К. Обергом в 1954 году. Следует отметить, что в основном человек получает культурный шок, когда попадает в другую страну, отличную от страны, где проживает, хотя и с подобными ощущениями может

столкнуться и в собственной стране при внезапном изменении социальной среды. Люди по-разному переживают культурный шок, неодинаково осознают остроту его воздействия. Это зависит от их индивидуальных особенностей, степени сходства или несходства культур. Следовательно, можно выделить целый ряд факторов, относящихся не только к климатическим условиям, одежде, еде, языку, религии, но и к уровню образования, материальному благосостоянию, обычаям.

Культурный шок имеет два аспекта: с одной стороны, он связан с необходимостью контакта с другой культурой, с неспособностью декодировать культурные шифры новой страны. Это, в свою очередь, приводит к множеству проблем различного характера. С другой стороны, культурный шок связан с отказом от старых привычек, характерных родной среде. С этим связан психологический дискомфорт в новом окружении. Именно поэтому человек стремится найти контакт с соотечественниками, чтобы несколько ослабить культурный шок, хотя это не приводит к полной ассимиляции в новых условиях жизни, следовательно, в процессе коммуникации [2; с. 37]. Для того чтобы по-настоящему преодолеть состояние дискомфорта, нужно рассматривать этот шок не как негативный опыт, а как возможность развития, обогащения личности, выявления скрытых потенциалов человека.

Для ослабления культурного шока или сокращения его продолжительности нужно заранее осознать, что это явление существует и что необходимо учесть целый ряд симптомов, которые характерны для культурного шока. Они выражаются чувством тоски, одиночества, меланхолии.

Таким образом, человек находится в зависимости от условий жизни и привычек. Адаптация к новой культуре требует прохождения через сложный процесс приспособления, называемый «культурным шоком». Культурный шок есть естественный ответ на совершенно новую обстановку.

Следует отметить, что культурный шок коррелирует с лингвистическим шоком. Более того, лингвистический шок является следствием культурного шока. Это обусловлено необходимостью вступать в коммуникацию с носителями иного языка, иной культуры. Иногда в межкультурном общении возникают ситуации, которые приводят к неоднозначному восприятию сказанного или услышанного. Таким образом, смех, недоумение или даже шок – это следствия подобной ситуации. Подобное явление и представляет собой лингвистический шок. Многие ученые определяют лингвистический шок как состояние удивления, смеха или смущения, которое возникает у слушающего при общении с носителем языка, когда он слышит в иноязычной речи языковые элементы, звучащие на его родном языке странно, смешно или неприлично.

В свою очередь, необычными для восприятия носителей русского языка могут оказаться арабский, корейский, пушту, в некотором отношении татарский и немецкий языки.

Говоря о проблеме лингвистического шока, необходимо отметить тот факт, что затруднение в восприятии немецко-русской лексики вызывают как отдельно взятые слова, так и словосочетания или фразы. Среди слов, в первую очередь, выделяется следующая категория: *nach, danach, nachher, bleiben, Glück, Kurve, Miene, Loch, betrachten, Pendel, woher, rot, Blut, verbluten, ja*. Если обратиться к переводу, можно убедиться в том, что *nach* является часто употребляемым предлогом, указывающим направление. Например, *ich fahre nach Deutschland* (я еду в Германию). Дериваты этого предлога *danach* (затем, после) и *nachher* (впоследствии, затем) являются синонимами и выполняют важную роль слов-связок в предложении. *Bleiben* – остаться, *Glück* – существительное среднего рода, обозначающее счастье, *Kurve* – поворот, *Miene* – вид, *Loch* – дыра, *betrachten* – созерцать, *Pendel* – маятник, *woher* – откуда, *rot* – красный, *Blut* – кровь, *verbluten* – истекать кровью, *ja* – да. Также смущает представителей русскоговорящих народностей прилагательное *blöd*, которое представлено русским эквивалентом «глупый». Улыбку на лице и неловкость могут вызывать и грамматические основы в вопросительных предложениях *Bist*

du или Hast du (являешься ты?, имеешь ли ты?). Лингвистический шок для носителя русского языка может вызвать вопрос Bist du glücklich? Bist du krank? (Ты счастлив? Ты болен?). В предложении Du hast Glück речь идет не о галлюцинациях. Данное идиоматическое выражение переводится на русский «тебе везет».

Тот факт, что лингвистический шок является психолингвистической реальностью, подтверждается тем, что люди, говорящие на иностранных языках, специально придумывают языковые конструкции, которые могут казаться неприличными или смешными, и тем самым спровоцировать шок среди слушателей.

В грамматическом строе речи также существует барьер, обнаруживающий себя при общении разных носителей языков. Разница в категоризации мира – гораздо более глубинная, то есть наличие рода у существительных определяет наше видение и восприятие этих предметов и наше отношение к ним. Изучая несколько иностранных языков, можно понять, что многие люди по-разному воспринимают тот или иной язык. Ярким примером служит слово «девочка», которое в понимании русскоговорящих стран является женским родом, а у жителей Германии «das Mädchen» имеет характеристику среднего рода.

Также следует упомянуть о языковых элементах, которые в иностранном языке имеют один смысл, а для представителя другой культуры и носителя другого языка звучат смешно или неприлично.

Таким образом, необходимо отметить, что люди по-разному воспринимают чужую культуру и ее представителей при изучении реальных ситуаций в межкультурном общении. В заключение следует подчеркнуть, что, находясь как бы на периферии межкультурной коммуникации, рассмотренное явление, тем не менее, заслуживает дальнейших исследований в качестве «ложных друзей переводчика». Это явление достаточно широко распространено, так как существует большое количество ошибок, которые совершают не только обычные люди, но и сами переводчики. Следует отметить, что лингвистический шок является составной частью культурного шока.

Библиографический список

1. Грушевицкая Т.Г. Основы межкультурной коммуникации / Т.Г. Грушевицкая, В.Д. Попков, А.П. Садохин. М.: ЮНИТИ, 2002. 352 с.
2. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. М.: Слово, 2000. 259 с.
3. Holl E. Culture as communication: A Model and Analysis / E. Holl. New York, 1954. 325 p.
4. Oberg K. Practical Anthropology / K. Oberg. New Mexico, 1960. 261 p.

References

1. Grushevitskaya T.G. Osnovymezkulturnojkommunikazii / T.G. Grushevitskaya, V.D. Popkov, A.P. Sadochin. M.: UNITY, 2002. 352 p.
2. Ter-Minasova S.G. Yazykimezkulturnayakommunikaziya / S.G. Ter-Minasova. M.: Slovo, 2000. 259 p.
3. Holl E. Culture as communication: A Model and Analysis / E. Holl. New York, 1954. 325 p.
4. Oberg, K. Practical Anthropology / K. Oberg. New Mexico, 1960. 261 p.

КОНЦЕПТОЛОГИЯ CONCEPT STUDIES

УДК 81'72

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар

д. филол. н., профессор кафедры английской филологии

Катермина В.В.

Россия, г. Краснодар, +7(86166)33-709

e-mail: katermina_v@mail.ru

Kuban State University, Krasnodar

English philology department

Doctor of philology, full professor

Katermina V.V.

Russia, Krasnodar, +7(86166)33-709

e-mail: katermina_v@mail.ru

В.В. Катермина

КОНЦЕПТ “HORROR” И ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ СТИВЕНА КИНГА

Статья посвящена рассмотрению концепта “horror” и особенностей функционирования языковой личности автора в художественном тексте. Страх, переживание ужаса, является эмоциональным многоаспектным концептом, имеющим отношение к психологии, социологии и лингвистике. Определяя место страха в системе человеческих эмоций, мы придерживаемся понимания данной эмоции как психического процесса, отражающего отношение человека к самому себе и окружающему миру, характеризующегося мимическими, психосоматическими и поведенческими изменениями. Страх хоть и является эмоцией, присущей всем народам, в разных культурах принимает различные формы и, соответственно, способы выражения. С позиции же индивидуального авторского сознания данный концепт предстает наиболее непредсказуемой и яркой величиной, которая является отражением и менталитета автора, и его личностных характеристик, склонностей и особенностей мировоззрения. В статье подчеркивается, что авторская языковая личность – вид полноценного представления личности творца, вмещающий в себя и психический, и социальный, и этический компоненты, но преломленные через его язык, дискурс его текстов. Для Стивена Кинга наиболее типично использование наименования концепта в первом словарном значении, наиболее частотном в англоговорящей среде. Среди ядерных признаков концепта нами было выявлено внешнее проявление страха (описание выражения лица, мимики, жестов), а также такие обязательные компоненты концепта, как наполняемость страхом и его преодоление, имеющие отражение на лексико-грамматическом уровне. Однако наибольшее внимание нами было уделено именно периферийным признакам концепта, так как они, как правило, являются индивидуально-авторскими.

Ключевые слова: концепт, языковая личность, Стивен Кинг, страх, эмоции, концепт.

V.V. Katermina

CONCEPT “HORROR” AND LANGUAGE PERSONALITY OF STEPHEN KING

The article is devoted to the description of concept “horror” and peculiarities of a language personality of an author in a literary text. Fear, the experience of horror is an emotional multiconcept related to psychology, sociology and linguistics. Defining the place of fear in the system of human emotions we adhere to an understanding of this emotion as a mental process that reflects the attitude of a person to himself and the world around him, characterized by mimic, psychosomatic and behavioral changes. Fear, though it is an emotion inherent in all peoples, takes different forms and modes of expression in different cultures. From the standpoint of the individ-

ual author's consciousness, this concept appears to be the most unpredictable and bright quantity, which is a reflection of the author's mentality, and his personal characteristics. The idea of the language personality as a full representation of a personality of a creator including psychic, social and ethical components interpreted through the language and discourse of the texts is considered to be the basic idea. For Stephen King, the most typical use is the concept name in the first vocabulary concept, the most frequent in the English-speaking environment. Among the main characteristics of the concept we identified an external manifestation of fear (a description of the expression of a person, facial expressions, gestures), as well as such compulsory components of the concept as filling with fear and its overcoming, reflected on the lexico-grammatical level. However, the most attention was paid to the peripheral features of the concept as they, as a rule, are individual.

Key words: concept, language personality, Stephen King, horror, emotions, concept.

Традиционно считается, что страх, переживание ужаса, является эмоциональным многоаспектным концептом, имеющим отношение к психологии, социологии и лингвистике. Определяя место страха в системе человеческих эмоций, мы придерживаемся понимания данной эмоции как психического процесса, отражающего отношение человека к самому себе и окружающему миру, характеризующегося мимическими, психосоматическими и поведенческими изменениями. Страх хоть и является эмоцией, присущей всем народам, в разных культурах принимает различные формы и, соответственно, способы выражения. С позиции же индивидуального авторского сознания данный концепт предстает наиболее непредсказуемой и яркой величиной, которая является отражением и менталитета автора, и его личностных характеристик, склонностей и особенностей мировоззрения.

Материалом исследования послужил роман Стивена Кинга «Зеленая миля». Выбор материала был не случаен: концепт “horror” является лейтмотивом данного произведения и получает разнообразное представление на протяжении романа.

В силу того, что художественный концепт предстает единицей сознания писателя, которая «получает свою репрезентацию в художественном произведении или совокупности произведений и выражает индивидуально-авторское осмысление сущности предметов и явлений» [2; с. 6], репрезентация концепта в художественных текстах носит уникальный, индивидуальный характер.

Основываясь на результатах исследований В.И. Шаховского [3], который выделяет три группы единиц, репрезентирующих концепт: номинативные, экспрессивные и дескриптивные, рассмотрим номинанты концепта “horror” в романе С. Кинга «Зеленая миля» (S. King “The Green Mile”). Он объективирован такими первичными номинантами концепта (членами синонимического ряда), как *horror, terror, fear, to scare, to dread, to be afraid, scared, frightened, etc.* Иными словами, это номинанты, используемые в словарных описаниях концепта, репрезентирующие особенности обыденного сознания, которое отмечено национально-культурной спецификой.

К единицам дескрипции принято относить фразеологические единицы, объективирующие эмоцию испуга, страха. Считается, что в паремических представлениях находит отражение культурно-национальный опыт этноса и, соответственно, в них зафиксирована специфика восприятия и осмысления исследуемого концепта. В романе «Зеленая миля» к дескриптивным номинантам можно отнести, например, фразеологическое выражение *to give sb a chill, to be scared to death, to scare the cheese out of sb*

(*slang*), компонент внезапности подчеркивается такими выражениями, как *like a lightning stroke out of a clear sky, to sound like a damned stroke*.

Помимо непосредственно языковых средств объективации данного концепта существует группа средств, которая содержит единицы, вербализующие физиологические проявления (невербальные маркеры) страха. Это обусловлено тем, что в основе концепта лежит эмоция испуга, страха, ужаса, проявляющаяся «интонационно-просодическими» и «кинесимическими» (мимика, жесты, позы) средствами. Данные маркеры изначально имеют психофизическую природу, но, являясь значимыми характеристиками эмоции, закрепляются в языке, в основном в виде метафорических единиц [1].

Исследуем значения, составляющие ядро концепта “horror” в романе «Зеленая миля». В процессе реконструкции понятийного слоя концепта “horror” необходимо помнить о том, что художественное значение, непосредственно связанное с авторским замыслом, характеризуется большей степенью индивидуальности по сравнению со словарной дефиницией. В Oxford Dictionary предлагаются следующие определения понятия “horror”:

1. an intensive feeling of horror, shock or disgust.
2. a thing causing a fear or horror.
3. a literary or film genre concerned with arousing feelings of horror.
4. intense dismay.
5. extreme dislike [5].

Как показало наше исследование, для Стивена Кинга наиболее актуально первое словарное и наиболее распространенное в англоговорящей среде значение «horror». Мы определили, что на протяжении романа автор использует соответствующую лексику 14 раз, и, как показал анализ содержательных составляющих описываемого концепта, основными когнитивными признаками, представляющими данный концепт, являются «внешнее проявление ужаса» – выражение лица, глаз, мимика, жесты, «внутреннее чувство», имеющее выражение в первом компоненте. Показательно, что для Кинга наибольшей когнитивной значимостью обладает информация о «проявлении ужаса» у его героев – очень часто концепт “horror” в его романе сопряжен именно с внешним выражением испуга, ужаса: *he was pale with horror [он побледнел от ужаса]* (King, p. 56), *he wore an expression of fear and horror [на его лице было выражение ужаса и страха]* (King, p. 112), *his eyes were widened with horror [его глаза расширились от страха]* [4; p. 204]. Причиной этому служит один из основных принципов творчества Стивена Кинга – желание заинтриговать читателя, произвести на него эффект и удерживать внимание до конца, поддерживая динамичность повествования. Мы считаем, автор бы не достиг аналогичного эффекта, если бы прибег к детальному описанию переживаний героев. Также необходимо отметить, что он придерживается принципа «эффективности». Однако это отнюдь не является доказательством поверхностности творчества Стивена Кинга, в чем обвиняют его некоторые критики. Как иллюстрирует практический материал нашего исследования, данная методика является верным решением, позволяющим произвести впечатление на читателя, а также придать сюжету образность и глубинный смысл. В подтверждение этому можно привести следующий пример: сначала автор несколько раз прибегает к использованию следующей фразы, описывая «внешнее» состояние одного из заключенных: *Delacroix screamed with horror and grief*

[*Делакруа закричал от ужаса и горя*], затем несколько видоизменяет описание: *Delacroix screamed out all his horror and grief* [*Делакруа выкрикнул весь свой ужас и горе*] [4; p. 125]. Так мы имеем возможность наблюдать тесную взаимосвязь переживаний героя и его поведения, выраженные автором не только на семантическом, но и лексико-грамматическом уровне.

Результаты психологического исследования, опубликованного в издании «Энциклопедия практической психологии» [1], показали, что испуг – не чувство и не эмоция, а чисто «телесная рефлекторная реакция». Чувство испуга – изменение всего функционального состояния человека, его тела, ума и души. В ситуации опасности у человека могут случиться «рефлекторные вегетативные реакции по типу испуга (страха), но он останется внутренне собран и решителен. Однако чувство страха очень часто следует за испугом, что дает основание для смешения понятий. Рассмотрим описываемые случаи на примерах романа «Зеленая миля». Ср.: *I waited for the dry crack that would signal collapse. I dreaded that day and hoped for it, both at the same time, but it was a day that never came* [*Я ждал сухой трещины, которая сигнализировала бы обрушение. Я боялся того дня и надеялся на него одновременно, но этот день никогда не пришел*] [4; p. 21] и *Here was the chance he'd been looking for, you would have said, his golden opportunity to put that tally whacker of his to good use, and he was too scared and confused to do it. This wasn't some terrified little Frenchman or a lack giant who hardly seemed to be in his own body; this was a whirling devil* [*Это был шанс, который он искал, вы бы сказали, его прекрасную возможность, чтобы хорошо использовать этот ударный ударник, и он был слишком напуган и смущен, чтобы сделать это. Это был не какой-то испуганный маленький француз или гигант с недостатком, который, похоже, не был в его собственном теле; это был вихревой дьявол*] [4; p. 84]. Если во втором случае описываемый герой испытывает именно чувство испуга и в его эмоциональном и функциональном состоянии произошли изменения (это подтверждается также лексемой *confused*), то в первом примере говорить о настоящем чувстве испуга, страха не приходится. Рассказчик не хочет, чтобы что-то произошло, и лексема *dread (to anticipate with great fear)* свидетельствует о том, что настоящих изменений в его эмоциональном состоянии не случилось, и восприятие информации прошло только на уровне сознания. Таким образом, мы имеем возможность утверждать, что оба вида восприятия испуга находят реализацию в данном романе, но обращение именно к чувству испуга как эмоциональному переживанию происходит по мере развития сюжета чаще.

Психолингвисты также отмечают, что одним из поведенческих паттернов в ситуации переживания страха является поведение, подобное тому, которое избирает животное в опасной ситуации – замирание, когда «зверь стремится стать максимально незаметным, как бы слиться с окружающим ландшафтом». Для этого он прекращает любую деятельность, замедляет дыхание. В опасной ситуации человек лишней раз боится пошевелиться или вздохнуть, чтобы не выдать себя. Такое поведение свойственно всем людям, не исключая героев романа Стивена Кинга, и оно находит выражение в частотном обращении к статичным лексемам. Ярким примером этого утверждения является следующее предложение: *He laughed and pointed, all his fear and hatred of Percy coming out in that derisive laughter. Percy stared at him, seemingly incapable of moving or speaking*

[Он рассмеялся и указал, все его страх и ненависть к Перси воплотились в этом насмешливом смехе. Перси уставился на него, похоже, не мог двигаться или говорить] [4; p. 114]. От ужаса герой не может пошевелиться и застывает, как статуя. Неосознанно он повторяет поведенческий паттерн, типичный всем живым существам в экстренной ситуации, в инстинктивном желании сохранить жизнь.

Необходимо отметить, что важными и вполне закономерными характеристиками концепта являются также «наполняемость страхом» (*to be filled with horror*) и «возможность его преодоления» (*to put the nightmare [sth that horrifies] to the end*), которые являются ядерными и присущи как картине мира целых народов, и так и отдельных их представителей.

Обратимся к анализу когнитивных характеристик концепта. В ходе исследования нами было выявлено, что специфичным для творчества Кинга является объективация переживания ужаса через описание выражения лица, и, в большинстве случаев, именно глаз. Рассмотрим следующие примеры: *Thunder exploded like an airburst mortar shell above us. Del jumped as much as the clamps would allow, eyes starting wildly out of his wet face* [Гром взорвался, как надгробие над нами. Дел подпрыгнул, как только позволяли зажимы, глаза испуганно смотрели на его мокром лице] [4; p. 146]. Или: *Harry had already let go of young Mr. Wetmore. Sobbing like a little kid, the tears which had been standing in his eyes now spilling down his cheeks, Percy shot his hands out straight in front of him, like a sleepwalker in a movie comedy* [4; п. 146]. Или: [Гарри уже отпустил молодого мистера Уэтмора. Слегка рыдая, как маленький ребенок, слезы, которые стояли в его глазах, теперь пролились по его щекам, Перси театрально взмахнул руками, как лунатик в комедии]. Ср.: *The man holding them sat bawling up at the sky like a moonstruck calf, his dark brown cheeks slicked with tears, his face twisted in a monstrous cramp of grief* [Человек, держащий их, сидел, рыдая в небе, как теленок, его темные коричневые щеки были полны слез, его лицо исказилось в чудовищной судороге скорби] [4; p. 25]. Мы полагаем, что основное внимание автора акцентировано именно на глаза и действия, с ними связанные: герой либо плачет, и автор обязательно описывает, как по его лицу текут слезы, либо глаза его словно «выскакивают из орбит». Также необходимо подчеркнуть тот факт, что в некоторых случаях Кинг описывает глаза как самостоятельный орган, придавая им некую олицетворенность (т. е. переносит на них представления и явления, свойственные обычно одушевленным предметам), как, например, в данном примере: *Those eyes wept, and yet were somehow untouched... distant and serene* [Эти глаза плакали, и все же были как-то нетронутыми ... далекими и безмятежными] [4; p. 188], подчеркивая значительную роль, которую они играют в выражении чувства. Считается, что объективация страха характерна для русской культуры, в которой при переживании страха наблюдается расширение зрачков и глаза округляются (например, в идиомах «глаза на лоб лезут», «глаза таращить»). Исследователи отмечают, что изменяется не только размер глаз. В ситуации переживания страха могут возникнуть проблемы со зрением: «невзвидеть свету», «небо с овчинку кажется». Однако же в американской культуре подобного восприятия описываемого концепта не наблюдается.

Другим периферийным признаком концепта является актуализация связи страха с чувством ненависти и отвращения. В данном романе это чувство в основном переживается рассказчиком по отношению к поведению и действиям Перси Уитмора, одного из

надзирателей блока, славившегося своей бессердечностью и ограниченностью: *He laughed and pointed, all his fear and hatred of Percy coming out in that derisive laughter [Он рассмеялся и указал, весь его страх и ненависть к Перси воплотились в этом насмешливом смехе]* [4; p. 170]. Так мы имеем возможность наблюдать, как страх смешивается с чувством отвращения, презрения (когнитивные составляющие: *mockery, contempt, disgust*), которое, в свою очередь, приводит к насмешливому, сатирическому отношению к объекту: *And Elaine Connelly, too! a voice cried from the open door. It was loaded with a kind of satiric horror [И Элейн Коннелли тоже! – раздался голос из открытой двери. Он был наполнен каким-то сатирическим ужасом]* [4; p. 260]. Причина такой связи состоит в том факте, что, посмеявшись над объектом своего страха, герой в какой-то мере получает психологическую разрядку, что благополучно сказывается на его эмоциональном равновесии.

Актуально для творчества Стивена Кинга и восприятие боли, болезненности, слабости как взаимозависящей единицы страха. В романе мы имели возможность исследовать следующее описание переживания страха героем: *... and if he does anyway, it goes on his record, and it'll still be there long after his statehouse connections are gone. You understand? – I did. It made me feel sick and scared, but I did [...и если он все равно сделает это, он продолжит запись, и он все равно будет там долго после того, как его связи в государственном секторе исчезнут. Вы понимаете? – Я понимал. Мне стало больно и страшно, но я понимал]* [4; p. 92]. Мы наблюдаем, как страх героя смешивается с ощущением слабости. Страх словно выбивает почву у него из под ног, он теряет опору как в прямом, так и фигуральном смысле, и это дезориентирует его, вызывает ощущение беспомощности, замешательства.

Итак, мы проанализировали сущность концепта “horror” в контексте романа Стивена Кинга «Зеленая миля» и пришли к следующим выводам: наиболее часто автор использует лексему “horror” в первом словарном значении (*an intensive feeling of horror, shock and disgust*) и акцентирует значительное внимание именно на внешнем проявлении страха, причем, воспринятого как «рационально», так и эмоционально. Также ядерными характеристиками являются «наполняемость страхом» и «преодоление страха».

Периферийными компонентами концепта является связь страха с такими чувствами, как ненависть, отвращение и даже боль, в то время как внимание автора часто акцентировано не просто на выражении лица человека, испытывающего эти чувства, но именно на глазах, передающих их состояние наиболее остро и ярко.

Таким образом, художественный концепт “horror” в романе Стивена Кинга обладает уникальным характером, так как является частью индивидуального художественного мира произведения. Мы пришли к выводу, что переживание страха обосновано особенностями мироощущения автора, а именно, восприятием им роли человека как ничтожно малой, которое он, соответственно, передает героям своего произведения.

Для автора наиболее типично использование наименования концепта в первом словарном понятии, наиболее частотном в англоговорящей среде. Среди ядерных признаков концепта нами было выявлено внешнее проявление страха (описание выражения лица, мимики, жестов), а также такие обязательные компоненты концепта, как на-

полняемость страхом и его преодоление, имеющие отражение на лексико-грамматическом уровне. Однако наибольшее внимание нами было уделено именно периферийным признакам концепта, так как они, как правило, являются индивидуально-авторскими. Нами было отмечено, что концепт реализован как через отдельные лексемы, так и фразеологические и метафорические единицы, что является характерной чертой стиля автора. Специфической для данного автора стала смежность страха с такими эмоциональными концептами, как ненависть, боль, слабость, отвращение. Также интересной чертой авторского стиля стала репрезентация концепта через лексемы и фразеологические единицы, описывающие выражение глаз человека, переживающего страх, что находит подтверждение в многочисленных примерах из практического материала.

Библиографический список

1. Козлов Н.И. Психологос: науч. журн. практ. психол. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.psychologos.ru/articles/view/ispug/> (дата обращения 12.03.2012).
2. Тарасова И.А. Диалог лингвистики и литературоведения // Вестник НГУ им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 742–745.
3. Шаховский В.И. Эмоциональная / эмотивная компетенция в межкультурной коммуникации (есть ли неэмоциональные концепты?) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://tverlingua.ru/archive/016/2_16.pdf (дата обращения: 12.03.2012).
4. King S. The Green Mile. USA: Signet books, 1996. 268 p.
5. Oxford dictionaries [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://oxforddictionaries.com/> (дата обращения: 12.03.2012).

References

1. Kozlov N.I. Psychologos: scientific journal of practical psychology. URL: <http://www.psychologos.ru/articles/view/ispug/> (дата обращения: 12.03.2012).
2. Tarasova I.A. Dialogue between linguistics and literature // Vestnik of NSU named after N.I. Lobachevsky. 2010. Vol. 4 (2). P. 742–745.
3. Shakhovsky V.I. Emotional/emotive competence in intercultural communication (are there unemotional concepts?). URL: http://tverlingua.ru/archive/016/2_16.pdf.
4. King S. The Green Mile. USA: Signet books, 1996. 268 p.
5. Oxford dictionaries. URL: <http://oxforddictionaries.com>.

ЖУРНАЛИСТИКА
В ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ
JOURNALISM IN HISTORICAL AND THEORETICAL ASPECT

УДК 070

Воронежский государственный технический университет
к. филол. н., доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Скуридина С.А.
Россия, г. Воронеж, +7(920)404-04-48
e-mail: saskuridina@ya.ru

Voronezh State Technical University
The chair of Russian language and intercultural communication
PhD, associate professor
Skuridina S.A.
Russia, Voronezh, +7(920)404-04-48
e-mail: saskuridina@ya.ru

студентка 4 курса направления «Журналистика»
Масленникова И.А.
Россия, г. Воронеж, +7(951)861-95-35
e-mail: ir.ir.mi.mi@mail.ru

The faculty of journalism, fourth-year student
Maslennikova I.A.
Russia, Voronezh, +7(951)861-95-35
e-mail: ir.ir.mi.mi@mail.ru

С.А. Скуридина, И.А. Масленникова

**ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК
(НА ПРИМЕРЕ ГАЗЕТНЫХ ОБЪЯВЛЕНИЙ XIX ВЕКА)**

В статье рассказывается о возможности использования частных объявлений и рекламы в периодических изданиях в качестве историко-культурологического источника, который отличается объективностью и достоверностью. Спецификой указанных жанров является представление максимального объема информации в минимальном количестве единиц текста. К одной из особенностей частных и рекламных объявлений можно отнести их хронотопность, то есть перед нами некий текст, несущий информацию о пространстве, которое мы можем осмыслить через приметы времени. В основу работы положены рекламные тексты и тексты объявлений различной тематики (экономические, бытовые, брачные, афиши, объявления о выходе книг, о трудоустройстве и т.д.), напечатанные как в столичных, так и в региональных газетах XIX – начала XX вв. Указанный период выбран в связи с возросшей в России ролью периодической печати, превратившейся в своеобразный барометр общественной жизни. Актуальность исследования обусловлена тем, что изучение рекламы позволяет представить социокультурную жизнь общества в более полном объеме: информационная картина, создаваемая объявлениями и рекламой, превращается в картину эпохи, когда печатное слово было единственным средством массовой информации.

Ключевые слова: текст, историко-культурологический источник, периодическая печать, реклама, жанр рекламы, история рекламы, частные объявления, «Московские ведомости», «Санкт-Петербургские ведомости», «Казанский листок», «Брачная газета», «Справочный листок для Нижегородской ярмарки».

S.A. Skuridina, I.A. Maslennikova

**PERIODICAL PRESS AS THE SOURCE OF HISTORICAL
AND CULTURAL STUDIES
(BASED ON NEWSPAPER ADVERTISEMENTS OF THE 19TH CENTURY)**

The article concerns the opportunity of using of private announcements and advertisements in periodical press as the source of historical and cultural studies which is characterized by fairness and reliability. The main trait of the genre is maximal volume of information presented in minimal quantity of textual units. Also private announcements are characterized as chronotopical because these texts contain some spatial information which can be comprehended through temporal signs. The research is based on advertisements of various subjects (economical and household ones, marriage announcements, playbills, book release and employment announcements etc.) published in capital and regional newspapers in the 19th century and in the beginning of the 20th century. This period was chosen in connection with the growing importance of Russian periodical press which became a specific 'barometer' of social life. The actuality of the research is determined by the fact that advertisement studies reveal a complete picture of social and cultural life. This informational picture transforms into the picture of the epoch when periodical press was the only source of mass information.

Key words: text, the source of historical and cultural studies, periodical press, advertisement, advertisement genre, the history of advertisement, private announcements, "Moscow gazette", "St.-Petersburg gazette", "Kazan newsletter", "Marriage newspaper", "Informational newsletter for Nizhny Novgorod fair".

Использование печатных источников в работе исследователей разных направлений является обычным фактом, поэтому они не всегда воспринимаются как специфический исторический источник. Историки и литературоведы постоянно обращаются к журналам и газетам. Периодическая печать является сложным по составу письменным историческим источником, который объединяет в своей структуре различные по происхождению и жанрам материалы, несущие разноплановую информацию. В истории России роль периодической печати возрастает в XIX веке: газеты и журналы становятся своеобразным барометром общественной жизни и, соответственно, важнейшими хранителями исторической и культурологической информации. «Афористическое речение «печать – шестая держава», распространившееся в русском литературном языке со второй половины XIX в., выразительно свидетельствовало о признании современниками огромного значения периодики» [3]. Знаменательны слова Плетнева в письме к С.П. Шевыреву от 9 августа 1846 г.: «Ужели не разделяете вы со мной убеждения, что мы живем в эпоху, в которую последовало что-то равное изобретению письмен и книгопечатания? Это открытие силы повременных изданий. Итак, мыслящему человеку, стремящемуся утвердить в обществе убеждения свои, необходимо обладать каким-нибудь из этих изданий: иначе он принужден будет задушить в себе то, что составляет действительную жизнь его» [5].

Уже в 60-х годах XIX в. в статье «Схоластика XIX века» Д.И. Писарев отмечает: «Развитие русской журналистики с каждым годом становится шире; возникают новые журналы и в короткое время приобретают себе значительный круг читателей; между тем старые журналы продолжают свое существование, и число их подписчиков несколько не уменьшается. Периодические издания расходятся по всем концам России» [7]. Тем не менее, в дореволюционной России журналы и газеты не рассматривались

как исторический и культурологический источник, хотя уже К.Н. Бестужев-Рюмин выделяет публицистические произведения в особый разряд памятников словесности, которые являются свидетельством «текущих вопросов и практических интересов» [1]. Однако впервые периодические издания как исторические источники были выделены и специально охарактеризованы в 1940 году С.А. Никитиным [6].

Практически каждое периодическое издание дореволюционной России можно рассматривать как полифонический текст в связи с отсутствием каких-либо ограничений в тематике и проблематике, в хронологическом диапазоне материалов, а также в формах выражения: это и исторические статьи, и современные репортажи, и сообщения о каких-либо актуальных событиях, и, конечно же, объявления и реклама.

Реклама, воспринимаемая нами как факт современности, на самом деле уходит своими корнями в глубокую древность, появившись вслед за возникновением торговых отношений между людьми. Исследователям известны рекламные тексты на древнеегипетском папирусе, а также объявления, выгравированные на медных табличках или написанные на деревянных дощечках в Древней Греции и Древнем Риме. Предприимчивые люди прошлых тысячелетий с помощью объявлений сообщали о продаже рабов, о толковании сновидений и т.д. Несмотря на то, что подобная информация могла просто зачитываться на площади, объявления – это преимущественно письменный жанр, развитию которого способствовало возникновение книгопечатания. Именно появление печатных органов способствовало тому, что мы можем сейчас рассматривать тексты объявлений и рекламы как историко-культурологический источник.

История рекламы в России начинается с X–XI веков, когда русские купцы с целью увеличения продаж прибегали к услугам зазывал, которые ходили по улицам вдоль торговых лавок и во весь голос расхваливали продающиеся товары. Типичными представителями устной рекламы были коробейники, исполнявшие частушки и прибаутки с целью завлечения покупателей мелочей: кружев, лент, бубликов и пряников. История печатной рекламы в России также отмечает неопределимый вклад в свое развитие лубочных картинок, на которых со временем стали появляться рекламные надписи, знакомящие с различной информацией или событиями.

Первые печатные рекламные объявления можно найти в «Ведомостях» Петра Великого, газете начала XVIII века. XIX век стал веком появления многочисленных рекламных объявлений и первых бесплатных рекламных газет. Как верно отмечает А.П. Киселев, «объявление становилось если не единственной, то основной формой информации об экономической и культурной жизни» [4].

Несомненно, главная функция рекламы – информативная, но современными исследователями реклама рассматривается как «источник, отражающий особенности социума, в определенной степени свидетельствующий о ценностях, установках, образе жизни общества» [2], например, из объявления *«У купца Якова Далмена на большой улице против Зимнего дворца продаются самые свежие устерсы, цитроны и каштаны повальной ценою, о чем через сие объявляется»* (Санкт-Петербургские ведомости, 1737, № 5) можно почерпнуть информацию о том, что было в рационе у обеспеченных людей того времени. Однако подобные тексты имеют важное значение для ученых-

лингвистов, так как позволяют проследить историю слова, ведь *устерсы* – это устрицы, а *цитроны* – это лимоны.

«Санкт-Петербургские ведомости», издававшиеся с 1728 года Академией наук, активно печатали коммерческую информацию, которая постепенно оформилась в виде приложения (супплемента): «Торговые и ремесленные слои населения столицы, отечественные и иностранные предприниматели увидели в газете средство для рекламирования своей продукции. Редакция охотно шла им навстречу, преследуя собственный финансовый интерес: тираж газеты был невелик (500–600 экз.), его реализация по 4 коп. за номер не покрывала расходы Академии на издание газеты» [4].

Являясь социокультурным источником, объявления и реклама в газетах содержат информацию об общественных отношениях того времени, в какое они были опубликованы. В «Московских ведомостях» (№ 15 за 1800 г.) на одной странице соседствуют объявления о продаже хорошо выезжанных лошадей легких пород и объявления о продаже крепостных, что отражает исторический факт того времени – существование в Российской империи крепостного права.

Объявления в газете – обычное явление в России XIX века. Во многих провинциальных городах появляются газеты, содержащие только рекламные сообщения: например, казанский листок объявлений не мог содержать никакой другой информации, кроме объявлений. Издатель сообщал в каждом выпуске «Листка»: «рассылается бесплатно, через особо нанятых рассыльных, во все частные дома, во все присутственные места, в магазины, кафе-рестораны, номера для приезжающих, гостиницы, вагоны и станции конно-железной дороги, во время навигации на все пристани и мимо Казани идущие пароходы, во все прочие подобные общественные места и наклеивается на многих публичных местах города» (Листок объявлений, Казань. 1875. № 1).

Существовали в России и «сезонные» газеты, выход которых зависел от какого-либо события: например, «Справочный листок для Нижегородской ярмарки» печатался ежедневно с 15 июля по 1 сентября, в дни проведения ярмарки.

В газетах размещают резюме или информацию о вакансиях, благодаря чему мы имеем представление о распространенности профессий: по объявлениям искали дворников, поваров, прачек, нянь, кухарок, портних, горничных. «Московские ведомости» 1786 г. содержит текст женского (!) объявления: «Недавно приехавшая мадам Франтуе делает самое лучшее и новомодное дамское платье и обучает девок, живет на Ильинке против музыкальной лавки» (Московские ведомости. 1786, 30 декабря). Как видим, женщина – иностранка, объявлений от русских женщин, предлагающих такого рода услуги, мы не встретим еще как минимум полвека, пока не пройдут реформы, в результате которых не только у мужчин, но и у женщин возникнет потребность в самореализации. Большинство женских объявлений этого периода – это информация об обучении, как в Казанском листке за 1875 г.: «Г-жа Ворошилова, живущая в Верхней Федоровской, д. Бергман, желает иметь у себя на дому утренние и вечерние занятия за весьма умеренную плату. Утро от 9-ти до 2-ух часов – готовит девочек в Гимназию в 1-й, 2-й, 3-й и 4-й классы (по 5 руб. в месяц); вечер – от 4-х до 7 – репетировать с гимназистками всех классов (тоже 5 руб. в месяц). В случае, если желающих окажется довольно много, то помещение для занятий г. Ворошилова будет иметь в самом центре города...» (Казанский листок, 1875, №8). В 1866 году в России появляется первый женский журнал

«Женский вестник», редактором и издателем которого была женщина А.Б. Мессарош, а основной темой – положение женщин в обществе.

С именем знаменитого просветителя Н.Н. Новикова связаны новшества, появившиеся в газете «Московские ведомости», выпуск которой был начат в 1756 году под эгидой Московского университета, а структурное оформление газеты было сходным с «Санкт-Петербургскими ведомостями». Н.Н. Новиков вводит в газету библиографический отдел «О российских книгах», где печатает объявления о новинках, изданных типографией Московского университета и поступивших в продажу в университетскую книжную лавку. Так в XVIII веке было положено начало рекламе книг. XIX век – это век читающего общества, когда издаются произведения А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского. В любом рекламном сообщении о выходе новой книги обязательно указывалось ее содержание. Это обусловлено тем, что многие книги печатались частями в периодических изданиях, иногда с перерывами, и читателю нужно было ориентироваться, на каком этапе он находится.

Таким образом, объявления становятся достоверным источником сведений о культурной жизни общества. Распространенным жанром, из которого можно почерпнуть информацию о культурных событиях, является афиша, где не только указывалось название, место и время действия, но и часто содержалась программа предстоящего зрелища: «25 ноября 1875 года буде дан в залах Дворянского собрания Бал-маскарад с аллегри, для увеличения средств Дамского Отделения Императорского Человеколюбивого Общества. Билеты можно получать заблаговременно в кондитерских Маломеркова и Конпонена, а в день Бала в самом Собрании в 6 часов вечера. Цена входа в зал – 1 руб., на хоры – 50 коп.» (Листок объявлений. Казань. 1875. № 4).

Постоянной и очень востребованной рубрикой в газетах были брачные объявления, где как мужчины, так и женщины могли рассказать о своем желании устроить личную жизнь с партнером, подходящим под определенные требования. Кроме описания внешности и характера, в подобных сообщениях указывался размер имеющегося капитала или годовой доход, в связи с чем объявления можно рассматривать как свидетельство того, что в прошлые века брак расценивался многими как выгодная экономическая сделка. В 1906 году начинает выходить «Брачная газета», которая преподносит себя как «единственное и первое в России *серьезное* литературное издание, ставящее себе целью *укреплять высокое значение брака* в общественном самосознании и *привить новый способ заключения брака* путем объявлений» («Брачная газета», 1908).

Брачные объявления, таким образом, являются ярким фактом эмансипации общества того времени, ведь по традициям, сложившимся в русском обществе, женщина не могла себя предлагать, особенно так откровенно – через газетное объявление, а должна была дожидаться мужчину, который ей сам предложит руку и сердце. Тем не менее, вокруг брачных объявлений стала возникать целая индустрия: появляются люди, которые их составляют, так как каждому потенциальному жениху или невесте хотелось в объявлении привлечь внимание читателей именно к своей персоне, представив себя в выгодном свете, а литературными талантами обладали далеко не все. Газеты брачных объявлений были настолько востребованы, что в начале XX века существовали не

только столичные, но и региональные издания, например, «Сибирская брачная газета» и «Одесский брачный листок».

Как видим, частные объявления и рекламные сообщения становятся источником информации обо всех сферах общественной жизни того времени, предоставляя возможность современным исследователям разных отраслей науки узнать об экономическом развитии (поиск работы, размещение вакансий, сообщения банков и других финансовых учреждений), о развитии образования, науки и медицины, о духовных потребностях общества, о семейных взаимоотношениях. Специфика объявления и газетной рекламы заключается в возможности представления максимального объема информации в минимальном количестве единиц текста, в связи с чем информационная картина, создаваемая объявлениями и рекламой, развертывается в картину эпохи.

Библиографический список

1. Бестужев-Рюмин К. Русская история. I. СПб., 1872. С. 119.
2. Грик Н.А. Рекламные объявления в томской губернской газете «Красное знамя» в 1921–1925 гг. и восстановление товарно-денежных отношений // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2016. № 408. С. 66–71.
3. Дмитриев С.С. Источниковедение русской исторической журналистики (постановка темы и проблематика) // Источниковедение отечественной истории: сборник статей 1975. М.: Наука, 1976. С. 272–305.
4. Киселев А.П. История оформления русской газеты (1702–1917 гг.). М., 1990. С. 23.
5. Н.В. Гоголь. Материалы и исследования. Т. I. М. – Л, 1936. С. 162.
6. Никитин С.А. Источниковедение истории СССР. XIX век. М.: ОГИЗ, 1940. 228 с.
7. Писарев Д.И. Сочинения в четырех томах. Т. I. М., 1955. С. 97.

References

1. Bestuzhev-Rjumin K. Russian history. I. St.-Petersburg, 1872. P. 119.
2. Grik N.A. Advertisements in Tomsk regional newspaper “Red flag” in 1921–1925 and restoring of market relationships // Bulletin of Tomsk state university. 2016. № 408. P. 66–71.
3. Dmitriev S.S. Source studies of Russian historical journalism (choice of the subject and problems) // Source studies of national history: collection of articles. M., 1976. P. 272–305.
4. Kiselev A.P. Russian newspaper: the history of design (1702–1917). M., 1990. P. 23.
5. N.V. Gogol. Materials and studies. Vol. I. Moscow – Leningrad, 1936. P. 162.
6. Nikitin S.A. Source studies of the history of the USSR. The 19th century. M., 1940. 228 p.
7. Pisarev D.I. Compositions in four volumes. Vol. I. M., 1955. P. 97.

ЯЗЫК СМИ LANGUAGE OF MASS MEDIA

УДК 811. ББК 810. А98.

*Московский государственный областной
университет,
аспирант кафедры английской филологии
Алексеев А.Б.
Россия, г. Москва, 8-9636414696
e-mail: neuausstatten@mail.ru*

*Moscow Region State University
The department of English Philology
Post-graduate Student
Alexeyev A.B.
Russia, Moscow, 8-9636414696
e-mail: neuausstatten@mail.ru*

А.Б. Алексеев

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В «МАГИЧЕСКОМ», МАНИПУЛЯТИВНОМ И МИФОЛОГИЧЕСКОМ РАКУРСЕ РАССМОТРЕНИЯ

В статье научному анализу подвергается политический дискурс в некоторых важных аспектах его функционирования: «магическом», манипулятивном, мифологическом. Показано, что магическая функция языка имеет принципиальное значение для политиков, поскольку им необходимо не только наиболее полно воплотить регулятивный потенциал своих речей, направив действия адресата, но и вселить в него веру перед изреченным Словом. Магия языка проявляется в использовании эвфемизмов, табу, имен собственных, многочисленных повторах и выдвигении смысловых доминант дискурса. При этом политики часто прибегают к манипуляции – мощному средству воздействия на аудиторию. Предполагается, что манипуляцию нельзя рассматривать исключительно в негативном свете, поскольку человеческая коммуникация, особенно в рамках политической борьбы за власть, является по определению манипулятивной. Другой способ повлиять на решение избирателя – создать, сконструировать, возродить политический миф. В качестве примера реализации данной стратегии рассмотрен миф о заговоре политических элит и представителей масс-медиа. В результате проведенного исследования сделан вывод, что магическая функция языка имеет принципиальное значение для политических речей, – к ней прибегают и манипуляторы, и политики, стремящиеся создать мифическое представление действительности. Последние также активно используют манипуляцию, но вместе с тем политический миф нельзя свести исключительно к манипулятивному воздействию. Для успешного внедрения в массовое сознание мифических репрезентаций реального мира политику необходимо действовать в широком контексте всего дискурса: должна быть выдвинута привлекательная идея и повторена в многочисленных речах.

Ключевые слова: политический дискурс, магия, магическая функция языка, политический миф, манипуляция, политическая деконструкция.

A.B. Alexeyev

THE POLITICAL DISCOURSE IN THE MAGICAL, MANIPULATIVE AND MYTHOLOGICAL ANGLE OF REVIEW

The article presents a scientific analysis of the political discourse in some basic aspects of its functioning: 'magical', manipulative, mythological. It is shown that the magical function of language has the foremost importance for politicians since they need not only to tap into the regulative potential of their speeches and direct the

actions of the voter but also to instill in him the belief in the spoken Word. The magic function of the language manifests itself in the use of euphemisms, taboos, proper names and numerous repetitions. In doing so, politicians often resort to manipulation which is a powerful means of affecting the audience. It is supposed that manipulation cannot be understood in the exclusively negative terms since the human communication in particular in the field of politics with its struggle for power is manipulative by definition. Apart from manipulation, another method of influencing the voter's decision is to create, to construct or to renew a political myth. As an example of realization of this strategy the myth about conspiracy of the political elites and the representatives of mass-media is considered. However, the politicians who try to construct political myths do something more than just manipulate the audience. Above all, they need to act in the broad context of the whole discourse. An attractive idea should be advanced and repeated in a number of speeches before it is accepted by the voters.

Key words: political discourse, magic, magical function of the language, political myth, manipulation, political deconstruction.

Магия возникла очень давно, возможно, с появлением человека как представителя рода *homo sapiens*. В первобытных обществах она играла важнейшую роль, но стоит полагать, что и в современном мире магические элементы воздействия не утратили своего значения. Будучи непосредственно связаны с языковым, «мягким» влиянием на психику человека, они оказывают завораживающий, обольщающий, манипулятивный эффект. Именно поэтому лингвисты говорят о магической функции языка, рассматривая ее как разновидность регулятивной функции.

По свидетельству А.А. Филинского, в политическом дискурсе магии уделяется особое внимание [3; с. 30–32]. Политику необходимо «очаровать» избирателя, вселить в него иррациональную веру, надежду, любовь. Но порой для политического успеха надо нагнетать не менее иррациональные негативные чувства – страх, раздражение, ненависть.

Исследователь описывает некоторые аспекты реализации и актуализации магической языковой функции. Во-первых, автор отмечает, что в тоталитарных дискурсах наблюдается феномен сверхъестественного адресанта, уподобляемого Богу. Будь то президент, вождь, фюрер или дуче, человек, стоящий у власти в тоталитарных (авторитарных) обществах «является недоступным с точки зрения получения контакта» [3; с. 31]. Он часто выступает в роли тотема, т.е. объекта поклонения, с которым человеку недозволено вести диалог.

Впрочем, даже в коммуникации, базирующейся на принципах равноправия и свободы, авторитет участников общения может придавать их словам особый, «магический» смысл. Следовательно, мы переходим ко второму пункту: слова в политическом дискурсе могут наделяться «магическим» статусом, что особенно проявляется на уровне функционирования табу и эвфемизмов [3; с. 31], а также особых обозначений и имен собственных.

Интересное наблюдение в этой связи делает американский историк У. Ширер: «[в]озможно, ничего особенно в имени нет, но я слышал, как немцы раздумывали над тем, мог ли Гитлер стать во главе Германии, если бы он был известен миру как Шикльгрубер. ... Можно ли себе представить, как «заведенные» массы приветствуют Шикльгрубера громовыми “Heils”? Не только “Heil Hitler!” использовалось как вагнеровский, языческий выкрик ... в мистических пышных ритуалах многолюдных нацистских митингов, но эта фраза стала обязательным приветствием между немцами ... даже во время разговора по телефону... ‘Heil Schicklgruber!’? Трудно себе представить» [7; р. 7].

Как свидетельствует В.Е. Чернявская, тоталитарные правительства целенаправленно подменяют одни слова другими: в фашистской Германии, массовые казни

(*Massenhinrichtungen*) назывались «особыми действиями» (*Sonderaktionen*) или «особым обращением» (*Sonderbehandlung*), а немецких погибших в бою солдат, по наставлению И. Геббельса, именовали *ermorderte* (убитыми), вместо *gefallene* (павшие). Даже многие немецкие пословицы и поговорки как (*Hunger ist der beste Koch, Arbeit macht frei*) были взяты властями на вооружение и получили человеконенавистническую интерпретацию [4; с. 136].

Конечно, табу и эвфемизмы используются и вне политического дискурса, но политики имеют тенденцию наделять их специфическим смыслом. В конце XX в., например, возникла даже идеология политкорректности, суть которой сводится к следующему: определенные наименования недопустимы (табу), – их необходимо изъять и заменить на более приемлемые (эвфемизмы). В основу такого, на первый взгляд, трезвого, рационального рассуждения закладывается вера в то, что слова обладают особой, магической силой.

И табу, и эвфемизмы могут использоваться с целью манипулирования и установления контроля над сознанием аудитории [3; с. 31]. Дело в том, что в языке и посредством него конструируется реальность, часто альтернативная, параллельная той, что существует в действительности. Манипулятор пользуется возможностью подменить один мир на другой, – с помощью мифов, с помощью инсинуаций, проверенных и хорошо отработанных технологий он достигает поставленной задачи, – создает правдоподобные иллюзии, миражи.

Табуируются не только слова, но и отдельные темы. Так, в Германии в связи с прошлым страны наложено вето на обсуждение проблем антисемитизма [8]. Причем табу очерчивают границы самой мысли человека [8], устанавливая область дозволенного. Однако думается, что замалчивание насущных, жизненно важных вопросов не способствует их решению. Осознание этого привело к неприятию политической корректности отдельными людьми, в том числе даже лингвистами.

С другой стороны, утверждать, что слова не играют в процессе социальных трансформаций никакой роли, было бы ошибкой. Напротив, язык во многом обуславливает происходящие изменения, что отражается в его креативной функции [3; с. 32], по сути, разновидности магической. И в этом смысле обыкновенный манипулятор выполняет нечто большее, чем просто преследует свои (корыстные) интересы: в случае успеха манипулятивных действий, пересмотру может быть подвергнут социальный порядок, могут быть изменены правила и нормы институциональной коммуникации, – как в позитивном, так и негативном плане.

Политическая деконструкция в современном мире возможна, в первую очередь, посредством языка. Как отмечает немецкий журналист А. Схруф, «Силовой захват частей государственной власти более не является необходимым условием революционного переворота ... Вместо захвата зданий правительства, захватываются понятия, которые определяют государственный порядок, наши права и обязанности...» [9; с. 26]. Исследователь резко негативно относится к происходящим изменениям, так как «неореволюционеры» подчиняют своим интересам основной продукт свободного общества – политическую информацию [9], т.е. при внимательном анализе они предстают в лице манипуляторов, стремящихся к авторитарной власти.

Социальные нормы, внести коррективы в область которых – одна из главных целей оппозиционных политиков, опосредованы идеологическими допущениями. Именно официальная идеология устанавливает привычные, всем известные модели по-

ведения и говорения, и отклонение от них не одобряется. Однако идеологии в принципе подвижны, они не только могут исчезать и возникать, но и трансформироваться, видоизменяться.

В любой идеологии существует «магическое ядро», представленное не только уже упомянутыми элементами – эвфемизмами, табу, специфическими понятийными обозначениями, – но и мифическими образованиями, или мифологемами. Абсолютизация этого положения приводит к признанию, что «политические платформы, по сути, представляют собой миф» [1; с. 86].

Термин политический (социальный) миф возник в начале XX в., – он был употреблен французским философом Ж. Сорелем, но как метафора использовался и ранее. Тем не менее, несмотря на более чем вековую традицию функционирования термина в области социальных наук, единого представления о том, что следует считать мифом, нет. Нет и общего понимания, как, в сущности, происходит становление политического мифа, и кто играет решающую роль в этом процессе.

Существует точка зрения, что политические мифы возникают стихийно, без чье-либо постороннего вмешательства. Мы придерживаемся несколько иной позиции: признавая, что социальные мифы представляют собой массовый тип мышления, мы одновременно отметим: они могут вполне сознательно конструироваться политическими элитами и распространяться посредством СМИ.

Такую интерпретацию феномену мифа дает, в частности, профессор А.Л. Топорков, перечисляя некоторые различия между традиционной мифологией и политической. Важное отличие между двумя явлениями, по его мнению, заключается в следующем: традиционные мифы генерируются в обществе и передаются из уст в уста, из поколения в поколение. Политические мифы – это продукт масс-медийного воздействия на умы и сердца людей [3].

Политический миф может быть удобным средством политической деконструкции, или контргегемоном (counter-hegemony) официальной идеологии [10; p. 7]. Именно в этом контексте мы хотели бы обратиться к американскому политическому дискурсу и проследить, как магические, манипулятивные и мифологические дискурсивные образования использовались, вероятно, одним из самых ярких и непредсказуемых оппозиционных политиков – бизнесменом Д. Трампом.

Невероятный успех строительного магната, не имевшего существенного политического опыта и поэтому в глазах ряда избирателей – никаких шансов на победу, позволяет говорить о том, что, с одной стороны, манипулятивные приемы несут значительную угрозу свободному обществу, а с другой – могут быть эффективным способом политической деконструкции и завоевания доверия избирателей.

Манипуляцию, как правило, рассматривают исключительно в негативном свете. На наш взгляд, такая трактовка не отражает всех оттенков этого, признаем, довольно неприятного явления. Когда ученые осуждают манипулятивное воздействие, они часто предполагают, что без него можно обойтись, что это нечто вредное, незаконное, неэтичное, – одним словом, недопустимое. С этим можно согласиться лишь отчасти.

Манипуляция в политическом, рекламном и других видах дискурса – это мощное оружие, и противостояние от него еще не разработано: тот факт, что политики-манипуляторы одерживают решительные победы – наглядная демонстрация такого во многом неутешительного положения дел. Конечно, лингвисты и представители других социальных наук «бьют тревогу», выполняют важную задачу информирования населе-

ния, – и надо продолжать двигаться в этом направлении. «Осознание – первый шаг к освобождению», – начертано на знамени критической лингвистики [5; р. 1].

И все же сложность заключается в том, что каждый из нас, хотим мы того или нет, – манипулятор [6; с. 96–97]. Разумеется, в большей или меньшей степени. Правда, признаются в своей склонности к манипуляции лишь единицы. Возникает вопрос: как можем мы выявить манипуляцию в речи других людей, если в своей собственной – мы ее не замечаем, наотрез отказываемся замечать? Принцип «в чужом глазу соринку видим...» в случае с манипуляцией не срабатывает!

Возможно, причина кроется в том, что человек склонен воспринимать действительность поверхностно и некритически. А возможно, манипуляция просто неотъемлема от речевой деятельности и «изъять» ее, вопреки всем стараниям, не получится. Как бы то ни было на данном этапе существования политического дискурса можно смело утверждать, что манипуляторы, обращаясь к магии слова и структуре мифа, умело воплощают в жизнь свои таланты. Изучение дискурса Д. Трампа – несомненно, незаурядного оппозиционного деятеля, – в этом отношении представляет особый интерес.

Начал свою политическую карьеру не безвестный Америке миллиардер с довольно необычного шага – он подверг сомнению легитимность президентства Б. Обамы на основании того факта, что тот якобы родился за пределами США. Был создан первый миф, который вскоре будет развенчан (Б. Обама предоставит свидетельство о рождении), но, думается, свои цели эпатажный бизнесмен достиг – привлек к себе внимание, сплотил вокруг себя недовольных и радикально настроенных людей, в том числе разделяющих расистские предубеждения.

Решил ли уже тогда Д. Трамп, что он будет баллотироваться на пост президента? Был ли это хорошо продуманный провокативный ход опытного игрока, умеющего производить яркий эффект на аудиторию? Возможно. В любом случае, мысли о политической карьере неоднократно посещали Д. Трампа: слухи о том, что он думает избираться, ходили в Америке еще в 80-е гг.

Перенесемся теперь непосредственно к событиям предвыборной кампании 2015–2016 гг. Д. Трамп отказался обвинять Б. Обаму в незаконном президентстве, но свои теории и более важно – методы политической борьбы – он не забыл.

Январь 2016 г. Уже ведущий на тот момент кандидат на номинацию от Республиканской Партии выдвигает смелое предположение: его главный противник Т. Круз не может участвовать в выборах, поскольку родился в Канаде! Попытка создать очередной миф? Манипуляция? Провокация?

Конечно, в юридические подробности Д. Трамп не вдавался: его не столько интересовало, может ли его противник в соответствии с американскими законами быть главой государства или нет, – главное было дискредитировать оппонента любым способом. Впрочем, мифа (даже кратковременного) не получилось: Т. Круз как профессиональный юрист умело развеял все сомнения [6th per. deb.].

По нашим наблюдениям, принцип манипулятивных действий Д. Трампа был таков: вначале выдвижение абсурдного, порой вопиющего в своей несуразности тезиса и неоднократное его повторение (апелляция к магической функции языка!) на митингах, выступлениях перед сторонниками, в интервью с представителями масс-медиа, твиттере и т.п. Так возникли, в сущности, все диффамирующие ярлыки типа «маленький Марко», «лгущий Тед», «неэнергичный Буш», «жуликоватая Хиллари».

Но на протяжении политической кампании бизнесмен делал еще более шокирующие высказывания: например, он предположил, что отец Т. Круза мог быть замешан в убийстве Дж. Кеннеди! В интервью телеканалу Fox News бизнесмен заявил:

His father was with Lee Harvey Oswald prior to Oswald's being – you know, shot. I mean, the whole thing is ridiculous. What is this, right prior to his being shot, and nobody even brings it up. They don't even talk about that. That was reported, and nobody talks about it. I mean, what was he doing – what was he doing with Lee Harvey Oswald shortly before the death? Before the shooting? It's horrible [<https://www.politico.com/blogs/2016-gop-primary-live-updates-and-results/2016/05/trump-ted-cruz-father-222730>].

Такого рода выпады в сторону оппонента являются, конечно, манипуляцией. Говорящий, не имея никаких доказательств, будучи абсолютно неосведомленным о фактах, «цепляется» за сплетни, слухи, единичные фрагменты и пытается домыслить все остальное, выстроить целостную картину, которая соответствует его (корыстным) мотивам.

Преимущества, которые манипулятор получает в данном случае, связаны не столько с дискредитацией конкурента, но тем, что «разгорается» скандал, а значит имя манипулятора – во всех новостных программах, во всех газетах и т.п. Это уже генерирует, по крайней мере, любопытство избирателя, а иногда – и неподдельный интерес. Политик выступает в роли актера или, лучше, шоумена – он развлекает публику: вряд ли кто из американцев действительно серьезно поверил, что отец Т. Круза убил Дж. Кеннеди, но было чрезвычайно увлекательно следить за разворотом событий – реакцией Т. Круза, его отца, семьи, обвинениями Д. Трампа и т.д. Причем агрессор, если он умело выстраивает свое речевое поведение, приобретает в глазах аудитории порой неотразимый шарм.

Однако подобные реплики редко могут стать материалом для политического мифа, – они слишком далеки от реальности. Политический миф нельзя воспринимать в качестве сказки, – миф функционирует в непосредственной связи с происходящими (происходившими) событиями, представляя людям *правдоподобную* версию окружающей действительности, версию, которые они готовы и *хотят* принять. Сделать это можно, обратившись к стереотипным представлениям общества, актуализировав некоторые предрассудки, заблуждения, предубеждения и т.п.

Д. Трамп, например, сосредоточился на «бесчестности» политиков и журналистов – идея, которая в очень расплывчатом виде близка многим: винить политиков за экономические и другие проблемы весьма заманчиво, винить прессу в искажении информации тоже не ново. Бизнесмен в скором времени создал альтернативную картину происходящего, отразившейся в мифе о заговоре. Его суть в следующем: политические элиты «играют не по правилам», делают все возможное, чтобы прийти к власти, превращают выборы в заранее инсценированный спектакль.

Миф о заговоре сопровождался массивной кампанией по дискредитации (диффамации) политиков и представителей СМИ. Первых бизнесмен обвинял в коррумпированности, продажности (*when you give, they do whatever the hell you want them to do*), некомпетентности (*We have people in Washington that don't know what they're doing*) и бездеятельности (*all talk, no action*), вторых – в бесчестности, пристрастности и жульничестве.

Мифологические идеи, как магические заклинания, повторялась Д. Трампом из митинга в митинг:

But when we say – look at all those hats, right? – “Make America Great Again.” When we say that – you know somebody, a reporter – by the way the world’s most dishonest people are back there. Look at all the cameras going. Look at all those cameras. It’s unbelievable. They are dishonest. Most of them. Not all of them. But most of them. [<http://www.breitbart.com/video/2016/04/22/trump-media-are-the-worlds-most-dishonest-people>]

Кандидат, добившийся выдвижения от республиканской партии, утверждал: политики, медиа, специальные группы интересов и благотворительные организации действуют заодно:

The media, the special interest, Wall Street, the career politicians, the system is rigged. I’ve been saying it for a long time ... but with you help we’re going to beat the system... [<https://www.youtube.com/watch?v=x0kTJGEhRyU>].

Они выступали, по убеждению бизнесмена, не только против него: они же украли победу у Б. Сандерса. Кстати, Д. Трамп начал говорить об этом еще до того, как сенатор выбыл из праймериз: *Every time I turn on your show, Bernie wins, Bernie wins, Bernie wins and yet Bernie is not winning...* [<https://www.youtube.com/watch?v=Dtarr2ru9uU>] Тем самым, ожидая поражения Б. Сандерса, Д. Трамп протягивал руку его сторонникам, уязвленным исходом голосования.

Политики собирались якобы с помощью махинаций «вышибить» и Д. Трампа, договорились даже распределить его голоса между собой, и единственный способ противостоять им был отправить их в нокаут:

... it’s a rigged system but I said, you know, let it be rigged. I talk about the boxers. I have a boxer, he’s fantastic guy, sort of a friend of mine, he’s a world champion and he goes into a very unfriendly territory. I said: what are you doing? If you have a good match, you’d go into the blues, you’d gonna lose the decision with bad judges. He said, Mr. Trump, the only way I have to knock this guy out, I have to knock him on the ass. And he did! And he picked up a big paycheck. So what we are doing we are going to win on the first ballot, we only care about the first ballot [<https://www.youtube.com/watch?v=PumrY9VnYZk>].

Миф о заговоре, на наш взгляд, заслуживает более подробного и отдельного рассмотрения. Цель же настоящей статьи была продемонстрировать то, что в функциональном плане политический дискурс есть воплощение трех, часто взаимосвязанных, способов воздействия – магического, манипулятивного, мифологического.

«Магический» компонент политического дискурса наиболее базовый: и манипулятор, и мифотворец прибегают к магии слова, его обольстительной силе, но действуя довольно схожим образом, они, тем не менее, не являются зеркальным подобием друг друга.

Отличие манипуляции от конструирования политического мифа заключается, по видимому, в том, что манипулятор не производит каких-либо глобальных идей: пытаясь привлечь внимание аудитории, внушить ей определенные смыслы и интерпретации реального мира, он остается в рамках узкого контекста. Расширение этого контекста, выдвижение некоторой тематической доминанты дискурса, может послужить основой формирования политического мифа. Главное заключается в том, чтобы высказанные мысли были близки и доступны избирателю, чтобы он мог их принять на веру, – хотел бы принять их, – чтобы они укладывались в его картину мира.

Библиографический список

1. Рязанова С.В. Политическая мифология в России и мире // *Общественные науки и современность*. 2011. № 1. С. 86–96.
2. Топорков Л.А. Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика [Электронный ресурс] <http://www.ruthenia.ru/folklore/toporkov1.htm> (дата обращения: 12.01.2017)
3. Филинский А.А. Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999–2000 гг.: дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2002. 163 с.
4. Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. Учебное пособие. М.: Флинта : Наука, 2013. 209 с.
5. Fairclough N. *Language and power*. Longman Group, 1989. 259 p.
6. Mackensen L. *Verführung durch Sprache*, List Verlag, München, 1973. 327 p.
7. Shirer W. L. *The rise and fall of the Third Reich* <http://www.cristoraul.com/ENGLISH/readinghall/PDF-Modern-History/Shirer-TheRiseAndFallOfTheThirdReich.pdf> (23.12. 2016)
8. Schröder Hartmut, Mildenerger Florian. *Tabu, Tabuvorwurf und Tabubruch im politischen Diskurs* <http://www.bpb.de/apuz/75862/tabu-tabuvorwurf-und-tabubruch-im-politischen-diskurs?p=all> (23.12. 2016)
9. Shrouf A. *Sprachwandel als Ausdruck politischen Wandels: am Beispiel des Wortschatzes in Bundestagsdebatten 1949–1998*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2006, 349 p.
10. Torfing J. (2005). *Discourse theory: achievements, arguments and challenges*. In: *Discourse Theory in European politics. Identity, Policy and Governance*. Howarth D & J. Torfing (eds). Palgrave Macmillan. P. 1–31.

References

1. Ryazanova S.V. *The political mythology in Russia and in the world / The social sciences and the modernity*. 2011. № 1. P. 86–96.
2. Toporkov L.A. *Folklore and post-folklore: structure, typology, semiotics*. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/toporkov1.htm>
3. Philinsky A.A. *The critical analysis of the political discourse of the election campaigns of 1999–2000: dissertation of the candidate of the philology* 10.02.19. 163 p.
4. Tschernyavskaya V.E. *The linguistics of text. The linguistics of discourse. A textbook*. М.: Flinta : Nauka, 2013. 209 p.
5. Fairclough N. *Language and power*. Longman Group, 1989. 259 p.
6. Mackensen L. *Verführung durch Sprache*, List Verlag, München, 1973. 327 p.
7. Shirer W. L. *The rise and fall of the Third Reich* <http://www.cristoraul.com/ENGLISH/readinghall/PDF-Modern-History/Shirer-TheRiseAndFallOfTheThirdReich.pdf> (23.12. 2016)
8. Schröder Hartmut, Mildenerger Florian. *Tabu, Tabuvorwurf und Tabubruch im politischen Diskurs* <http://www.bpb.de/apuz/75862/tabu-tabuvorwurf-und-tabubruch-im-politischen-diskurs?p=all> (23.12. 2016)
9. Shrouf A. *Sprachwandel als Ausdruck politischen Wandels: am Beispiel des Wortschatzes in Bundestagsdebatten 1949–1998*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2006. 349 p.
10. Torfing J. (2005). *Discourse theory: achievements, arguments and challenges*. In: *Discourse Theory in European politics. Identity, Policy and Governance*. Howarth D & J. Torfing (eds). Palgrave Macmillan. P. 1–31.

УДК 81`27

*ГОУ ВПО «Донецкий национальный техни-
ческий университет»*

доцент кафедры русского языка

Юрьева Е.В.

г. Донецк, +380661436745

e-mail: uriev79@mail.ru

Donetsk National Technical University

Department of Russian language

associate professor

Yureva E.V.

Donetsk, +380661436745

e-mail: uriev79@mail.ru

*студентка инженерно-экономического
факультета, гр. УА-15*

Гринченко А.И.

г. Донецк

e-mail: grinchenko.anya@mail.ru

*Student of the Faculty of Engineering and
Economics, gr. UA-15*

Grinchenko A. I.

Donetsk

e-mail: grinchenko.anya@mail.ru

Е.В. Юрьева, А.И. Гринченко

ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОБЩЕНИЯ

Данная статья посвящена изучению проблем межкультурной коммуникации, которая понимается как общение носителей разных культур. В статье исследованы особенности общения людей с различным менталитетом. Рассмотрены возможные конфликтные коммуникативные ситуации, возникающие на фоне различий в воспитании, поведении, мировоззрении и т.д. В отечественном языкознании идеи межкультурной коммуникации начали формироваться в середине 90-х годов прошлого столетия, когда ученые пришли к выводу, что для установления межкультурных контактов необходимым условием является не только хорошее знание иностранного языка, но и знание культурологических особенностей страны, с представителями которой предстоит общаться. Кросскультурные исследования продолжают быть актуальными. Они проводятся в рамках этнопсихологии и вносят весомый вклад в осмысление закономерностей и особенностей общения. Следует отметить, что этот вопрос волновал и волнует как зарубежных, так и отечественных исследователей, таких как В. Гадикунт, А. В. Кукарцев, Г. У. Солдатова, С. Г. Тер-Минасова, С. Тинг-Туми, В. Ю. Хотинец, Э. Чуа, опирающихся в своих работах на философское наследие прошлого. Над проблемами национального характера и менталитета рассуждали такие философы, как Х. Дюйкер, И. Кант, Девид Юм и многие другие. Цель данной работы – изучение наиболее важных проблем межкультурной коммуникации. Среди наиболее важных проблем межкультурной коммуникации в статье выделены следующие: наличие национальных стереотипов, негативное воздействие этноцентризма, отсутствие толерантного отношения в адрес определенных групп людей, различия в религиозных убеждениях и политических предпочтениях.

Ключевые слова: менталитет, общение, конфликтность, межкультурная коммуникация, этнопсихологический аспект.

E.V. Yureva, A.I. Grinchenko

ETHNOPSYCHOLOGICAL ASPECT OF COMMUNICATION

The aim of the work is to study the most important problems of intercultural communication. The authors explore the features of communication between people with different mentality. Possible conflictual communicative situations which arise on the basis of differences in upbringing, behavior, outlook, etc. are considered in the article. In the domestic linguistics, the ideas of intercultural communication began to form in the mid-nineties of

the last century, when scientists came to the conclusion that for the establishment of intercultural contacts, a necessary condition is not only a good knowledge of a foreign language, but also a knowledge of the cultural features of another country. Cross-cultural research is actual for study today. They are conducted in the framework of ethnopsychology and make a weighty contribution to understanding the characteristics of communication. It should be noted that this issue worried such researchers as V. Gadikunst, A. V. Kukartsev, G. U. Soldatova, S. G. Ter-Minasova, S. Thing-Toumi, B. U. Khotinets, E. Chua, which based their works on the philosophical heritage of the past. The problems of national character and mentality were discussed by such philosophers as H. Duiker, I. Kant, David Hume and many others. The purpose of this work is to study the most important problems of intercultural communication. Among the most important problems of intercultural communication: the existence of national stereotypes, the negative impact of ethnocentrism, the lack of tolerance towards certain groups of people, differences in religious beliefs and political preferences.

Key words: mentality, communication, conflictedness, intercultural communication, ethnopsychological aspect.

Основные понятия, которые используются в кросскультурных исследованиях, «менталитет», «межкультурная коммуникация», «этнопсихологический аспект», «этноцентризм».

Менталитет – это совокупность стереотипов мировосприятия, мышления, деятельности и поведения, как отдельных личностей, так и различных общностей людей, которые основываются на системе ценностей, проявляющихся в культуре, определяющихся природно-географическими и историко-генетическими факторами развития [3; с. 190]. Другими словами, это то, что побуждает нас вести себя определенным образом.

Мы живем в век инновационных технологий и активного межгосударственного общения. Ежедневно через средства массовой информации мы узнаем о жизни людей в тех или иных странах. Некоторые поступки и фрагменты речи политических и общественных деятелей других государств остаются нам непонятными. Это связано с тем, что политические, исторические и даже географические аспекты формирования менталитета в различных государствах абсолютно отличаются друг от друга.

Этнопсихологические особенности проявляются в различных видах профессиональной деятельности, различных сферах жизни, в искусстве и особенно ярко в процессе общения [5; с. 4].

Актуальность данной статьи обусловлена необходимостью изучения психологии общения между представителями разных стран.

Каждый человек уникален и неповторим, что является барьером для полного понимания его действий окружающими, безусловно, уникален и каждый народ. Изучение психологии общения, дипломатии, социолингвистики, этнолингвистики и конфликтологии позволяет сглаживать так называемые острые углы в общении.

Общение людей из разных стран, несомненно, сближает их жителей, что благотворно влияет на дружбу между народами. Изучение правил межкультурной коммуникации позволит в процессе беседы не обидеть адресата.

Среди наиболее важных проблем межкультурной коммуникации следует выделить следующие: наличие национальных стереотипов, негативное воздействие этноцентризма, отсутствие толерантного отношения к определенным группам людей, различия в религиозных убеждениях и политических предпочтениях.

Основной проблемой межкультурного общения, на наш взгляд, является наличие национальных стереотипов (устойчивых представлений об особенностях людей, проживающих в другой стране). Стереотипы могут быть как положительными, так и отрицательными. Причиной формирования негативного отношения к представителям другой культуры является недостаток информации. «Неправильные суждения» представи-

телей других государств о национальных обычаях, традициях, культуре, религиозных убеждениях и политических предпочтениях наиболее болезненно воспринимаются большинством жителей того или иного социума. Для того чтобы стереотипы и предрассудки не разрушали процесс общения участников разных этносов, необходимо воспитывать уважительное отношение к представителям другой нации. Так, например, социальная реклама не политических и не коммерческих организаций противостоит расовым предрассудкам. Социальная реклама со слоганом «*Je suis Musulmane. Je suis Française*» или «*I am Muslim. I am American*», «*I am Muslim. I am British*», «*Ich bin Muslimin. Ich bin Deutsche*» (<http://www.adeevee.com/2016/06/passop-american-deutsche-francaise-south-african-english-print/>) (пер.: «Я мусульманка. Я француженка», «Я мусульманка. Я Американка», «Я мусульманка. Я британка», «Я мусульманка. Я немка»), ломает стереотип – мусульмане несут угрозу (не только иммигранты, но и те, кто на самом деле являются гражданами Британии, Германии, Франции и США), а также выступает против нарушения прав человека, поддерживает справедливость и равенство всех людей.

Опираясь исключительно на созданные в процессе эволюционного развития страны стереотипы, адресант может не просто обидеть или задеть собеседника, а достаточно сильно оскорбить его и подвергнуть себя опасности.

Вторая проблема – негативное влияние этноцентризма.

Понятие «этноцентризм» ввёл в 1906 году профессор политических и социальных наук Йельского университета Уильям Грем Самнер. Он определял этноцентризм как тенденцию рассматривать свое общество и его культуру в качестве образца и измерять все ценности исключительно в соотнесении с ним [2; с. 10–15]. Суть данного определения сводится к следующему: культура своего этноса для индивидуума – превыше всего, а другие культуры не являются равноценными.

Для того чтобы этноцентризм не разрушал процесса общения представителей разных этносов, необходимо формировать не только уважительное отношение к своей, но и другой нации [7]. Воспитать корректное, благожелательное, учтивое отношение к другому народу можно с помощью мер, направленных на знакомство с его культурой и языком.

Так, адресант слоганов социальной рекламы, манипулируя желаниями молодых людей найти высокооплачиваемую работу, не попасть под сокращение, увидеть мир и др., раскрывает позитивные стороны изучения иностранного языка: «*Візьмуся за англійську пізніше. Одразу після звільнення за скороченням*» (пер.: «Возьмусь за английский позже. Сразу после сокращения»), «*Мені не потрібна англійська. Сергій, 35 років, водій маршрутного таксі*» (пер.: «Мне не нужен английский. Сергей, 35 лет, водитель маршрутного такси»), «*Я хочу see the world. Твої бажання здійсняться з англійською*» (пер.: «Я хочу увидеть мир. Твои желания исполнятся с английским») (<http://www.advertology.ru/article135325.htm>). Используя креативный подход (провокационные слоганы, которые могут стать темой для дискуссии), адресант популяризирует изучение английского языка.

Третьей по важности проблемой можно назвать отсутствие толерантного отношения в адрес определенных групп людей. О нетерпимости нации к иному поведению, мировоззрению, образу жизни и т. д. свидетельствует социальная реклама. Например, «*Оставайтесь людьми! ВИЧ не передается через дружбу!*» (<http://mypresentation.ru/documents/bbab1dd016bc673d7afe46e825ceb4a/img12.jpg>), «*Not*

the Russian standard» (<http://cs543104.vk.me/v543104343/26f92/11VxvSICmF0.jpg>) (пер.: «*Не русский стандарт*»). То, что в странах Европы кажется морально допустимым, в нашем менталитете, возможно, никогда не приживется. Вместе с тем для создания канала общения между различными нациями необходимо не забывать о толерантном отношении абсолютно к каждому человеку.

Четвертой проблемой или зоной конфликтности мы считаем различия в религиозных предпочтениях. Исторически сформировавшиеся предпочтения в вере являются достаточно острой темой не только в быту, но и в политической сфере и иногда выносятся на глобальный уровень. Важно научиться отделять духовную жизнь от социальной. Так, например, адресант слогана «*Пропустил пешехода – порадовал Будду, Мухаммеда, Иисуса и совесть. Если веришь в совесть*» (<http://jumorok.com/wp-content/uploads/2012/07/Reklamniy-otgig-007.jpeg>) апеллирует к общечеловеческим ценностям, которые не зависят от вероисповедания.

Эффективная межкультурная коммуникация не может возникнуть сама по себе, ей нужно целенаправленно учиться. Необходимость владения знаниями и навыками коммуникации диктуется практическими потребностями реальной жизни. Процессы глобализации, демократизации общественной жизни, открытость и доступность самых последних достижений мировой культуры позволяют огромному числу людей узнавать много нового о поведении и образе жизни других народов [6; с. 90–91].

Каждое мнение имеет право на существование, не бывает единственно правильной точки зрения, и следует научиться принимать каждую из них. Грамотно построенное общение основывается на обособленности собеседников от собственных интересов и предпочтений, а также на взаимоуважении. Только таким образом можно без конфликтов вести беседу.

Воспитать учтивое отношение к другой нации можно благодаря мероприятиям, направленным на знакомство с ее традициями и культурой. Межкультурная коммуникация – это не только наука, но и комплекс умений и навыков, которыми должны овладеть интерактанты. С развитием межкультурных связей широкую популярность приобрели кросскультурные исследования и тренинги. Отечественные и зарубежные лингвисты проявляют большой интерес к изучению причин межкультурных конфликтов и способов их нейтрализации.

Библиографический список

1. Вальцев С.В. Сущность, структура национальной психологии // Проблемы современной науки и образования. Издательство Олимп. Иваново. № 10. 2012. С. 16–21.
2. Кренска Н.К. вопросу о межкультурной коммуникации и культурных различиях при обучении иностранному языку // Русский и иностранный язык и методика их преподавания: Вестник Российского университета дружбы народов. М.: 2008. № 3. С. 10–15.
3. Пьянкова В.В., Кукарцев А.В. Особенности российского менталитета // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. Социально-экономические и гуманитарные науки. Издательство: Сибирский государственный аэрокосмический университет им. акад. М.Ф. Решетнева (Красноярск) Т. 2, № 8. 2012. С. 190–191.
4. Пашукова Т.И. Основные направления исследований общения в этнопсихологии // Вестник МГЛУ. 2010. № 586. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/osnovnyie-napravleniya-issledovaniy-obscheniya-v-etnopsihologii> (дата обращения: 11.10.2017).

5. Резников Е.Н. Психология этнического общения. М.: Институт психологии РАН, 2008. 160 с.

6. Савушкина Л.В. Межкультурная коммуникация как предмет исследования в современной системе образования // Мордовский государственный университет. 2012. № 4. С. 87-91. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/mezhkulturnaya-kommunikatsiya-kak-predmet-issledovaniya-v-sovremennoy-sisteme-obrazovaniya>

7. Сатарова Л.Х. Основные проблемы межкультурной коммуникации как фактор развития современного общества // Современные научные исследования и инновации. 2013. № 12 [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2013/12/29074> (дата обращения: 28.09.2017).

8. Стефаненко Т.Г., Шлягина Е.И., Ениколопов С.Н. Методы этнопсихологического исследования. Спецпрактикум по психологии. М.: Изд.-во Моск. ун-та, 1993. 80 с.

9. Юрьева Е.В. Манипуляция и условия эффективности дискурса социальной рекламы // Litera. 2016. № 3. С. 1–5. DOI: 10.7256/2409-8698.2016.3.19681. URL: http://e-notabene.ru/fil/article_19681.html

References

1. Valtsev S.V. The essence, structure of national psychology // Problems of modern science and education. Publishing house Olympus. Ivanovo. № 10. 2012. P. 16–21.

2. Krenska N.K. On the issue of intercultural communication and cultural differences in learning of foreign language // Russian and foreign language and methods of teaching: Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. М.: 2008. № 3. P. 10–15.

3. Pyankova V.V., Kukartsev A.V. Features of the Russian mentality // Actual problems of aviation and cosmonautics. Socio-economic and human sciences. Publisher: Reshetnev Siberian State Aerospace University (Krasnoyarsk) Т. 2. № 8. 2012. P. 190–191.

4. Pashukova T.I. The main directions of research in ethnopsychology // Bulletin of MSLU. 2010. № 586. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-napravleniya-issledovaniya-obscheniya-v-etnopsihologii>

5. Reznikov E.N. Psychology of ethnic communication. М.: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2008. 160 p.

6. Savushkina L.V. Intercultural communication as a subject of research in the modern education system // Mordovian State University. 2012. № 4. P. 87–91. [Electronic resource] Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/v/mezhkulturnaya-kommunikatsiya-kak-predmet-issledovaniya-v-sovremennoy-sisteme-obrazovaniya>

7. Satarova L.H. The main problems of intercultural communication as a factor in the development of modern society // Modern scientific research and innovations. 2013. № 12 [Electronic resource]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2013/12/29074>

8. Stefanenko T.G., Shlyagina E.I., Enikolopov S.N. Methods of ethnopsychological research. Special practice in psychology. М.: Publishing house of Moscow University, 1993. 80 p.

9. Yurieva E.V. Manipulation and conditions of the effectiveness of the social advertising discourse // Litera. 2016. № 3. P. 1–5. DOI: 10.7256/2409-8698.2016.3.19681. URL: http://e-notabene.ru/fil/article_19681.html

СОБЫТИЯ, ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ **EVENTS AND REVIEWS**

*Московский педагогический государствен-
ный университет*
аспирант
Чуйков П.Л.
Россия, г. Москва, 89096961916
e-mail: chuikovpav@yandex.ru

Moscow State Pedagogical University
graduate student
Chuykov P.L.
Russia, Moscow, 89096961916
e-mail: chuikovpav@yandex.ru

П.Л. Чуйков

О СБОРНИКЕ РАБОТ К.Г. КРАСУХИНА ПО ЭТИМОЛОГИИ И ТЕОРИИ КУЛЬТУРЫ

Монография К.Г. Красухина «*Philologica rarerga. Статьи по этимологии и теории культуры*» (М., 2015), вышедшая в издательстве «Языки славянской культуры», представляет собой сборник трудов, опубликованных автором с 1994 по 2015 год. Стоит заметить, что ученый около 30 лет занимается морфологией и синтаксисом индоевропейских языков (санскрит, древнегреческий, латынь и др.) в сравнительно-историческом и диахроническом аспекте. При этом исследователь подчеркивает, что, работая с древними индоевропейскими языками, лингвист не может пройти мимо этимологии: «...он всегда будет иметь в виду родственные связи своего родного языка с другими. Отмечая их, он задумается о механизме образования новых слов, о связях слов с понятиями» (с. 9). В итоге этимология неизбежно приводит ученых к нахождению первоначального смысла именованного, который ведет к вопросам о создании языковой картины мира, и слово оказывается связано с культурой.

В первой части монографии, «*Miscellanea*», автор реконструирует фрагменты древней истории и культуры индоевропейцев. Исследователь описывает индоевропейского человека, его представление о небе, специфические особенности индоевропейской поэтики.

Большой интерес представляет статья «Фактор адресата и выбор диалекта в древнегреческой словесности». По наблюдению ученого, изучение греческих диалектов тесно связано с проблемой жанров в греческой литературе: существует термин «гомеровский диалект», на особом диалекте написаны партии хора в драме. Мы обратили также внимание на работу «*Античность и современность*», в которой автор не только изучает античность как тип культуры, но и размышляет, насколько она актуальна сейчас. В монографии говорится о поэтике творчества древнегреческой поэтессы Эринны, жившей в IV веке до нашей эры.

В статьях «*Культура и цивилизация*» и «*Золотое правило этики: от Конфуция до*

Канта» уделено внимание общим вопросам философии и таким понятиям, как культура, цивилизация и этика. Здесь особо ценной, на наш взгляд, является работа «Не послушай ложна на друга своего», в которой осмысливаются ложь и клятва с точки зрения Евангельской этики.

Большой раздел «Personalia» посвящен отечественным лингвистам: Б.А. Серебренникову, Фердинанду де Соссюру, Ф.Ф. Фортунатову, О.С. Широкову, Ю.С. Степанову, В.К. Журавлеву и Э.А. Макаеву. Автор не только перечисляет их наиболее важные труды, но и дает им оценку. Очерки содержат обширный материал и отсылки к библиографическим данным, что позволяет исследователю сделать ряд интересных выводов.

Так, говоря о Б.А. Серебренникове, ученый отмечает, насколько сложно выделить компаративистскую составляющую в его работах: «...он всегда старался рассмотреть язык со всех сторон: и как теоретик, и как философ языка, и как исследователь вполне конкретных языков. Всю свою безбрежную эрудицию и дар полиглота он направил на разрешение сверхзадачи: понять, по каким законам существует и развивается человеческий язык, какие механизмы в нем действуют» (с. 264).

По мнению автора, научная школа О.С. Широкова не укладывается в рамки традиционных школ, поэтому К.Г. Красухин справедливо называет свою статью о ней «Не попавшая в струю». Исследователь передает личные впечатления от лекций О.С. Широкова в МГУ, где он читал введение в языкознание, историю греческого языка, санскрит, хеттский язык, введение в индоевропейское, балканское языкознание и другие курсы. Учебник О.С. Широкова «Языковедение: Введение в науку о языках» (М., 2003), где широко рассмотрены вопросы фонетики, фонологии, морфологии, синтаксиса и лексики, К.Г. Красухин именует Книгой жизни для ее автора. Описывая творческую биографию своего учителя, К.Г. Красухин отмечает, что в последние годы жизни О.С. Широков высказал также ряд интересных мыслей по вопросам философии и культурологии: «...о соотношении античной триады и христианской троицы, о развитии атомистической философии в Древней Греции. В частности, учение о троице, каждый член которой единосущен, но не тождествен другому, подготовлено всем развитием античной диалектики. А величайшее открытие греческих философов - мельчайшие и неделимые далее частицы-атомы - было им подсказано структурой греческого алфавита. Это первое в истории человечества последовательно фонематическое письмо делит значимую речь на неделимые далее незначимые элементы – буквы» (с. 316).

Ю.С. Степанова автор характеризует как выдающегося исследователя концептуальной сферы языка: концепты изучались Степановым от их этимологии до реализации в языке, литературе, искусстве и естественных науках.

Вторая часть монографии, «Откуда есть пошло слово», представляет собой переработанный вариант вышедшей в 2006 году книги. Автор пишет о действии фонетического закона, являющегося, по его мнению, краеугольным камнем этимологии: «...в славянских языках действовал фонетический закон первой палатализации: перед гласными [e], [и] согласный [к] превращался в [ч]. Этот закон давно прекратил свое действие <...>, но оставил после себя в русском языке чередование к-ч, г-ж и много слов, преобразованных в соответствии с ним. <...> фонетический закон, пока действует, не

знает исключения. Но само его существование ограничено во времени, и поэтому в языке появляются слова, противоречащие старому фонетическому закону» (с. 358).

Задачей ученого стало изучение на широком историко-культурном фоне происхождения слов, которые обозначают важные понятия жизни и культуры человека: Бог, бытие, время, правда, мир, добро и зло, славяне, Русь, победа и т.д. Рассматривая значение слова *бытьё*, как один из вариантов философского термина *бытие*, исследователь пишет: «В старину оно означало “образ жизни, быт” и дошло до нас в устойчивом шутовском сочетании *житьё-бытьё*. А во времена Пушкина оно имело именно названный нами смысл: “К *бытью цыганскому привык*”. Примерно такой же смысл имеют и другие однокоренные слова: *быт, бытность*. Все они относятся к повседневной жизни. И только произносительный вариант *бытие* поднялся в сферы высокой философии. <...> Понятие жизни (жизья) подразумевает: то, что родилось, неизбежно движется к смерти. А *бытие* означает, что всякая вещь имеет начало и конец. Этим *бытие* отличается от некоторых других философских понятий, образованных от того же глагола *быть/есть: естество, сущность*» (с. 365–366). Так автор наблюдает изменение значения слов во времени.

Ученый сравнивает слова в родственных языках и устанавливает их общее происхождение от одного слова-предка. Разбирая слово *смерть*, автор отмечает, что его корень присутствует во многих языках: в латинском *mors* «смерть», немецком *Mord*, английском *murder* «убийство», санскритском *martas*, иранском *marta* «смертный» и других. По мнению исследователя, эти слова обозначают также человека, так как смертность – свойство людей: «...скифы-иранцы, расселившиеся в раннем средневековье на огромной территории от Днепра до Китая, долгое время жили там по соседству с предками современных финно-угорских народов – финнов, коми, венгров. Поэтому во всех этих языках сохранилось довольно много иранских слов. И в их самоназвании – *морд-ва, уд-мурты, мари*, средневековая *меря* присутствует иранский корень *tar* – “человек”» (с. 410). Наиболее ценным представляется то, что автор дополнил издававшуюся ранее книгу рассказом об истории слов, без которых русская языковая картина мира будет неполной.

Полагаем, что монография вылилась в серьезный научный труд большого культурно-исторического значения. Важно, что она не только знакомит с выводами, к которым пришел исследователь, и с современными достижениями лингвистической науки, в ней намечены также перспективы для дальнейшей работы в области этимологии.

Правила оформления статей

Объем статей должен составлять не менее 4 и не более 10 страниц формата А4.

Статья должна включать:

- 1) УДК;
- 2) Сведения об авторах на русском и английском языках (оформляются в виде таблицы без видимых границ, шрифт Times New Roman высотой 12, курсив): место работы, должность, ученая степень (если есть), фамилия и инициалы, страна, город, телефон;
- 3) Инициалы и фамилии авторов (шрифт Times New Roman высотой 12, обычный, выравнивание по центру);
- 4) Название статьи на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 12, жирный, прописные буквы, выравнивание по центру, переносы не допускаются);
- 5) Аннотацию (200–250 слов) на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 10, выравнивание по ширине);
- 6) Ключевые слова (5–10 слов и словосочетаний) на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 10, выравнивание по ширине);
- 7) Основной текст (шрифт Times New Roman высотой 12 пунктов с одинарным интервалом);
- 8) Библиографический список на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 12 пунктов).

Поля слева и справа – по 2 см, снизу и сверху – по 2 см.

Выравнивание текста – по ширине.

Отступ первой строки абзаца – 1 см. Пожалуйста, не используйте клавишу «Пробел» для создания абзацных отступов (используйте меню «Абзац» на панели инструментов), а также для выравнивания текста (для этого используйте функцию «Выровнять по ширине» на панели инструментов).

Иллюстрации выполняются в векторном формате в графическом редакторе Corel Draw либо в любом из графических приложений MS Office. Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них в удобном для автора виде. Название иллюстраций (10 пт., обычный) дается под ними по центру после слова **Рис.** с порядковым номером (10 пт., обычный). Если рисунок в тексте один, номер не ставится. Точка после подписи не ставится. Между подписью к рисунку и текстом – 1 интервал. Все рисунки и фотографии должны иметь хороший контраст и разрешение не менее 300 dpi. Избегайте тонких линий в графиках (толщина линий должна быть не менее 0,2 мм). Рисунки в виде ксерокопий из книг и журналов, а также плохо отсканированные не принимаются.

Слово **Таблица** с порядковым номером размещается по правому краю. На следующей строке приводится название таблицы (выравнивание по центру без отступа) без точки в конце. После таблицы – пробел в 1 интервал. Единственная в статье таблица не нумеруется.

Ссылки на литературные источники в тексте заключаются в **квадратные скобки [1; с. 54–67]** с указанием страниц.

Библиографический список приводится после текста статьи на русском и английском языках в соответствии с требованиями ГОСТ. Шрифт 12 пт., обычный, выравнивание по ширине страницы, абзац – 1 см. **Оформлять в алфавитном порядке библиографический список необходимо по ГОСТу Р 7.05-2008.**

Рекомендации по написанию аннотации и выбору ключевых слов

Аннотация (на русском и английском языке) обязательна. Объем аннотации – 200–250 слов. Задача автора – в 4–6 предложениях выразить суть исследуемой проблемы, ее актуальность и методы решения. Аннотация – это не содержание статьи, а ее характеристика. Структурно аннотация должна включать следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, тему, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

В тексте аннотации на английском языке следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов, а также следует применять значимые слова из текста статьи.

Ключевые слова (на русском и английском языках) – обязательны и должны содержать 5–10 слов и словосочетаний. Ключевые слова и словосочетания отделяются друг от друга запятой. Ключевые слова, составляющие семантическое ядро статьи, являются перечнем основных понятий и категорий, служащих для описания исследуемой проблемы.

С уважением, журнала «Актуальные вопросы современной филологии и журналистики».

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 811.161.1 ББК 81.2 Рус-5

*Гуманитарный институт филиала Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова в г. Северодвинске
канд. филол. наук, ст. преп. кафедры языкознания
Морозова Н.С.
Россия, г. Северодвинск, тел. +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru*

*Institute of Humanities of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (branch in Severodvinsk)
The department of linguistics,
PhD, senior lecturer
Morozova N.S.
Russia, Severodvinsk, +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru*

Н.С. Морозова

ОБРАЗ ПЕРВОГО СНЕГА В РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРА

В статье рассматривается один из значимых фрагментов русской художественной картины мира – первый снег.....

Ключевые слова: художественная модель мира, художественный образ, художественная концептуализация, признаки образа, повторяющееся поэтическое сочетание.

N.S. Morozova

IMAGE OF THE FIRST SNOW IN RUSSIAN POETIC MODEL OF THE WORLD

The article deals with one of the important fragment of Russian aesthetic picture of the world – the first snow.

.....

.....

Key words: aesthetic picture of the world, fiction image, fiction conceptualization, image features, repeated poetis combination.

Первый снег – одно из таинств природы, красота которого волновала поэтов еще в XIX в.: его воспевали П.А. Вяземский, А.М. Жемчужников, А.П. Бунина, И.З. Суриков и др. Несомненно, певцом первого снега в русской поэзии по праву считается П.А. Вяземский, сумевший воссоздать прелесть *нежного баловня полуденной природы, сына пасмурных небес полуночной страны* [4]. Поэт не только передал красоту этого явления природы, но и смог средствами поэтического языка изобразить русскую зиму, создав классический шедевр, на что обращали внимания как его современники (А.И. Тургенев, А.С. Пушкин), так и впоследствии исследователи его творчества (Л.Я. Гинзбург, Б.С. Мейлах, К.И. Соколова и др.).

Поэтический текст содержит результаты эстетического освоения действительности, наряду с национальным языком, отражающим результаты обыденного познания мира, и наряду с научными текстами, фиксирующими результаты научного освоения мира природы и человека.

Снег является значимым фрагментом русской языковой картины мира, в силу этого снег – важный компонент художественной модели мира: образы снега, метели, снегопада присутствуют в творчестве многих авторов XVIII – начала XXI вв., о чем говорят более 8 тысяч контекстов, выявленных методом сплошной выборки из произведений русских поэтов. Особое место среди всего корпуса «снежного» поэтического материала составляют контексты, целые произведения, в которых создан образ первого снега. Постоянное обращение поэтов разных эпох и различных эстетических взглядов к данному образу дает основание предположить, что первый снег (как явление природы) обладает особым эстетическим и символическим смыслом.

Материалом для данного исследования послужили контексты, в которых использованы сочетания *первый снег, первый снежок, первый снегопад, первые сугробы, первая пороша*. Наблюдения над контекстуальным окружением названных сочетаний позволяют определить особенности художественной концептуализации первого снега как фрагмента действительности и тем самым установить, какие новые значения появляются у образа первого снега на каждом этапе развития русской поэзии. Так, в этом аспекте рассмотрены контексты, в которых созданы образы по модели «*первый снег как объект, обладающий определенными признаками*». Под признаками в данной модели понимаются как различные физические проявления первого снегопада («мелкий», «мокрый», «утренний» и пр.), так и художественные признаки, представляющие особые ассоциативные связи, которые возникают в поэтическом сознании авторов при виде снега (например, первый снег как напоминание о каких-либо событиях в жизни человека). Кроме того, привлечение большого корпуса текстов XIX – начала XXI вв. делает возможным определить круг объектов, в эстетическом осмыслении которых актуализируются признаки первого снега и в описании которых используется сочетание *первый*

снег в роли предмета сравнения. В этом направлении проанализированы контексты, в которых реализуется модель образа «некий объект как первый снег».

Среди названных выше сочетаний регулярность употребления характерна для синтагмы *первый снег*, что подтверждается использованием его в функции заглавия произведений поэтов разных эпох: П.А. Вяземского, А.М. Жемчужникова, С.А. Есенина, В. Брюсова, Б.Л. Пастернака, А. Вознесенского, Н. Рубцова, Л. Мартынова, Т. Алферовой, В. Осипова, В. Шнейдера и др. Кроме того, сочетание *первый снег* наряду с названными синтагмами отличается большей частотой употребления. Эти условия позволяют отнести синтагму *первый снег* к повторяющимся поэтическим сочетаниям, под которыми мы понимаем элементы общей системы поэтического языка, совпадающие у разных авторов, вычлененные из поэтического текста единицы, которые не утрачивают своей экспрессивности при неоднократном использовании поэтами, принадлежащими к одному или разным поколениям.

Анализ материала показал, что сочетание *первый снег* функционирует в русских поэтических текстах с различной контекстуально-смысловой нагрузкой. Заметим, что в нашем материале практически не встретились контексты из произведений XVIII в., что объясняется типом художественного мышления того времени – господством монументализма и масштабности. Это в свою очередь проявляется и в незначительном количестве произведений с описанием пейзажей, в том числе – зимних. Заметим, что для поэзии XVII в. характерна статичность в изображении природы, тогда как первый снег (в реальном мире и в художественной его модели) – это мимолетное, порой быстро исчезающее явление погоды.

Обозначим группы контекстов, в которых созданы образы по модели «*первый снег как объект, обладающий определенными признаками*». В первую очередь к этой группе относятся контексты, в которых эстетическое значение синтагмы *первый снег* совпадает с узуальным значением составляющих ее единиц *первый* и *снег* в национальном языке. Например, *Поникли тополя. / Ложится первый снег. Пусты поля...* (Г. Адамович), *Завершился листопад, / Первый снег упал на крыши* (Л. Мартынов), *Уж мороз серебром темный лес разукрашивал, / Подмерзала земля и снежок, / Первый, мягкий снежок припорошивал* (Д. Бедный), *Первый снег плотину ярко выбелил* (А. Тимирева), *Выпал за окнами первый снежок, / Блекнет закат, догорая...* (М. Светлов), *Первый снег сапог хватает* (О. Фокина), *Три алые розы на первом снегу / У края лежат тротуара. / Их кто-то швырнул на ходу, на бегу. / Три искры ночного пожара* (И. Николукин) и др. В ряде случаев снег, являясь предметом изображения, становится и объектом эстетического осмысления. Сравнивая первый снег с каким-либо предметом из мира человека или с объектом природы, поэты подчеркивают различные оттенки проявления этого погодного состояния. Например, *Ручей прозрачный / Замедлит свой журчащий бег. / И на него фатой брачной / Небрежно ляжет первый снег* (К. Фофанов); *Я по первому снегу бреду <...> / Может, вместо зимы на полях, / Это лебеди сели на луг* (С. Есенин). Сравнение снега в первом случае с фатой, а во втором – с лебедями создает картину легкого, прозрачного, неплотного слоя, покрывающего воду, и картину темной земли, неравномерно покрытой белым снегом.

Кроме того, в эстетическом описании первого снега в текстах XX в. встречаются атрибутивы с общим значением «характеристика человека», которые, с одной стороны, передают особенности падения первого снега, создавая неповторимый образ, а с другой – выражают эмоции, чувства и ощущения, появляющиеся у лирического героя в эту погоду. И в этом случае образное осмысление первого снегопада различно. Например, *То идет он сверху вниз, / то снизу вверх – / озабоченный, растерянный, / чудной... / Я прекрасно понимаю / первый снег, / потому что так же было и со мной. / Время встало. / А потом пошло назад!* (Р. Рождественский), *Первым злым / Колочим снегом /*

Дрожит озябшая земля – / Зима жестоким печенегом / Пришла на мирные поля (А. Жигулин), На нашей долгой бытности / Казалось нам не раз, / Что снег идет из скрытности / И для отвода глаз. / Утайщик нераскаянный, – / Под белой бахромой / Как часто вас с окраины / Он разводил домой! (Б. Пастернак).

Итак, к группе контекстов, в которых созданы образы по модели «первый снег как объект, обладающий определенными признаками», относятся контексты, актуализирующие физические явления этого погодного состояния (*мягкий, пушистый, белый* и пр.), а также передающие их эмоциональное восприятие лирическим героем (*злой, озабоченный, растерянный*). Выдвижение тезиса о значимости образа первого снега для русской поэтической модели мира требует рассмотрения жизни образа в текстах XIX – начала XXI вв. в эволюционном аспекте, что дает возможность установить, как менялось значение образа, как и когда у него появились новые смыслы.

Обозначим контексты, в которых созданы образы по модели «первый снег как объект, обладающий определенными признаками», составляющие группу с актуализацией ассоциативных связей образа снега. Так, достаточно устойчивым для поэтического сознания русских авторов является осмысление первого снега как «погодного явления, напоминающего о чем-либо важном или связанного со значимыми событиями в жизни лирического героя (и его автора)». Например, *Живо вспомнил я старое время, / Поздней осенью первый снежок, / И темнеющий сумрак вечерний, / И в окошке твоём огонек (Л. Пальмин), Ловит память тонким клювом / Первый снег и первопуток (С. Есенин), Сегодня мне немного непривычно, / Вокруг бело. И около Карпат / Такая тишь, которая обычно / Бывает только в первый снегопад <...> / Но каждый видит памятные дали / И первый снег, упавший на село (К. Ваншенкин), Очень гордая, / сама пришла ко мне, / равнодушие, обидное стерпя. / На твоих ресницах / тает первый снег... (Р. Рождественский), Пусть падают листки календаря, / пусть будет долог жизненный твой путь. / Но день двадцать шестого октября, / но первый снег его – забудь, / совсем забудь. / Как не было... (О. Берггольц), Погода напомнила / Осень в Тайшете / И первый на шпалах / Колючий снежок (А. Жигулин), Первый снег мне былое напомнил / О судьбе, о земле, о Тебе, / Я оделся и вышел из комнат / Успокаивать горе в ходьбе (Б. Поплавский), О как легко плеча плечо / Касалось той поры <...> / Стелила свежий первый снег / Нам улица одна <...> / Еще идет там первый снег, / Есть улица одна, / И мы увидим белый свет / Из одного окна (Л. Мочалов).*

Другим доминирующим художественным признаком выражения эстетического значения образа первого снега является «особое эмоциональное состояние, которое появляется у лирического героя при любовании этой погодой». Впервые в русской поэзии своим восторгом при виде первого снега поделился с читателями П.А. Вяземский: *Приветствую душой и песнью первый снег* («Первый снег», 1819 г.). Запечатлеть исчезающую мимолетную красоту первого снега стремился А.М. Жемчужников в стихотворении «Первый снег» (1888 г.): *Так первый снег мне этот мил! / Скорей подметить! Он победу / Уступит солнечному дню; / И к деревенскому обеду / Уж я всего не оценю.*

Этот оттенок эстетического значения образа первого снега является актуальным для авторов на протяжении всего XX и начала XXI вв.: *Я по первому снегу бреду. / В сердце ландыши вспыхнувших сил (С. Есенин), Счастлив видеть первый снег, / Стройных сосен колоннаду (К. Ваншенкин), А нынче, землю веселя, / Упала первая пороша (Н. Браун), По первому снегу так хочется ехать куда-то, / чтоб ночь, и вокзал, и билеты с проставленной датой, / но без указания станции – / вперед, наугад, что достанется (Т. Алферова), [О первом снеге. – Н.М.] <...> Снег прикрыл только ворохи бурой листвы, / А зеленых трав – не осилил. / С новым снегом становится кровь горячей / И смелей для*

пьянящего шага. / Черной жилкой пульсирует нервный ручей / В побелевшей бездне оврага. / С первым снегом тебя! (А. Бобров).

Особенно ярко эмоциональное восприятие первого снега проявилось в произведении Д. Самойлова, где создана трогательная картина первого снегопада, который настолько гармоничен внутреннему миру героя, что у него при виде первого снега создается впечатление встречи с родственной душой: *Рано утром почувался снег. / Он не падал. Он лишь намечался. / А потом полетел, заметался. / Было чувство, что вдруг повстречался / По дороге родной человек. / А ведь это был попросту снег – / Первый снег и пейзаж Подмосковья.*

В эту же группу контекстов вошли те, в которых образ первого снега связывается с творческим настроением героя, воспринимающего первый снег как время поэтического вдохновения. Заметим, что данный оттенок значения образа актуален лишь для современных авторов. Например, *Стихи идут по первому снежку* (Н. Горбаневская), *На белый лист строка ложится, / На белый лист. / А в небе первый снег кружится, Безгрешно чист. / Он до земли не долетает, / Неуследим. / И с ним душа моя витает / Над сном твоим* (В. Халупович).

Материал показал, что в поэзии XX в. за счет актуализации узуального значения прилагательного *первый* «первоначальный, ранний, происходящий ранее всех других» [3] образ первого снега приобретает еще одно значение. Семантика слова *первый* обусловливает «прочтение» этого образа в связи с общефилософской категорией начала, а сочетание *первый снег* приобретает символическое значение «начала чего-либо». Например, в стихотворении О. Берггольц образ первого снега актуализируется при описании первых (в прямом и переносном значении) шагов в жизни человека: *Точно детство вернулось и – в школу. / Завтрак, валенки, воробьи... / Это первый снег. Это первый холод / губы стягивают мои <...> / Точно первый снег, / первый шаг у дочки, / удивительный в октябре* (О. Берггольц). В стихотворении Е. Евтушенко образ первого снега появляется при осмыслении важных этапов жизни человека. Снег наделяется индивидуализированным значением: «у каждого свой первый снег (каждый по-своему воспринимает его)»: *И если умирает человек, / с ним умирает первый его снег, / и первый поцелуй, и первый бой... / все это забирает он с собой.* Повторение слова *первый* в сочетании со словами *снег, поцелуй, бой* в контексте этих строк позволяет интерпретировать данные субстантивы как обозначение понятий «начало жизни», «любовь», «борьба» – важные составляющие пути человека. Кроме того, в ряду *первый снег, первый поцелуй, первый бой* слово *снег* занимает особое положение: он открывает данный ряд и, обозначая в действительности часть природы, а не жизни человека, благодаря контекстуальному окружению приобретает символическое значение «всего первого, что произошло в жизни человека».

Так, у поэтического сочетания *первый снег* к концу XX в. постепенно расширяется контекстуальное окружение, которое формирует новые обертоны смысла. Образ первого снега на каждом следующем витке развития русской поэзии обогащается текстовыми семантическими приращениями, которые естественно связаны с многообразием поэтических индивидуально-авторских систем.

Второй аспект анализа полученного материала состоит в выявлении круга реалий, объектов, в эстетическом осмыслении которых актуализируется первый снег, его концептуальные признаки. В этом направлении проанализированы контексты, в которых реализуется модель образа «некий объект как первый снег».

В поэзии XIX в. природная белизна снега устойчиво актуализируется при описании цвета кожи: *спрыгнув с коня ретивого, / Точно первый снег бела, / Без рыданий к мужу мертвому / Василиса подошла* (И. Суриков), *Как первый снег та длань бела* (В. Кюхельбекер), седины: *Ветр власы его взвевает, / Белые, как первый снег!* (А. Бунина),

в конце XIX в. при описании небесного тела: <...> *светлая лазури высота / Горит незбылемо над нами. / И тусклая луна, бледна как первый снег / В лучах вечернего заката, бледна как первый снег* (К. Фофанов).

Для поэтического языка рубежа XIX – XX вв. характерны открытия новых метафорических возможностей поэтического слова, это время изменения семантического строя, структуры поэтического образа; период активного освоения новых пластов лексики [1], эпоха «глубокой трансформации образного мышления в эстетическом сознании России» [2]. Эти тенденции развития поэтического языка проявились и в функционировании сочетания *первый снег*. Например, новым, неожиданным для языка поэзии стало сравнение звучания голоса смеющегося человека с первым снегом: *И серый глаз светлей воды с колодца, / И смех свежей, чем первый белый снег...* В этом случае актуализируется не только природный цвет снега, но и та прохлада, которая возникает в воздухе при первом снеге. Тем самым создается образ на основе синестезии: в передаче впечатлений от смеха (особого звука, издаваемого человеком) совмещаются признаки снега «цвет» и «холод».

Заметим, что названные черты поэтического языка сохранились на протяжении всего XX в.: образ первого снега актуализируется при описании человека, его внутреннего мира, душевного состояния. Например, *И тает первый снег / На сердце у меня* (А. Межиров). Обстоятельный компонент *на сердце* в конструкции *тает первый снег на сердце* дополняет содержание образа первого снега: в данном случае сочетание *первый снег* обозначает внутренний, эмоциональный холод, который был вызван событиями в жизни героя. Интересным представляется функционирование в этих строках глагола *тает*. С одной стороны, он актуализирует концептуальный признак снега как вида атмосферных осадков – свойство «превращаться в жидкое состояние под действием тепла», а с другой стороны, благодаря соседству с сочетанием *на сердце* приобретает переносное значение «исчезать, постепенно сокращаясь, прекращаясь» [3]. В строках Ю. Кузнецова *Выхожу – а девушка смеется, / Весело смеется у ворот. / Вся она, как легкая пушинка. / И душой чиста, как первый снег* при создании образа невинно чистой девушки актуализируется признак белизны первого снега. Заметим, что такое осмысление белого цвета снега к этому времени становится традиционным для русской поэзии, однако в данном случае подчеркивается первоначальная белизна снега, тем самым усиливается символическое значение белого цвета.

Наряду с этим образ первого снега актуализируется и при описании жизненных ситуаций. Например, *И покроется жухлая зелень / Первым снегом осенних невзгод* (А. Жигулин). В строке *первый снег осенних невзгод* синтагма *первый снег* приобретает дополнительное эстетическое значение «изменения в жизни человека и в природе, которые связаны с наступлением холодов». Генетивная метафора *снег невзгод* раскрывает комплекс ассоциаций: текучесть времени, неблагоприятные, менее всего ожидаемые нежелательные события, их близость и неизбежность.

Еще большее разнообразие художественных ассоциаций у образа первого снега находим в поэзии конца XX – начала XXI вв. Так, В. Лапшин использует образ первого снега при передаче красоты цветущей черемухи: *Он черемуху колышет. / А она-то, а она – / Снега первого белее*. Однако более актуальным образ первого снега оказывается при описании внутреннего мира человека. Например, В. Болохов точно передает эмоциональные переживания пожилого человека, увидевшего первый снег через окно вагона: *И не одна душа / от суеты седая, / извечностью дыша, / вдруг стала молодая. <...> / Хотя была слеза – / как снег... / тот самый – первый...*

Особую философскую «пронзительность» приобретает образ первого снега в строках Е. Матусовской, передающей осмысление жизненной несправедливости при

виде умирающих больных детей, осознание неизбежности ухода их из жизни: *Но тщетно к ним [Больные умирающие дети. – Н.М.] идти с вопросом. / Как первый снег, как лёгкий дым / Они уходят. И уносят / Ту тайну, что открылась им* (Е. Матусовская).

Наблюдения над контекстуально-смысловыми изменениями отдельной единицы поэтического языка (в данном случае повторяющегося поэтического сочетания) привели к интересным результатам. Так, проследив характер использования синтагмы *первый снег* в текстах русских авторов начала XIX – начала XXI вв., мы выяснили, что образ первого снега является неотъемлемой частью русской поэтической картины мира, на протяжении развития русской поэзии он обогащается новыми ассоциациями, обрастая различными смысловыми обертонами, которые в свою очередь свидетельствуют о постепенной символизации первого снега в художественном мире.

Библиографический список

1. Гинзбург Л.Я. О лирике. М.: Интрада, 1997. 415 с.
2. Келдыш В.А. Русская литература конца XIX – начала XX века как сложная целостность // Русская литература конца XIX – начала XX века. В 2 т. Т. 1. / отв. ред. В.А. Келдыш. М.: Академия, 2007. 287 с.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.
4. Сорокина К.И. Элегия П.А. Вяземского «Первый снег» в творчестве А.С. Пушкина. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/>

References

1. Ginzburg L.Y. About lyrics. M., 1997. 415 p.
2. Keldysh V.A. Russian literature of the late 19th – early 20th c. as a complicated unity // Russian literature of the late 19th – early 20th c. in 2 vol. Vol. 1 / ed. by V.A. Keldysh. M., 2007. 287 p.
3. Ozhegov S.I., Shvedova N.Y. Russian language dictionary. M., 1997. 944 p.
4. Sorokina K.I. The elegy «The First Snow» by P.A. Vyazemsky in Pushkin's works. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/>

Научный журнал

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ
И ЖУРНАЛИСТИКИ**

№ 3(26) 2017

Издается с 2006 г.
Выходит 4 раза в год.

Подписано в печать 19.10.2017. Формат 60*84 1/8. Бумага писчая.
Уч.-изд. л. 9,5. Усл.-печ. л. 12,3. Тираж 500 экз. Заказ № _____
Выход в свет 09.11.2017. Цена свободная.

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
394026 Воронеж, Московский проспект, 14
Отдел оперативной полиграфии ВГТУ
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84